

№ 3

ДЕКАБРЬ 2007 Г.

ТРОИЦК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Ирина Шлионская

ЧЁРНЫЙ КОТЁЛ

(мистический роман)

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ ТРОИЦКИХ АВТОРОВ!

Нина Соротокина
“Под общим зонтом” (роман, рассказы)
Печ. листов 19.
298 страниц.
Тираж 500.
Троицк: издательство “Тривант”, 2007 г.

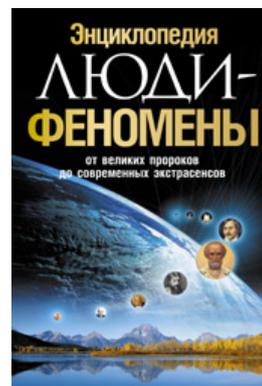
Трудно определить жанр произведения, когда мечешься между “роман” и “мемуары”. Поэтому роман заявлен Ниной Матвеевной как документальный. Но это тот самый случай в литературе, когда можно смело объявить о ее новой творческой удаче, вылившейся в художественную ценность на радость читателей.

Наша знаменитая землячка советует всем оставить после себя генеалогическое древо и мемуары, “чтобы наши дети не выросли “родства непомнящими”.

Ирина Шлионская
«Люди-феномены» (энциклопедия)
Усл. печ. листов. 19,3.
370 страниц.
Тираж 5000.
Издательский дом “Гелеос”, 2007 г..

Все люди личности и все феномены. По оригинальности, гениальности, по достижениям, по случайным совпадениям на гребне какой-нибудь шальной волны. Другое дело – какого ряда? В книге же приведены феномены только самые-самые из первого ряда, которых взяла под своё крыло история.

Геннадий Соловьев
“Сказочник” (стихи для детей)
Печ. листов 4.
64 страницы.
Тираж 200.
Редактор Вальчук Т.Е.
Троицк: издательство “Тривант”, 2006 г.

Вторая книга автора, преподнесшего детям еще одну порцию открытий:

**Если в сок кокосовый
Вылить ананасовый –
Будет коконасовый,
Но не анакосовый!**

Владимир Елисеев
“Неувядающие стихи” (стихи, пародии, эпиграммы, посвящения)
Печ. листов 2,5.
40 страниц.
Тираж 200.
Редактор Вальчук Т.Е.
Троицк: издательство “Трoвант”, 2006 г.

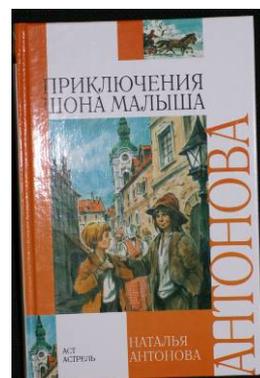
Приятная встреча с блестящими ироничностью стихами:

**Под Новый Год, отмыв свои грехи,
Пошел я в лес за елкой для дачи,
А по дороге сочинял стихи.
Ведь я поэт! Я не могу иначе!**

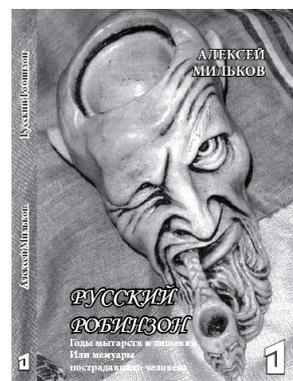
Наталья Антонова
“Приключения Шона Мальша” (Серия «Внеклассное чтение»)
Усл. печ. листов 23,52.
444 страниц.
Тираж 5000.
Рецензия Виктории Токаревой.
Москва: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007 г.

Увлекательная история полная приключений Шона Мальша и его друга Марка Шустрика. Мальчишки преодолевают немало опасных испытаний: находят семью Шона, пробираются в логово Черного Джека и освобождают из лап преступников маленькую заложницу, встречаются с призраком замка и раскрывают коварный план герцога Дугейского. Дружба и преданность помогают героям справиться со всеми трудностями.

Алексей Мильков
“Русский Робинзон” (приключенческий роман)
Печ. листов 6,85.
218 страниц.
Тираж (без объявления).
Троицк: издательство “Трoвант”, 2005 г.

Роковым оказалось путешествие на корабле для олигарха. Он попадает на обитаемый остров, постепенно заполняемый каннибалами. Жизнь на пределе выживаемости, а герой поневоле втянут в борьбу против современного пуританства, ханжества и снобизма.

ПОРА КОМУ-ТО ПРИНИМАТЬ ЭСТАФЕТНУЮ ПАЛОЧКУ ОТ СТИВЕНА КИНГА

Загадочна душа у русского народа – как, впрочем, и у японского, и китайского, и любого другого – одно народ любит, другое не терпит. Вот сатиру мы любим писать, юмор отлично получается, фантастика недурна собой. За качество реалистической литературы говорят сами за себя мировые имена: Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов. Но вот хокку, танки, газели русский человек не хочет писать.

Мистику тем более.

Неужели в России тишь да гладь, да божья благодать, а в Америке народ запуган так, что днем спит, а ночью бодрствует?

Судя по современному американскому писателю королю хоррора Стивену Кингу – это так.

А началось всё с Альфреда Хичкока. В то время, когда в России Владимир Даль компоновал свой “Толковый словарь” не такими уж однозначными пословицами и поговорками, а Александр Афанасьев собирал скабрзные, но безобидные “Заветные сказки”, на другой половине земного шара появился человек, который собирал именно... “страшилки”, в чем преуспел. Как известно, собирается то, что в изобилии “валяется” под ногами. В России Хичкокам было делать нечего, что говорило о благословенных временах без насилия и преступности. Не то что на Диком Западе. Не зря про Россию до сих пор говорят по инерции, что она страна непуганых ворон.

В России соблюдали старинные традиции, верили благоговейно в нечистую силу. Существовал некий паритет, она не трогала людей, а люди – ее. Вот нечисть и добрая какая-то была. К ней всегда можно было запросто подвалить и заморочить ей головы. Как измывались над ней, видно из многочисленных источников, прежде всего из пушкинской “Сказки о попе и его работнике Балде”.

Ручная стала она. Получается, мы по отношению к ней и есть нечистая сила.

А как прекрасно было раньше! При переезде на новое жилище закидывали за печь валенок, чтобы в него забрался домовый, затем с почетом этот валенок доставляли в новую квартиру. А теперь что? Тараканов перевозим, кошек запускаем с порога, а о домовых забыли. А они не просто члены семьи, а символ ее спокойствия, достатка и благополучия.

Но времена меняются, и по многим меркам Россия сравнялась с небоскрежной Америкой. Появились сим-

птомы, определяемые “вумными” терминами: психосоматическая разбалансировка личности, клаустрофобия, агорафобия. Жизнь наводнили маньяки, непредсказуемые технологии. Боязнь шума, как и тишины, света, как и темноты, одиночества, как и перенаселенности, целомудрия, как и распутства, замкнутого и открытого пространства – вот атрибуты нашего времени. Мужчины боятся женщин, женщины – мужчин. И т.д. Страхи порождают еще большие страхи, создавая замкнутый, да и порочный круг.

А это почва для писателей – инженеров человеческих душ.

И вот уже маньяки шаг за шагом встали в своем развитии на ступеньку выше – перевоплотились в монстров.

“Мой маньяк самый маньячный!” – говорит Стивен Кинг. “Нет – мой!”, “Нет – мой!”, “Нет – мой самый маньячистый!” – слышит он от других подпирющих его писателей-последователей.

Что интересно, в погоне за мистическими ужасами эти писатели добиваются гиперреальности: первое, это страха у читателей, многих из которых сделали заиками; второе, хотя маньяки-монстры противные, но читатели проникаются к ним жалостью, сочувствием, симпатией и до конца книги ждут, когда у них отрастет отбитая конечность, когда найдется свернутая челюсть, когда они женятся, обзаведутся детьми и будет ли счастливым их брак.

Судя по этим тенденциям в России грядет эра гоголевских “виев” и вечеров близ Диканьки или шабашей ведьм Воланда по Булгакову.

Открылись новые представления о маньяках. Они необязательно убийцы, и даже очень милейшие, мухи не обидят, люди. Но против которых говорит всё.

С легкой руки писателей под образом маньяка могут быть не только непременно черт-те-что, но и стихийные напасти, например, в виде опускающегося тумана на незадачливых людей, мистические стечения обстоятельств.

Пора кому-то принимать эстафетную палочку от Стивена Кинга. Пробегая критическим взглядом по роману Ирины Шлионской “Чёрный Котёл”, она первая претендентка. Ее “маньяк” требует особой классификации, поэтому само произведение – очень решительный подкоп под глыбу, которая называется: Стивен Кинг.

А прочитавшие роман, да приобретут иммунитет.

Алексей Мильков

Ирина ШЛИОНСКАЯ

ЧЕРНЫЙ КОТЕЛ

(мистический роман)

«Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся»

(Первое послание к коринфянам святого апостола Павла: Гл.15)

ПРОЛОГ

Давным-давно, в далекие и незапамятные времена, среди дремучих лесов обитало небольшое славянское племя. Житье этих людей было нехитрым: мужчины охотились и удили рыбу в озере, возделывали землю; женщины хлопотали по домашнему хозяйству, растили детей, которых в каждой семье рожали по выводку. Но однажды ясным летним днем с неба упал огромный черный котел. Многие видели, как врезался он в воды озера, взметнув за собой столб яркого пламени, и сгинул на дне.

Кто-то из стариков тут же припомнил слова давно умершего прорицателя: придет день – с неба в озеро свалится огненный котел. И тогда придет в селение большая беда, такая беда, что живые позавидуют мертвым...

Призадумались местные жители. Собрались на совет. Разное предлагали. Но, в конце концов, решено было достать котел со дна озера, и с заклинаниями закопать его подалеже в лесу. Женщины сплели большой невод, а мужчины закинули его в воду. Но вытащить котел так и не смогли. Тогда двое молодых смельчаков, умевших хорошо нырять, вызвались спуститься на дно и посмотреть, насколько велик котел. Они спустились под воду – но назад так и не всплыли. Тщетно соплеменники пытались выловить неводом тела утопленников – оба словно рас-

творились в озерной воде. Плач поднялся в селении, навзрыд голосили матери и жены, оставшиеся с малыми детьми без кормильцев.

А поздним вечером утонувшие неожиданно вернулись в свои хижины. Вскоре они вышли оттуда в сопровождении жен и детей, и направились на берег озера...

Через несколько дней случайно завернувшие в селение охотники из соседнего племени застали его совершенно опустевшим. В хижинах лежали утварь и одежда, а все до одного жители куда-то исчезли.

Легенда о черном котле и оживших утопленниках дошла и до других племен. Люди начали уходить из тех мест, посчитав их гиблыми. И впрямь: чистую, прозрачную гладь лесного озера стало затягивать ряской, все гуще и гуще, пока наконец озеро не превратилось в непроходимое болото...

Спустя тысячу лет в те края снова явились люди в поисках пространства для жизни. Они вырубали леса и построили город. Прошло время, и их ушей тоже достигло предание о черном котле. Но люди не смогли покинуть места, где, трудясь в поте лица своего, уже успели пустить корни. Только город взяли да и окрестили Черным Котлом. Так он и звался с той поры.

1. БОЛОТНЫЙ СТРАЖ

«Дверь распахнулась, и он увидел свою хозяйку, покрытую зеленой тиной и болотными травами».

(Н. Некрасов «Мертвое озеро»)

– Так я и знал! Колесо спустило! – Максим Бакульский довольно грязно выругался, и Катя невольно поморщилась, хотя уже далеко не впервые ей доводилось слышать нецензурную брань из уст своего утонченного, интеллигентного на вид мужа. Впрочем, у него было не так уж много недостатков по сравнению с другими мужчинами, и она давно смирилась – только в самом начале их брака это ее еще как-то шокировало.

Она посмотрела в окно. Лесная дорога виляла между деревьями, казалось, совсем теряясь в чащобе. Но Катя знала, что это не так, что дорога должна вывести на свет, к людям. Иначе и быть не могло. В Катиной жизни до сих пор все заканчивалось благополучно. Катя была единственной дочерью в семье, возглавляемой дедом-профессором. Девочка с золотой медалью окончила английскую спецшколу и поступила в иняз. Как раз в это время умер дед, оставив в наследство сыну огромную квартиру, дачу и бабушкины драгоценности. Даже, когда почти у всех прогорели сбережения, хранившиеся в банках, семья не бедствовала. Отец продал часть драгоценностей и вложил средства в бизнес. Вскоре его фирма стала процветать. Студентка Катя модно одевалась, едва ли не лучше всех в группе, у нее всегда водились деньги, которые она в изобилии тратила на театры, клубы и кафе.

С Максимом их познакомил отец. Будучи студентом, парень подрабатывал менеджером в отцовской фирме. Однажды Максим зашел к ним домой по какому-то делу и увидел Катю. Она тоже разглядела его: высокий, темноволосый, бледный, с большими карими, чуть грустными глазами – именно так Катя представляла себе принца своей мечты. И не ошиблась. Макс, улучив момент, когда они остались наедине, пригласил ее в театр. Всего через несколько месяцев после знакомства они поженились.

Теперь обоим исполнилось уже по тридцать. Детей у них не было – решили подождать, пока пожить для себя. Макс стремительно делал карьеру, недавно открыл собственную фирму. Катя, окончив вуз с красным дипломом, устроилась переводчиком в посольство – помогли, конечно, связи отца. Она была вполне довольна своей жизнью и своим браком. Максим иногда выпивал и, возможно, как она догадывалась, заводил интрижки на стороне. Но, судя по всему, бросать жену не собирался. Со старившийся отец частенько повторял: «Ты за ним, дочка, как за каменной стеной! Держись за него!» И она держалась...

С поездкой в Черный Котел все решилось в последний момент. Макс занимался недвижимостью, в том числе помогал людям приобретать дома и землю в разных заповедных и экзотических местах. В последнее время в моду у так называемого «среднего класса» вошло покупать уголья в российской глубинке, вдали от цивилизации. Фирма сводила клиентов с потенциальными продавцами и получала свой процент. При этом продавцов уговаривали взвинчивать цены до небес, расхваливая перед московскими лохами якобы преимущества провинциальной жизни: природа, воздух, свежие овощи с огорода, и так далее... Правда, надо отдать Максиму должное – с развалахами он не связывался, выбирал только усадьбы в приличном состоянии, за которые хозяева просили от двадцати тысяч баксов и выше.

Домовладелец из Черного Котла обратился к риэлтерам два месяца назад. Объяснил, что от покойной тетки остался дом с участком, сам он живет в другом городе и ездить туда не собирается – хотелось бы продать как можно выгоднее. Кто-то посоветовал ему обратиться в их агентство. Макс попросил принести снимки дома, занес файл в картотеку. Осмотреть дом он

собирался, когда появится покупатель – такова была политика фирмы. Вернее, осмотр входил в обязанности агентов. Но неожиданно, буквально как снег на голову свалившийся клиент потребовал срочно, в течение недели, подыскать для него что-нибудь приемлемое – да, там, в глубинке. Стояла пора отпусков, кроме Максима в офисе работали всего трое агентов, и все они были загружены до предела. Понимая, что выгодный клиент, согласившийся выложить за периферийную «фазенду» примерно тридцать тысяч долларов (дом оказался добротный, кирпичный и с мезонином, да при нем еще яблоневый сад, если верить хозяину), уйдет, Макс срочно связался с продавцом. Договоренность была быстро достигнута: в ближайшую субботу Макс едет в Черный Котел, осматривает дом и садовый участок, уточняет цену и, если все в ажуре, в понедельник привозит туда клиента.

Племянник умершей хозяйки «фазенды» сообщил, что прибудет в городок еще накануне вечером, в пятницу, и лично встретит маклера. Он подробно объяснил, как проехать. На том и остановились.

Катя заприслалась в путешествие сама. Услышав, что муж в их законный выходной уезжает по делам, она пришла в уныние. Дело в том, что ранее они договаривались поехать на дачу к знакомым. Отправляться туда одной Кате несколько не хотелось: Толик был еще мужик ничего, а вот его жена Мила – законченная стерва. Она не упустила бы повода подтрунить над Катей и намекнуть, что под предлогом деловой поездки ее благоверный встречается с другой женщиной. Возразить на это Кате было нечего: сама Мила держала своего муженька в ежовых рукавицах и тщательно контролировала все его передвижения. В такую поездку она его одного просто бы не отпустила. Или поехала бы с ним сама. «А почему бы мне не поехать?» – подумала Катя. И тут же уцепилась за эту мысль. Действительно, почему она должна терять выходной? Макс говорил, там лес, природа. Птички, наверное, поют, солнышко светит... Чем не дача? И вообще неплохо было бы новые места посмотреть – как говорится, себя показать и людей поглядеть...

Муж неожиданно легко согласился взять ее с собой – может, боялся, что будет скучать в пути – значит, все-таки любит?! Они набрали в дорогу еды, питья, будто действительно собирались на отдых. Макс захватил даже бутылку водки – мало ли как ситуация обернется? Настроение с утра было почти праздничным. Катя радовалась и новому дню, и этой неожиданной поездке... Как хорошо вот так сидеть в машине, смотреть, как руки мужа уверенно держат руль «мазды», как за окном стелется ровная лента шоссе, мелькают дома, люди, деревья... А они мчатся вперед, в прекрасное неведомое далеко...

Интересно, как он выглядит, город со странным названием Черный Котел? Давным-давно, а может, и никогда не доводилось ей бывать в маленьких российских городках, где центр застроен трех- и пятиэтажными хрущобами, а на окраинах приутились ветхие деревянные лачуги, возле которых в пыли важно ходят куры, или высятся роскошные особняки местных богатеев с неприступными бетонными заборами.

За три с половиной часа езды Катин оптимизм заметно пошел на убыль: шоссе потеряло ровность, машина то и дело подпрыгивала на ухабах, пейзажи за окном давно приелись, и Катя сейчас мечтала только об одном – выйти из автомобиля, размять ноги, передохнуть на какой-нибудь лужайке, а еще лучше – на дачной веранде, увитой плющом, за чаем с приветливыми хозяевами... И вот, наконец, они свернули с шоссе на дорогу, которая вела в Черный Котел.

Они ехали в этом направлении уже полчаса, и Катя несколько раз обеспокоенно спрашивала: «Может, ты не там свернул?» Максим мрачно молчал, не удостоивая жену ответом. Дорога становилась все уже и уже, деревья, казалось, все ближе подступали к обочине. Кате стало не по себе, будто они хотели раздавить ее. И тут раздался знакомый звук лопнувшей шины...

Пока Максим с убитым видом осматривал ущерб, до Кати дошло, что запасы у них нет. Макс только вчера менял колесо, и еще не успел съездить за новым. Это случилось далеко не в первый раз. Беспечность мужа переходила всякие границы, и ему не раз приходилось оказываться в подобной ситуации. Но обычно выручали проезжие водители или вызванная по мобильному служба автосервиса. В здешней глуши они пока не встретили на дороге ни одной машины, а автосервис, скорее всего, находился не менее чем в полутора часах езды отсюда.

Макс достал из кармана рубашки сотовый и принялся тыкать в кнопки. Потом с недоумением уставился на аппарат:

– Ничего не понимаю! Только утром батарею заряжал, а она опять села. Катя, давай твой.

Катя порылась в сумочке в поисках мобильника.

– Кажется, дома забыла, – растерянно призналась она наконец.

– Всегда знал, что на тебя нельзя положиться, – раздраженно заметил муж.

Это была правда. В глубине души Катя питала неприязнь к хитрому устройству, которое в любой момент могло оторвать ее от сиюминутных дел и этим зачастую действовало на нервы. Поэтому, наверное, из подсознательного протеста она то и дело забывала взять телефон с собой, или он как бы случайно оказывался отключенным. Это неизменно вызывало гнев и раздражение со стороны Макса, который считал мобильник необходимым атрибутом жизни, и не мыслил существования без него.

Судя по всему, их поездка закончилась. Катя выбралась из салона и с наслаждением вдохнула лесной воздух, пропитанный ароматами древесной смолы, листьев и коры. Все-таки хорошо на природе! Только вот почему лес кажется таким злобещим? Может, здесь водятся медведи или волки? Или... дурные люди?!

– Что ты предлагаешь? – осторожно обратилась она к мужу.

– Ничего не поделаешь, придется идти дальше пешком. Вряд ли тут кто-нибудь проедет.

– Пешком? А ты уверен, что знаешь дорогу, и мы не заблудимся?

– Я же ответил – уверен! – огрызнулся он, хотя отвечал ей на этот вопрос в первый раз. – Я свернул налево именно там, где этот мужик мне сказал, – у деревянного столба. Другого столба не было! А дальше он велел ехать по прямой.

– Может, ты перепутал? Может, надо было свернуть направо?

– Да отстань ты! – фраза прозвучала не очень зло, но Катя поняла, что это предел – больше таких вопросов задавать нельзя.

– Так куда двигаться? – нарочито бодрим тоном поинтересовалась она, подчеркивая, что решение предстоит принимать именно мужчине.

– Пока – вперед! А там – посмотрим.

...Она не знала, сколько времени они уже идут по ухабистой дороге, нагруженные сумками. Полчаса? Час? Макс мрачно молчал, не произнося ни слова, и Кате казалось, что она здесь совсем одна-одинешенька и бредет неведомо куда. Женщина уже не верила, что этому пути когда-нибудь придет конец – может, ей так и суждено вечно брести по дороге до Страшного Суда, в наказание за то, что слишком хорошо и счастливо жила, за то, что не желала стать матерью и впустить в этот мир новую жизнь? Катя не была особо верующей, но никогда не сомневалась в существовании высших сил, которые наблюдают за людьми. «Вот и за нами сейчас кто-то наблюдает», – подумала она. И в этот миг в самом деле почувствовала спиной чей-то пристальный взгляд. Она обернулась. На дороге стоял мальчик лет десяти. Что-то странное было в его облике: одет в белую рубашонку до колен, ноги босы, соломенные волосы длинные, как у девочки... Катя и приняла бы его за девочку, если бы

внимательнее не всмотрелась в конопатое лицо с узкими зеленоватыми разбойничьими глазами и большим ртом. Остричь бы ему волосы, одеть в нормальные брюки и рубашку – и ничем отличить от любого школьника-сорванца...

– Мальчик! – окликнула Катя. – Пойди сюда!

Максим, немного обогнавший ее, тоже оглянулся. На лице его отразилось удивление. Действительно, пришло в голову Кате, откуда здесь этот пацан – один, без взрослых? Где он живет? Может, из дома сбежал, от родителей-алкоголиков?

И тут мальчуган пустился прочь, ловко лавируя между деревьями.

– Эй, подожди! – окликнул Максим. Но мальчик уже пропал. Даже хруста веток под ногами не было слышно.

– Странно, правда? – немного растерянно спросил Макс.

– Странно, – согласилась Катя.

Катя почувствовала, как напряглась спина Максима. Но она уже и сама увидела: дорога впереди кончалась, а извилистая тропка вела вниз, в глубокий овраг, со всех сторон окруженный вековыми деревьями. Никаких намеков на цивилизацию.

– Ну что? – ехидно спросила женщина. – Теперь-то ты признаешь, что все-таки не там свернул?

– Этого не может быть! Он мне сказал – налево! Наверное, ошибся.

– И что нам теперь делать? Топать пешком назад, к повороту? Ты хоть представляешь, сколько там километров?

– Ничего другого, видно, не остается. – Макс старался не смотреть жене в лицо. Она знала, как он нервничает и переживает. Но ведь и сама Катя нервничала не меньше.

«Это все из-за меня! – вдруг подумалось ей. – Если бы я с ним не поехала, он бы не заблудился... Хотя... Почему именно я? Если тот мужик неправильно ему объяснил, все равно заблудился бы. Нет, если бы колесо не спустило, все было бы не так страшно...»

Сколько им идти? Километров десять? Кате не хотелось даже представлять себе этот обратный путь через злобещий лес, где прячутся странные мальчики в белых рубашках. Может, все-таки им повезет и их подберет какой-нибудь автомобиль? Но откуда здесь возьмется автомобиль? Ведь дорога ведет в тупик, в овраг...

Внезапно Катя ощутила, как Макс трогает ее за плечо. Она взглянула в ту сторону, куда смотрел он – и опешила: на дне оврага стоял человек! Мужчину в спортивном костюме.

– Это он! Ну, тот, который дом продает! – объявил Макс. – Он ведь приезжал к нам в агентство, я его сразу узнал. Но что он тут делает?

Мужчина помахал им рукой:

– Идите сюда! Спускайтесь! Я вас давно жду!

– А почему вы там? Вы же в городе должны были нас встретить! – крикнул вниз Максим.

– Сейчас объясню. Спускайтесь!

– Может, вы сами к нам подниметесь? – спросила Катя.

Мужик как-то неестественно рассмеялся:

– Могу и я. Но все равно вам придется спуститься. Так надо.

– Тебе не кажется, что он сумасшедший? – шепнула Катя мужу.

– Да вроде в прошлый раз с ним все было в порядке. Мужик как мужик, – точно так же шепотом ответил Макс. – Я все-таки спущусь, раз он требует. И он начал спускаться. Катя сама не знала, какое наитие остановило ее. Она осталась наверху, ожидая, чем окончится встреча мужа с незнакомцем на дне оврага. Но вместо этого услышала истошный крик Макса.

От него осталась только верхняя половина. Нижняя исчезла. В следующий момент Катя поняла, что муж провалился в трясину. Никакой это не овраг! Это болото, покрытое густой зеленой ряской!

Она взглянула на мужика в спортивном костюме – как же он тут стоит и не проваливается? Но того больше не было. А Макс, ее Макс, беспомощно барахтался, все глубже и глубже увязая в трясине...

«Надо помочь ему! – мелькнула мысль. – Найти палку, пусть ухватится за нее. Может, вытащит!» Она кинулась к ближайшему сухому дереву, с силой дернула за одну из больших

веток, оторвала ее... Из болотной топи торчали лишь голова, шея и плечи. Рот открывался и закрывался в беззвучном крике.

– Сейчас, Максик, миленький! Сейчас! – закричала Катя и стала спускаться вниз, внимательно глядя под ноги, чтобы и самой не угодить в смертоносную жижу.

Она остановилась в трех шагах от тонувшего Макса. Он, очевидно, увяз в болоте у самого берега.

– Вот, милый! Держись! Крепко ухватив один конец ветки, другой она протянула мужу.

Из трясины с трудом высунулась рука, вцепилась в конец сука. Катя с силой дернула за свой конец. Сухая палка не выдержала и надломилась пополам.

Она заплакала от досады.

– Макс! Сможешь продержаться еще немного? Я сейчас, мигом!

Она принялась выбирать из оврага. Ноги в фирменных кроссовках соскальзывали, глина пачкала джинсы... Катя боялась оглядываться назад – а вдруг его там уже нет? Позволила себе это сделать, лишь оказавшись наверху. Губительная зеленая субстанция теперь доходила Максиму чуть выше подбородка.

«Надо искать не сухое дерево, оно слишком ломкое». Но отломить толстый сук у полной свежих сил и соков березы никак не удалось. «Нужна пила! А где ее возьмешь?»

Со стороны болота раздался чмокающий звук. Катя инстинктивно обернулась. Голова мужа больше не поднималась над трясиной. Его полностью засосало.

– Макс! – отчаянно закричала Катя в напрасной надежде услышать ответ. Но ничего не услышала.

Дежурный следователь уже битый час не мог добиться от этой плачущей женщины связного рассказа о том, что же, собственно, произошло с ее мужем.

– Так вы говорите, его позвал мужчина, который стоял на болоте? – спрашивал он. – А как он мог там стоять? Его не засосало?

– Я не знаю, куда он делся! – рыдала Катя. – Пропал, и все. Его просто не стало!

– Может, гражданка, вы видели галлюцинацию? Может, никакого мужчины и не было?

– Был! Мой муж тоже его видел. Тот настоял, чтобы Максим спустился в болото. А потом...

– Вот скажите мне, если ваш муж видел, что там болото, зачем он туда пошел?

– Мы думали, что это просто овраг! И тот мужчина на дне стоял...

– Что ж он, как Христос, по воде ходит, что ли?

– Я не знаю! Я не могу этого объяснить!

– Так, давайте оставим эти бредни. В протоколе напишем следующее: вы с мужем заблудились в лесу, он на ваших глазах оступился, упал в болото и его засосало. Вы пытались помочь ему, но не смогли.

– Ему тот, в спортивном костюме, велел спускаться! – упрямо твердила Катя.

Следователь поскреб ногтями щеку, что у него выражало обычно крайнюю степень раздражения.

– С этим все ясно. Ответьте еще на пару вопросов. Жизнь вашего мужа была застрахована?

– Да. А при чем тут это?

– Сумма страховки?

– Пятьдесят тысяч долларов.

– Вы не собирались развестись?

– Нет. А почему вы об этом спрашиваете?

– Потому, дамочка, что вас могут обвинить в гибели вашего мужа. Никто ведь не видел, как он упал в болото? Никто, кроме вас! И вообще неизвестно, упал ли он в болото, или причина смерти была совсем иной. Например, его убили. Или нарочно столкнули в это болото. Одним словом, свидетелей нет. Вся эта история очень подозрительна. Вы думаете, кто-нибудь поверит вашему рассказу о мужике, стоящем на болоте? Вы это сами придумали, чтобы запутать следствие!

Катя зарыдала еще сильнее.

– Нечего плакать крокодиловыми слезами! Вас сейчас под стражу возьмут и отведут в камеру, тогда наплачетесь!

Она не отвечала, только всхлипывала.

– Впрочем, делу можно помочь, – голос следователя внезапно подобрел. – Мое условие – половина вашей страховки. Отдаете мне двадцать пять тысяч долларов, и я закрываю уголовное расследование за отсутствием состава преступления. Согласны?

Катя молча кивнула.

– Вот и хорошо. Сейчас запишу ваши координаты – адрес из паспорта, телефоны... Я с вами свяжусь в ближайшее время.

Катя брела по улицам Черного Котла, ничего не замечая вокруг. Ей казалось, что она грезит. Путешествие по этому жуткому лесу; таинственно исчезнувший мальчик в белой рубашке; незнакомец в спортивном костюме, утащивший ее мужа в болото, на погибель; обратный, как выяснилось, совсем недалекий, проделанный ею как в бреду путь до поворота на город, который они прежде почему-то проглядели, несмотря на указатель; попутная машина, доставившая ее, бьющуюся в истерику, в городское отделение милиции. А там – этот страшный следователь, оравший на нее и потребовавший денег. Слово весь мир ополчился против нее, ни в чем не виноватой! Тут до Кати наконец дошло, что она идет в неизвестном направлении. Она остановилась. «Куда теперь? Домой, в Москву?»

А машина? Надо обратиться в автосервис. Пусть сменят колесо, и она сможет вернуться в Москву на своем автомобиле. Боже мой! Что же она скажет родителям Максима, как посмотрит им в глаза?

Может, позвонить сначала ее родителям? Пусть они поговорят со свекром и свекровью, подготовят их. Позвонить? Мобильника у нее нет. Значит, надо искать переговорный пункт.

Катя принялась оглядываться по сторонам, прикидывая, у кого бы спросить дорогу. В это время еще одна мысль пришла ей в голову. Хозяин дома, к которому они ехали! Он может что-то знать о ее муже! Надо встретиться с ним. Если окажется, что это тот самый человек, которого она видела на болоте, то его можно заставить дать показания. Она должна найти его!

Фамилии домовладельца Катя не знала. Но перед отъездом муж показывал ей фотографию кирпичного дома с мезонином. Катя хорошо запомнила ее. Конечно, может случиться и так, что в этом городе много похожих домов. Но, с другой стороны, Черный Котел – городок совсем небольшой, все здесь, наверное, друг друга знают. Надо попробовать.

Она выбрала пожилую женщину с добрым, приветливым лицом.

– Простите, вы не подскажете, где здесь такой кирпичный дом с мезонином? Еще его хозяйка недавно умерла и там теперь живет ее племянник...

– А! – сразу вспомнила женщина. – Так это вы про Тамары Дубовой дом? Точно, она весной, в апреле, померла. А племянш ее почти здесь и не бывает. Говорят, покупателя на усадьбу ищет.

– Так я и есть покупатель! Вот, приехала, а адрес потеряла! – соврала Катя. Расскажи она всю правду, старушка могла и настрожиться.

– Слушайте меня внимательно! Отсюда недалеко, можно и пешком пойти. Идите по этой улице, на третьем повороте свернете... – принялась обстоятельно объяснять прохожая.

Поблагодарив ее, Катя поспешно пустилась в путь. Действительно, совсем скоро она добралась до городской окраины. Дома здесь стояли не то чтобы богатые, но добротные, из кирпича и камня – видно было, что строили их люди со стабильным средним достатком.

Хорошая зрительная память сыграла свою роль – нужный дом Катя отыскала без труда. Она подошла к калитке и позвонила. Никто не открыл. Но зато из дома напротив вышла женщина средних лет и устала на гостью.

– Вы к кому?

Катя решила придерживаться прежней легенды.

– Я к Дубовым, дом посмотреть.

– А, – протянула соседка. – Тут племянник Тамарин, Валерка, ко мне заглядывал, предупреждал, что из агентства придут. Мол, если его не будет, чтобы я вам дом показала. У меня ключи есть.

– А сам Валерий где?

– Понятия не имею. Если не открывает, значит, нету его.

Через несколько минут Катя вместе с Ниной – так представилась соседка Валерия – входила во двор, поражаясь доверчивости женщины, даже не потребовавшей с незнакомой пришелицы документов.

Возясь с ключами у входной двери, Нина словоохотливо рассказывала:

– Вы не думайте, Тамара-то не здесь померла, не в доме. Я вам это потому говорю, что вдруг покупатель капризный попадется, скажет – не хочу жить там, где покойница! Есть ведь и такие, суеверные...

– А где она умерла? – поинтересовалась Катя.

Нина, так и не открыв дверь, повернулась к ней и понизила голос до шепота:

– Муж Тамарин прошлой осенью пропал. Думали, что забрел пьяный на болото и утоп. Он в те места, в лес ходить любил... А в апреле я как-то под вечер гляжу – Федор идет по улице. Ничего себе, думаю, – вернулся, значит! И почему-то весь в болотной тине. Зашел он в калитку, а всего через несколько минут смотрю – выходят вместе с Томкой. Он впереди, она сзади. Хотела я окликнуть: мол, соседи, куда путь держите? Но отчего-то не стала. А потом ко мне парень с девушкой явились – местные, Людка с Колькой, у них там давно роман, и рассказывают – поехали они на Колькином мотоцикле в лес, отдохнуть, значит. Вдруг слышат – от болота крики несутся. Глядят, а там женщина тонет. Узнали Тамару. Она кричит: «Робятки, помогите!» А у самой уже одна башка наружу торчит. Ну, пока бегали туда-сюда, ее и засосало. Они в милицию идти побоялись, сразу ко мне. В отделение уже все троим пошли. Я там и про Федора рассказала, и версию свою выдвинула: мол, это он ее, Федька, в болото толкнул. Жили они плохо, ссорились, вот и решил жену на тот свет отправить! Его в розыск объявили, но так до сих пор о нем ни слуху ни духу. Надо же, пьяница, а как ловко скрылся! И Тамару так и не похоронили по-христиански, кто же будет тело из болота выгаскивать? Только панихиду отслужили...

– А до этого у вас люди в болоте тонули?

Женщина задумалась.

– Пока я здесь живу, никогда не слыхала. А вот старые бабки рассказывают, что раньше на болоте дух водился. Ну, нечисть какая-то, морок! И кто близко подойдет к болоту, туда заманивал. Его так и звали – Болотный Страж. Или просто – Болотный... Бабки говорили, что он вроде как болото охраняет, чтобы чужие не ходили. Не простое это болото будто бы, особенное. А почему особенное – никто не знает. Но я думаю, это все сказки.

Нина наконец отперла дверь, и Катя вступила вслед за ней в полутемную прихожую – или, по-деревенски, сени. Впрочем, внутри дома все выглядело вполне цивилизно: хорошая мебель и обои, два импортных телевизора, ковры на полу...

– Валерка все это, наверно, заберет, – заметила Нина. – А может, как-то по-другому договоритесь. Да, деньги у них были. Они и яблоки выращивали, и цветы, и все на рынке в райцентре продавали. У нас тут многие только с этого и живут. Вон, дом построили, обставили, а теперь все чужим людям достанется. Да что это я все болтаю? Мое дело – показывать.

Нина провела Катю по всем комнатам. Заглянули в кухню, кладовую, захламленный мезонин, пустой гараж. (Дубовский «Москвич», по словам соседки, бывший хозяин давно разбил по пьянке, и больше за руль не садился.) Катя согласно кивала, почти ни на что не глядя и не слушая Нину.

Внезапно со двора послышался голос:

– Нин! А, Нин?

Через окно было видно, что у калитки стоит щуплый худощавый мужичонка в застиранной рубашке и тренировочных штанах.

– Чего тебе, Борь?

– Иди скорей домой! Васька на побывку приехал, мать требует!

Женщина засуетилась:

– Надо же! Сыночка из армии отпустили! Радость-то какая! – Не обращая более внимания на посетительницу, она

выскользнула в калитку вслед за мужем. Катя осталась одна в чужом доме.

Сначала она хотела подождать Нину на улице. Но через четверть часа, поняв, что, поглощенная приездом сына, женщина, скорее всего, напрочь забыла о «сотруднице агентства», Катя решила зайти в дом. Ключи Нина унесла с собой, дверь и калитка остались незапертыми. Конечно, она могла спокойно отправиться восвояси, но ведь цель, с которой она явилась сюда, так и не достигнута! Она не увиделась с Валерием, не узнала правды. Может, хозяин еще вернется? Надо его подождать здесь, хотя бы еще какое-то время.

Катя села в кресло перед телевизором, но включать его не стала. После смерти мужа она просто не могла заставить себя отвлечься, пусть и ненадолго. Откинувшись на удобную спинку, женщина устало прикрыла глаза. В доме стояла тишина. Нина не появилась. Наверное, Катя все же уснула, потому что, открыв глаза, как ей показалось, всего через несколько минут, обнаружила, что за окном уже почти темно. «Как же я буду добираться до дому?» Хотя, если заночевать здесь до утра, вряд ли это кого-то обеспокоит. К тому же, останется надежда на встречу с загадочным Валерием.

Она вновь смежила веки. Из забвения ее вывел до боли знакомый голос:

– Катя!

Наверное, ей снится сон. Только во сне она теперь может услышать *его* голос.

– Катя!

Голос не оставлял ее в покое. С трудом разлепив тяжелые веки, она разглядела во тьме очертания человеческого силуэта.

Он стоял в нескольких шагах от нее. Каким-то непостижимым чудом он вернулся к ней, восстав из болотной хляби, из страшной трясиной могилы, где был сегодня похоронен, как думалось ей, на веки вечные.

– Макс! Этого не может быть! Как тебе удалось выбраться? И как ты меня нашел?

– Потом расскажу. Сейчас некогда. Ты должна пойти со мной.

– Мы поедем домой?

– Домой? Да, пожалуй, домой. Только пока ни о чем не спрашивай. Идем!

Что-то странное почудилось Кате в его интонациях. В них присутствовало нечто неувидимо чужое, чего никогда прежде она не замечала в голосе мужа. И еще – от него веяло холодом. По-настоящему, будто из холодильника. (Выражение «могильный холод» было, конечно, Кате известно, но никогда прежде, даже в день похорон бабушки, не доводилось ей прикасаться к ледяной плоти покойника или к застывшей могильной земле. Поэтому подобное сравнение ей в голову не пришло.) В ноздри ударил густой болотный дух. Ну, это понятно, он ведь побывал там. Только почему этот запах становится все сильнее и сильнее?

Ей хотелось посмотреть на мужа. Что-то было не так с этим человеком, говорившим его голосом. Катя встала, направилась к двери, нащупала выключатель. Свет вспыхнул, осветив лицо. Это действительно было лицо Максима, но очень бледное, без кровинки, словно перед ней стоял живой мертвец. На одежду налипла болотная тина. Катя вспомнила рассказ Нины о Федоре. И его одежда была залепана тиной. А потом он увел жену из дома и утопил в болоте...

Однако, прежде чем она успела додумать свою мысль до конца, муж шагнул к ней и взял за руку. Его ладонь оказалась ледяной на ощупь, словно она прикоснулась к лягушке. У живого человека не бывает таких ледяных рук – стукнуло в голову. Но эта мысль тут же куда-то испарилась. По мере того как Макс сжимал ее ладонь, тело Кати становилось все более вялым и безвольным, переставало слушаться ее, а мысли в голове мешались, не давая сосредоточиться на чем-то одном. Тем не менее, когда Макс приказал ей следовать за собой, она покорно перешагнула порог комнаты.

На этот раз они шли не по дороге, а по лесу меж деревьев. Макс уверенно выбирал путь, что в другой ситуации несказанно удивило бы Катю. Еще больше удивило бы ее то, что она

прекрасно видела в темноте, хотя раньше ночным зрением не обладала. Всего через несколько минут они очутились у болота. Макс спустился вниз, Катя – за ним.

Мужчина все так же уверенно зашагал по трясине. Жена тоже поставила ногу на обманчивый зеленый ковер. Нога провалилась, и женщина, не удержавшись, рухнула в гнилую болотную жижу, тут же увязнув по грудь. Только в этот миг Катя пришла в себя. Она тонула в болоте. Макс исчез. Да был ли Макс?

Собрав последние силы, утопающая закричала:

– На помощь! Спасите меня!

Но на помощь ей, конечно же, никто не пришел...

Ночь клонилась к рассвету. Дежурный следователь уютно расположился в своем кресле с баночкой пива и порнографическим журналом, отобранном при обыске у промышленницы на станции местной проститутки и, в свою очередь, подаренным ей одним из приезжих клиентов. Больше милиционеров в здании не было – штат в отделении небольшой, преступления в городке происходят редко, а в случае необходимости можно вызвать наряд – у всех сотрудников-оперативников есть рации, которые их обязывают постоянно держать включенными.

Майор сладко потянулся. Да, вот, наконец, и он поймал за хвост птицу удачи! Как только увидел эту заплаканную столичную дамочку, что-то екнуло в груди. Сразу понял – перед ним жена «нового русского»! А уж когда узнал, что с ней приключилось...

Он специально потребовал с нее всего двадцать пять тысяч. Если бы запросил больше, она могла бы донести на него начальству или нанять киллера, который за гораздо меньшую сумму пристрелил бы жадного до взяток мента как зайца. Нет, он все рассчитал правильно. Для такой бабы двадцать пять штук баксов не такая уж солидная сумма, чтобы мараться. А для него, майора Никифорова, это крупный куш. Он уволится с этой гребаной работы, уедет отсюда в райцентр, найдет себе там женщину с квартирой и женится. С такими деньгами за него любая пойдет. Вот тогда он и утрет нос своей бывшей благоверной, подавшей на развод именно по той причине, что Никифоров мало зарабатывал – не то что мужья ее подруг, торгующие на рынке!

Погрузившись в мечты, майор не заметил, как кто-то тихонько отворил дверь дежурки. Лишь услышав совсем рядом легкие шаги, он поднял голову. Это была она, та самая женщина, за счет которой он надеялся разбогатеть. Неужели принесла деньги? Но... почему она так выглядит? Она так и не переделалась, на ней те же джинсы и блузка, что и накануне, и к ним прилипло что-то темно-зеленое. В комнате отчетливо запахло болотом.

Неясное беспокойство закралось в душу майора. Профессиональный нюх, который иногда просыпался у него, как и у всех, хотя бы несколько лет отдавших милицейской работе, подсказал: что-то неладно, что-то идет не так. Но тут женщина заговорила:

– Я привезла вам деньги. Но они не здесь – в другом месте. Вы должны пойти со мной туда и забрать их.

– Могли бы и сюда принести, – недовольно пробурчал Никифоров. – Вы же видите, я тут один.

– Есть обстоятельства, по которым я этого сделать не могу. Пойдемте со мной, прошу вас.

«Точно, что-то задумала, – решил майор. – Нет у нее, наверное, с собой никаких денег. Может, хочет завезти меня на болото и там утопить, как своего любимого муженька? Ну, с Никифоровым этот номер не пройдет!»

– Так, – отрывисто произнес он, – или вы сейчас же объясните, в чем дело, или я надеваю на вас наручники и сажаю в кутузку! И вы автоматически становитесь подследственной. Тогда вам уже никакие деньги не помогут. Отправят в колонию телогрейки шить за милую душу. Ясно вам?

Вместо ответа гостя шагнула к нему. Он ощутил волну странного холода, исходящую от нее, снова вдохнул болотный запах, отчего-то усиливавшийся с каждой секундой. Пальцы женщины прикоснулись к его руке...

– Тебе не надо было просить у меня денег, майор! – сказала она.

Незадолго до восхода солнца в болотную чашу спустились двое. Впереди шла молодая женщина в испачканной одежде, за ней, как сомнамбула, следовал мужчина в милицейской форме. Его взгляд немигающе уставился в одну точку – в затылок женщине. Она легко ступила на поверхность трясины и несколько секунд спустя растаяла как дым. К этому времени майор Никифоров уже барахтался в болоте, матюгаясь и посылая проклятия затащившей его сюда ведьме – а в том, что эта женщина была ведьмой и явилась сюда ему на погибель, он теперь не сомневался.

Тина залепляла рот, нос и уши. Почему-то перед тем, как впасть в смертное забытие, Никифорову пришла на память слышанная в детстве от бабушки легенда о Болотном Страже, обитающем в большом черном котле на дне болота, – охотнике за душами людей. Но бабушка давно умерла, и некого было больше об этом спросить. Так и ушел майор в трясину с мыслью о бабушке...

Следующей ночью бывшую супругу майора Никифорова, живущую в частном доме, разбудил стук в окно. Она нехотя сползла с постели и отдернула занавеску. В ночной темноте ей с трудом удалось рассмотреть за стеклом лицо бывшего мужа. В форточку влетела струя холодного воздуха, и отчетливо запахло болотом...

В понедельник утром в офис московской фирмы «Уют-Хаус», принадлежащей Максиму Бакульскому, позвонил взвинченный клиент – тот самый, что собирался приобрести усадьбу в Черном Котле. Максим так и не связался с ним накануне, и мужчина хотел бы знать, что произошло. Не менее взволнованная секретарша отвечала, что с самого воскресного утра пробует дозвониться до своего шефа, но ни один из его телефонов, ни телефон супруги не отвечают. В пятницу вечером Бакульский проинформировал ее, что едет в Черный Котел, чтобы лично осмотреть дом. И с тех пор – ни слуху, ни духу...

– Что ж! Раз ваш шеф такой обязательный, я сам поеду туда и найду его! – перебил нетерпеливый клиент.

– Дело ваше, – устало ответила девушка.

Черт бы побрал этих богатеньких придурков, которые ради удовлетворения малейшего своего каприза мертвого из могилы подымут!

Секретарша и не подозревала, как недалеко она была от истины...

2. ГОРОД ЖИВЫХ МЕРТВЕЦОВ

«Салемс-Лот прослыл проклятым городом. Над ним многие видели разноцветные огни, и если сказать, что жителей Лота похитили инопланетяне, никто в округе не улыбнется».

(Стивен Кинг «Судьба Иерусалима»)

Павел Ахросимов уже в двенадцатый раз за сегодняшний день набирал номер сотового Максима Бакульского. Молчание... Ну куда он мог подеваться? И как раз сейчас, когда ему, Павлу, так необходима его помощь?

Отъезд в этот забытый Богом угол казался в его нынешнем положении единственным вариантом. Через три дня возвращается из Швеции Марат – и тогда все, катастрофа! Даже не хочется думать... В агентстве Бакульского Павел появился под вымышленным именем – несколько лет назад к нему в руки случайно попал чужой потерянный паспорт, и теперь он решил воспользоваться удачей. Тем более, что лицо на фотографии было достаточно похоже на его собственное. Даст Господь, пронесет, и его ни в чем не заподозрят. Марат, конечно, первым делом подумает, что Павел сбежал за границу. Начнет искать, у него везде свои люди. Не найдет и на время успокоится. А Павел тем временем действительно уедет куда-нибудь подальше. Главное – выиграть время... Когда он снимал эти деньги со счета, был уверен, что вернет через месяц, как раз к приезду Марата. Никто не заметит, а ему прибыль. Иностранцы банки – это не наши отечественные однодневки, там народ серьезный. И приятель, уговоривший его на эту аферу, сладко пел – просто соловьем разливался: «Вкладываешь десять тысяч – через месяц снимаешь пятнадцать! Вкладываешь пятьдесят – получаешь сто! Процент зависит от ставки!» Со ста тысяч полагалось сто пятьдесят процентов навару – он должен был положить сто, а получить двести пятьдесят. На счету их фирмы в тот момент было четыреста двадцать тысяч долларов. Двадцать тысяч Ахросимов, в качестве коммерческого директора имевший на руках доверенность на получение финансов, трогать не стал. Получая деньги, держался, как обычно, солидно, уверенно, и, если в душу банковских служащих и закралась тень подозрения, то ненадолго.

Приятель, через которого предстояло перевести деньги в тот самый фантастический банк за границей, выдал ему на руки заверенные документы. Реквизиты, платежи – все честь по чести. И с банком Павел связался – вроде полный порядок. И рекламу их в Интернете просмотрел – впечатляет. Все рухнуло через три недели, когда он решил позвонить Жорке, тому самому приятелю, банковскому посреднику. И тут оказалось, что Георгий отбыл неведомо куда. Павел смекнул, что дело нечисто, принялся бомбардировать электронными письмами и телефонными звонками пресловутый банк. Выяснилось, что счет, на который Павел перевел деньги, действительно существовал, но к тому времени был благополучно закрыт. Конфиденциальные данные – кому принадлежал этот счет – ему дать отказались. Но Ахросимов и без того уже понял: его кинули как последнего лоха! И скорее всего, не кто иной, как Жорка! Ведь знал, стервец, кем Павел работает, какими суммами ворочает! В таких делах приятелей нет. Ему ведь, сукиному сыну, теперь на всю жизнь награбленного хватит!

Ясно было: денег не вернуть. Конечно, можно заявить в Интерпол, заняться поисками мошенника, но это не спасет его от гнева Марата. Тот не посмотрит, что они вместе в военной академии учились. Такой суммы Павлу взять неоткуда, а чтобы отработать ее, понадобится несколько лет. Вряд ли Марат захочет ждать так долго... Значит, остается одно – удариться в бега. Недавно по случаю на глаза Павлу попалось рекламное объявление: какое-то агентство по торговле недвижимостью предлагало свои услуги по приобретению усадеб в «экологически чистых регионах России». А чем не выход? На покупку дома и на первое время деньги у него есть... Он так надеялся, что уже сегодня станет полновластным хозяином усадьбы! Кто ж знал, что проклятый Бакульский так подведет! Наверное, в агентстве его приняли за сумасшедшего, когда он сообщил, что поедет в Черный Котел один. Название-то какое придумали – Черный Котел! Со старинных времен, что ли? Зловещее какое-то... Но по нему, Ахросимову, хоть горшком назови, только в печь не ставь...

На въезде в город Павла остановил гаишник. Сердце екнуло – а ну как заметит что-то неладное? Хотя... Документы ведь у него в порядке, чужой паспорт он припрятал подальше, пока не

понадобится. А там видно будет – может, здесь за взятку ему и новые права сладят. Милиция в этом захолустье, скорее всего, бедно живет.

Но гаишник оказался какой-то странный. Он не помахал, как обычно, жезлом, а молча преградил дорогу машине. Правда, до милиционера оставалось еще приличное расстояние. Павел хотел было затормозить, и тут двигатель заглох сам собой. «Плохо дело!» – успел подумать Ахросимов. Страж порядка просто стоял и ждал, пока мужик подойдет поближе. Лицо его показало Павлу нездоровым, какого-то землистого цвета. И попахивало от него чем-то неприятным – будто гнилью. «Болен, что ли?» Павел протянул документы. Гаишник взял их в руки, повертел и вернул, не читая. Такое поведение удивило Павла – он прекрасно знал повадки гаишников. Да они все вдоль и поперек носом пропадут, чтобы слупить с тебя штраф!

Меж тем мент не отходил, смотрел на него неприятным тусклым взглядом.

– Что-то не так, шеф? – Ахросимов постарался, чтобы голос его прозвучал как можно бодрее и беззаботнее.

– Ты – пища.

– Что?

– Ты – пища, – повторил страж порядка и вдруг склонился к самому лицу Павла, вытянув толстые губы трубочкой вперед.

Сначала Павлу показалось, что мент хочет его поцеловать. Ощущение было такое, словно к нему прикасался не человек: что-то мягкое, аморфное, вязкое проникло в рот, наполнив его привкусом болотной тины. Мужчину охватило сонное оцепенение, он понимал, что с ним делают что-то неправильное, но у него не было сил сопротивляться. Казалось, с каждым глотком чужих губ из него что-то уходит – может быть, сама жизнь? Вязкая субстанция опустошала его. Еще немного – и от Павла Ахросимова останется одна сморщенная, пустая оболочка, как от того съеденного муравьями младенца в романе Маркеса, который он читал в юности. Когда-то у Павла был знакомый, занимавшийся йогой. Он учил концентрировать энергию в районе солнечного сплетения. Для этого достаточно мысленного усилия, – говорил тот парень. И вот сейчас Павел попытался представить себе, как вся скопившаяся в его теле энергия собирается в солнечном сплетении, растет, превращаясь в большой тугой ком...

– Чмок! – Губы мента отвалились от его губ. Он как-то скукожился, поник, ушел в себя. Павел понял, что тот собирает силы для нового нападения. Не дожидаясь, пока это произойдет, он бросился к своей машине. Двигатель легко завелся. Ахросимов помчался прямо на гаишника, чья сторбленная фигурка все еще торчала на его пути. Тот, казалось, даже не заметил, что на него мчится автомобиль, и кулем повалился под колеса. Павел проехал еще несколько десятков метров, и наконец оглянулся: мент как ни в чем не бывало стоял и смотрел ему вслед.

Он был совершенно сбит с толку. Может, этот мильтон – пьяный? Да нет, алкоголем от него вроде не несло. Обкуренный? Вот на это больше похоже. Но почему от него так несло болотом? И почему от его противного «поцелуя» у Павла возникло ощущение, что из него вынимают душу? Чушь какая-то. И как менту удалось подняться на ноги после того, как по нему проехали колеса? Но какой бы он ни был, он ведь может сообщить куда надо, и Павла перехватят! Иди потом доказывай, что ты не верблюд! Припишут нападение на служителя закона – и все, на нары! Один его знакомый как-то в пьяном виде толкнул милиционера, остановившего его для проверки документов. Мужика посадили. И не на один год. На суде повернули дело так, что он чуть ли не убить мента пытался. Им честь мундира всегда дороже! Даже если у того гаишника не все в порядке с мозгами, вряд ли это спасет Павла от возмездия. Что же делать? Вот попал – из огня да в полымя!

А может... Может, это и не мент вовсе? Документов он никаких не предъявлял, вел себя странно... Форма ментовская – позаимствовал у кого-нибудь. По повадкам-то мужик явно сумасшедший. Местный дурачок, приезжих пугает? Стоп! А где тогда настоящая милиция, почему не наводит порядок? Непонятные вещи здесь творятся... На улицах города его поразило затишье. Ни машин, ни автобусов. Хотя что с них возьмешь – провинция! Пешеходы спешили по своим делам. Павел посиг-

налил стайке детворы, выбежавшей на дорогу прямо перед его автомобилем. Но ребяташки, вместо того, чтобы поскорее перебежать на ту сторону, вдруг повернулись лицом к надвигающейся на них машине и, взявшись за руки, перегородили путь. Затормозить вовремя Павел не успел. «Форд-таурус» со всего размаха врезался в детей. Павел замер от ужаса. В один миг из головы вылетело воспоминание о его приключении с гаишником. Лишь одна мысль засела у него в мозгу: «Ох, что же я наделал? Что же теперь будет?» Наконец, он решился выйти из машины и взглянуть на дело своих рук – точнее, колес. То, что он увидел, обрадовало его, и вместе с тем привело в еще большее замешательство: дети, живые и невредимые, по-прежнему цепочкой перегораживали улицу позади автомобиля. Будто он и не трогал их вовсе. Павел подошел к ним:

– Вы чего?

И сразу осеся. В нос ударил знакомый уже по стычке с гаишником болотный запах. Он переводил взгляд с одного детского лица на другое. Четыре мальчика и две девочки. У всех кожа с каким-то синюшным оттенком, мутные нечеловеческие глаза... Наркоманы? Да им не больше десяти лет! Хотя – в наше время уже ничему не удивишься. Меж тем ребята, все так же цепочкой, не размыкая рук, сделали шаг к нему.

– Пища, – сказал один из них, наверное, слышущий за главного. Мальчишка был выше ростом, чем все остальные, очень худой, в потертых джинсах и клетчатой рубашке без рукавов. Вспомнилось – и гаишник что-то говорил о пище перед тем, как впиться в его губы. Но Павел не успел это осмыслить – детишки уже сгрудились вокруг него, зажав в кольцо.

– Эй, вам что нужно? – крикнул он, осознавая, что попался в ловушку: они неспроста встали на дороге, хотели, чтобы он остановился. А теперь путь назад к машине был отрезан. Инстинктивно он чувствовал: их следует бояться даже больше, чем сумасшедшего мента. Ведь их много, а он один...

Павел попытался раскидать юных агрессоров в разные стороны. Ладони ощутили холод, словно он касался не живого человеческого тела, а бездыханной плоти. Ему даже не удалось расцепить их кистей, будто сплетенных намертво. Рослый мальчуган придвинулся к нему ближе, не освобождая рук. Они были одного роста. Пожалуй, этот пацан выглядел старше остальных – на вид лет двенадцати. Лыдинки его глаз – в нормальной ситуации Павел определил бы их цвет как голубой – уставились прямо в зрачки Павлу. Он, как и при встрече с ментом, почувствовал, что теряет контроль над собой, сознание заволакивалось дымкой... Мужчина поспешил отвести взгляд. В тот же миг круг еще больше сузился, «главарь» теперь стоял к нему вплотную. И Павел уже понял, что произойдет дальше. Этот голубоглазый выродок молча нагнулся к его лицу...

– Не тронь! – заорал Павел что есть мочи.

Откуда, из каких глубин подсознания выплыли слова старинного заклинания от нечистой силы, слышанного или читанного где-то? Сразу стало легче дышать. «Главарь» отступил, дети уже не держались за руки, круг распался. Они застыли в неподвижных, неестественных позах. Павел толкнул одного из них, и тот бревном повалился на асфальт. Скорей забраться в машину и драпать отсюда!

Адрес – Сосновая улица, дом шесть – у него имелся. Бакульский скинул на электронную почту ссылки на подходящие варианты, с фотографиями и адресами... Но черт знает, как туда добираться! Без провоза точно не обойтись. После стычки с «ребятишками» Павел опасался обращаться с просьбами к прохожим. Его удивило еще, что, когда эта странная компания пристала к нему, никто из находившихся поблизости взрослых даже не взглянул в их сторону. Хотя... всякое бывает. Ведь и в Москве не каждый бросится на помощь постороннему человеку, на которого напали хулиганы.

Миновав несколько поворотов, Ахросимов наконец решил. Он притормозил возле девушки, стоявшей на обочине. Похоже, она голосовала, хотя почему-то не поднимала руку.

– Вас подвезти? – как можно приветливее поинтересовался Павел, разглядывая незнакомку во все глаза. Посмотреть и впрямь было на что: лица почти не видно из-за свисающих на лоб длинных волос, но фигуристая – наверное, не больше двадцати. Он вообще отдавал предпочтение молоденьким девчон-

кам. Они давали ему почувствовать себя опытным и искушенным соблазнителем.

Девушка молча забралась в салон. Он заметил, что при ней нет даже сумки. «Скорее всего, местная. Просто далеко живет. Возвращается от подруги или еще откуда, вот и воспользовалась случаем побыстрее добраться до дому. Хотя... ведь она даже не спросила, в какую мне сторону. Значит – профессионалка? Надо же, и здесь... А внешне совсем не похожа. И одета скромно...»

– Мне надо на Сосновую, – заявил Павел, чтобы не терять даром времени. – Можешь показать, где это?

– Есть! Я хочу есть! Ты – пища!

Порывисто наклонившись к нему, случайная попутчица впилась в него своим изящным ртом. Но от нее исходил отнюдь не аромат духов, а все тот же болотный запах... С неестественно бледного лица на него глянули неподвижные оловянные глаза. Она тоже была из них! Кто это – она? Он не знал. Но они были опасны. Очень опасны. Он чуял это нутром.

За секунду до того, как провалиться в вязкий гипнотический дурман, он последним усилием выдохнул из себя: «Не тронь!» Девка тут же отвалилась, обмякла на сиденье... Павел распахнул дверцу и проворно вытолкнул из машины безжизненное тело.

«Что здесь происходит? Эпидемия непонятной болезни? Неужели все жители города заражены ею? Но что за болезнь? Какой-то абсурд...»

Машинально кинув взгляд на пронсящую мимо вывеску, Ахросимов резко нажал на тормоз. «Сосновая». Редкая удача!

Интересно, откуда взялось это название? На улице не было ни одной сосны. Может, когда-то, в незапамятные времена, здесь шумел сосновый бор? Павел не знал, что он прав: улицу выстроили как раз на месте срубленных вековых сосен, в те далекие времена, когда город еще не звался Черным Котлом...

Лишь остановив машину у калитки нужного дома, он заволновался: а вдруг и тут его поджидает встреча с сумасшедшими, больными горожанами? А Бакульский? Что случилось с ним?

Звонок у калитки не работал. На стук никто не вышел. В доме и во дворе царил тишина. Павел толкнул калитку – та подалась и с легким скрипом отворилась внутрь.

Он пересек двор, поднявшись на крыльцо, нажал кнопку дверного звонка и, убедившись, что открывать ему никто не намерен, потянул дверь – на сей раз она открывалась наружу – на себя. И не ошибся. Эта дверь тоже оказалась не заперта.

Едва вступив в прихожую, или, по-деревенски, сени, Ахросимов ощутил преследовавший его сегодня в кошмарах наяву смрад болота. Правда, здесь, в доме, он не был таким резким, как тот, что исходил от давешних преследователей. «Что ж, в конце концов, у меня есть на них управа – «Не тронь!» – подумал Павел. – Чего мне бояться?»

Он прошелся по комнатам. Никого. Зажиточная обстановка, но запыленная мебель, которой, видать, уже давно не касалась ничья рука.

«Что делать? Остаться и ждать прихода хозяина? А придет ли он сюда вообще? И каким придет?»

А собственно, зачем ему хозяин, формальности? Если город охватила эпидемия загадочного сумасшествия, то имеет ли смысл считаться с общепринятыми условностями? Ведь можно просто спрятаться, пока все не уляжется в Москве...

В комнатах болотный запах ощущался еще сильнее. «Будто лягушки тут жили, – почти весело подумал Павел. – Или сейчас живут...»

А собственно, где живут все те монстры в человеческом обличье, которых встретил он сегодня? Неужели они, как и все нормальные люди, встают по утрам, умываются, завтракают, ходят на работу? Не может быть! Тут Павел спохватился, что почему-то начал считать весь происходящий здесь абсурд нормой, а норму – абсурдом. И с чего он решил, что все горожане, как один, обязательно захворали этой непонятной болезнью?

«А ты видел тут хоть одного здорового человека? – ехидно задребезжал в нем внутренний голос. – Вот то-то и оно!»

Тьма сгущалась. Он хотел зажечь свет. Щелкнул выключателем – вхолостую. Электричества не было. «Так и должно

быть», – подумалось вдруг. И снова рассудок возразил: «Почему должно? Может, в других домах свет есть...» Павел подошел к окну, взглянул туда, где по его расчетам должен был находиться противоположный дом, – темно.

Он опустил в кресло перед мертвым телевизором. По коже пробежали мурашки. «Неужели я боюсь?» «А разве ты раньше не боялся? И неизвестно, чего больше – гнева Марата или этих чудовищ? Все равно выбора у тебя нет. Сиди и жди своей участи».

В этом в неподвижности было невыносимо. Павел решил перейти в спальню. Еще при свете дня заметил там кровать – широкую, удобную... Правда, покрывало, скорее всего, не слишком чистое, да и белье свежее он вряд ли найдет, но, если не слишком привередничать, вполне можно прикорнуть хотя бы на часок-другой. «Спать нельзя! – шепнуло неугомонное подсознание. – Сюда могут прийти!»

В этом был резон. Он запер входную дверь на засов, все окна забраны решетками, но Павел нутром чуял – это не преграда для них. Для защиты он должен придумать что-то другое. Не спать всю ночь? Караулить их, а когда придут, заорать: «Не троньте!» А если их будет много? С каждым таким выкриком, Павел чувствовал это, он отдавал часть своей психической силы. Или энергии – не знал, как ее правильно назвать. Он не маг и не экстрасенс, значит, на целую толпу его защитной энергии не хватит. Эти сумасшедшие рано или поздно догадаются напасть на него большой толпой. Его и так уже многие видели. Гаишник, дети, та девчонка... Не может быть, чтобы они не приняли мер...

«Стоп! Какие меры могут принять сумасшедшие? Они не в силах мыслить логически. В том-то и дело! Я не уверен, что это – сумасшедшие... А тогда кто?»

Послышался легкий стук в окно. Настолько легкий, что казалось, это просто ветер стукнул по стеклу. Но Павел встрепетнулся. Надо посмотреть, что там.

За окном не было никого. Он постоял, всматриваясь в ночную темь. Тихо. Ни шороха, ни звука. Павел хотел уже вернуться в глубь комнаты, но тут за окном пронзительно замыкала кошка.

– Заткнись, тварь! – прикрикнул на нее Павел. Но кошка не унималась. «Вот дурак! Она же здесь живет, наверное. Может, есть хочет. Впустить ее, что ли? Кроме нее поблизости, кажется, точно никого нет...»

Рука сама потянулась к форточке. Между прутьями решетки был достаточно широкий зазор, чтобы небольшое животное могло протиснуться. Павел стал ждать.

Что-то длинное и серое просочилось в комнату. Но это оказалась не кошка. Холодный пот прошиб Павла. Перед ним стояла женщина! Вернее, нечто, отдаленно напоминавшее женщину. Серовато-прозрачная фигура с обтекаемыми очертаниями. Лицо проступало как сквозь дымку. Но постепенно ее формы становились более четкими. Павел, замерев, следил за тем, как словно бы из небытия проступила кромка одежды – она была в брюках. Потом заострились черты лица. Лет тридцать, интеллигентная на вид... Но в глазах... В глазах ее было что-то дикое. Там полыхало пламя. Это наводило на него ужас. И неотступный «аромат» болота...

Наученный горьким опытом, он старался не смотреть в глаза незваной гостье. И без того знал: они манят к себе, притягивают. Он не сможет противиться их зову. И тогда – все, гибель! От этой женщины он не уйдет.

Она сделала шаг к нему:

– Ты мне нужен. Ты – пища!

– Не тронь! – изо всей силы закричал он.

Она остановилась. Но он почувствовал – заклинание подействовало слабо. *Эта* была не такой, как другие. Откуда он это узнал? Однако узнал ведь...

– Иди ко мне! – каким-то странным тоном произнесла женщина.

Он резко отшатнулся. На миг ему почудилось, что она пылает к нему сладострастием. Но только на миг. Нет, женщина, которая хочет заняться любовью с мужчиной, *так* его не зовет. Слава Богу, он повидал достаточно женщин на своем веку, чтобы судить об этом. Страшная визитерша хотела чего-то друго-

го. Не только его тело. Его жизнь. Его душу. Его суть... Его *всего* в буквальном смысле этого слова!

– Иди ко мне, – повторила женщина. – Ты же сам впустил меня.

«Вампир нападает на человека, если тот сам приглашает его в свой дом, – вспомнил Павел, изо всех сил пятась от незнакомки. – Но ведь это только вымысел авторов «ужасиков»! Их не бывает! И потом, нигде не сказано, что вампиры пахнут болотом...» «А откуда ты знаешь, как все должно быть на самом деле? – ехидствовал внутренни голос. – То, что ты когда-то читал и смотрел о вампирах – одни сплошные выдумки. Но дыма без огня ведь не бывает. Как знать, может, та, что стоит сейчас перед тобой, и есть настоящий вампир!»

– Нет! – закричал он, собрав все имеющиеся еще в запасе силы. – Я не хочу! Не хочу!

– Зато я хочу. Тебя. Ты будешь моим.

И вновь – как похоже на слова влюбленной женщины! И какая пропасть между *ей* и теми женщинами! Ему вспомнилась та девчонка, которую он сегодня подвозил, как он поначалу надеялся на ее благосклонность... Наивный! Как он вообще мог увидеть в подобном *существо* сексуальный объект?

Но раздумывать на сей раз было некогда. Он должен сопротивляться! Физически – иначе ее, видно, не победить. И надо устыть, пока она не загниотизировала его, а в том, что она это сделает, Павел не сомневался. Как и в том, что это получится у нее куда лучше, чем у прочих его сегодняшних знакомцев.

Крепко зажмурив глаза, он сделал еще несколько шагов назад, к стене. Ощутил, что жуткая гостья придвигается все ближе и ближе. Удушливое болотное амбре не позволяло ошибиться...

Наконец он почувствовал, что она загнала его в угол.

– Открой глаза! Слышишь, немедленно! Разве тебе не хочется взглянуть на меня?

Последнюю фразу она произнесла мягко, будто уговаривающе. Но Павел не поддался на уловку дамы. Вместо этого он протянул вперед руку и принялся ощупывать ее. Женщина несколько не сопротивлялась, будто ждала этого.

Это было самое удивительное эротическое приключение в его жизни. Павел провел ладонями от плеч вниз по рукам до самых запястий. Тело женщины оказалось холодным как мрамор. «Она мертва! – с ужасом понял он. – Мертва, но ходит и говорит... Она действительно вампир! Они все тут превратились в вампиров. Как в том романе Кинга про американский городок... Как же он назывался?»

Женщина стояла совершенно неподвижно, лишь время от времени повторяя как заведенная: «Открой глаза!»

«Как же убить ее? Осиновый кол в сердце? У меня нет времени искать кол. Задушить? А если она воскреснет? Потом, вряд ли она даст себя душить? Сейчас она не чувствует угрозы с моей стороны. Но если я проявлю агрессию по отношению к ней, кто знает, как может вернуться ситуация...»

И тут он вспомнил. В юности один знакомый тренер показывал ему прием восточной борьбы, с помощью которого можно легко вывести противника из строя или даже убить. А всего-то необходимо отыскать на его теле нужную точку и нажать на нее...

Это должно быть в районе солнечного сплетения. Спускается ниже, ниже... Попробуем вот здесь... Нет. Ничего не изменилось. Она по-прежнему бормочет: «Открой глаза!» Чуть левее... Выше... Но что это?

Ладонь обожгло. Где-то в глубине ее ледяного тела пылал огонь, да такой сильный, что жар его вырывался наружу. Павел сдвинул руку правее. Жар исчез. Вернул обратно – и чуть не отдернул.

– Не тронь! – крикнул он как можно громче, вонзая нестриженный ноготь в пылающую точку. Что-то завибрировало, затряслось под пальцами, «ведьма» (так он уже давно ее про себя называл) испустила дикий крик, раздававшийся, казалось, не из гортани, а из неведомых телесных глубин, и стала оседать в его «объятиях».

Тут он, наконец, открыл глаза, одновременно выпуская обмякшее тело из рук. Женщина кулем сползла на пол. Павел стоял над ней, не решаясь более прикасаться к ужасному созда-

нию. Но дальше произошло нечто еще более диковинное. Оболочка тела на его глазах начала как-то мутнеть, таять. Он прекрасно видел все это, несмотря на отсутствие освещения. Вот уже нельзя было различить ни одежды, ни черт лица. Вместо этого – какая-то серая аморфная масса. Но запах болота не исчезал, напротив, Павлу почудилось, что он усилился. А затем... Он не поверил своим глазам: серая масса стала увеличиваться в размерах и расплзаться по углам комнаты. Секунд двадцать Павел смотрел на это зрелище, потом без сознания повалился на пол...

В чувство его привел странный запах. Пахло уже не болотом, а чем-то сладковатым с гнильцой, как от вянущих цветов, простоявших в вазе не менее недели.

Ахросимов вскочил на ноги, посмотрел вокруг – и сразу же понял, откуда пахнет. Почти весь пол был покрыт серым студеным веществом. Оно уже подтекло под дверь. Но самое ужасное – оно постепенно подбиралось к нему, Павлу!

Может, серый студень вовсе и не представлял опасности, но особых надежд на это Павел не питал. Особенно после всего, приключившегося с ним сегодня. Теперь главной задачей казалось выбраться отсюда. Дверь была прочно заблокирована. Ступать ботинками по дьявольскому студню Ахросимов не рискнул. Его внимание привлекло свободное пока еще пространство сбоку, у окна. Студень пока не успел туда добраться.

Осторожно ступая, Павел передвинулся к окну. Дернул за ручку рамы. Но та не желала открываться под нажимом. Наверное, заклинило. Студень неумолимо приближался... Потеряв терпение, Ахросимов ударил кулаком. Каким-то образом кулак пробил двойное стекло насквозь. Вся кисть была в осколках и крови, но боли Павел почти не почувствовал.

Ахросимов не знал, как ему, довольно крупному мужику, удалось протиснуться в небольшой проем. Недаром говорят, что в экстремальной ситуации включаются скрытые резервы организма. Он не знал, сколько времени прошло – минуты или секунды? Но он уже стоял во дворе дома, вся одежда была в крови и стеклах. Сумка с деньгами, документами и мобильником осталась там, внутри. Кажется, в зоне студня. Позже, если ситуация изменится, Павел заберет ее. Хотя в городе живых мертвецов, должно быть, все это ни к чему. Шкуру бы свою спасти!

Впрочем, никакого конкретного плана по спасению у Ахросимова пока не имелось. Инстинкт подсказывал: бежать! Бежать отсюда как можно дальше! Сможет ли он добраться до машины?

Павел осторожно обогнул дом и вышел за калитку.

Машина была на месте. Ключи от зажигания с собой, в кармане. Но, почуввав в салоне знакомый уже болотный «аромат», Ахросимов сразу же догадался, что автопутешествия не получится. Его совершенно не удивило, что мотор не завелся. Как и то, что свет в салоне не включался... На приборном пульте Павел нащупал что-то скользкое. Отдернул руку – и сразу в нос ударил ненавистный смрад болотной тины. «Подарок» от его жуткой пассажирки? Или здесь побывал кто-то еще? Или... тина пробирается везде, повсюду?

Оставаться в не заводящейся машине он больше не мог. Да это могло быть оказаться и опасным. Павел много чего повидал в жизни, и у него с некоторых пор возникало чутье на опасность. Сейчас интуиция подсказывала, что нужно уходить.

Улица казалась пустой. Но Ахросимов продолжал недоверчиво всматриваться в темноту. За каждым углом, за каждым деревом мог притаиться враг. Это осталось еще с Чечни... Когда на пустой дороге вдруг появлялся, словно ниоткуда, отряд моджахедов. Или идущий впереди грузовик подрывался на mine... Самого Павла Бог миловал – был пару раз ранен, но легко. Может, остался жив благодаря тому самому звериному чутью. Не у всех оно было. Некоторые погибали по-глупому, лезли на рожон... Особенно зеленые мальчишки-первогодки. Когда тебе восемнадцать, просто не веришь, что можно умереть по-настоящему. Павел служил по контракту, офицером. Военное образование все-таки помогало – он привык все рассчитывать, перестраховываться, отмерять по семь раз... Но там было понятно. Там была война. А здесь? Что случилось с этим городом?

«Может, генетические эксперименты? Мутации там какие-нибудь... Или экология?»

Подобные страшилки Ахросимову иногда попадались в желтой прессе, которую он любил почитать на досуге. Но он был убежден, что это не более чем газетные «утки». А если какие-то опыты и проводятся, то там все строго засекречено и со всех участников взяты подписки о неразглашении. Серьезные люди следят за тем, чтобы информация не просочилась наружу. Тем более в прессу.

Да и какой эксперимент мог привести к этому кошмару? Павел не сомневался в том, что происходившее в Черном Котле – не дело рук человеческих. «Тогда бы на них заклинания не действовали!» Следовательно, тут какая-то мистика.

В мистике Ахросимов был пас. Иногда он посещал церковь, носил на груди показной золотой крест на толстой цепочке, смотрел по виду как ужасики... Но не отождествлял это все с реальной жизнью. То есть, как и всякий человек, не испытывавший особого интереса к оккультным вещам, теоретически он верил в то, что потусторонние силы могут где-то там существовать. Но только не в его, Павла, мире. Его мир был привычным, устоявшимся, иногда жестоким и неприветливым... Но вполне реальным. Все в нем было объяснимо с точки зрения каких-то рациональных категорий. Но там, куда он попал сейчас, рациональные категории не действовали. Здесь правила какие-то свои законы, и победить в этой игре на выживание можно было, лишь уяснив себе правила этой игры.

«Итак, что мы имеем? – размышлял Павел, зорко вглядываясь в темную провинциальную улочку без единого огонька. – Эти... перерожденцы... от которых болотом пахнет – они на людей нападают. Называют пищей... Полагаются за гипнотизировать... В губы целуются, будто что-то из тебя высасывают... При этом боятся молитв и заклинаний. И у них что-то внутри. Горячее, пульсирующее... Сердце? И если его остановить, они превращаются в студень. И куда он ползет? Зачем? Зачем все это?»

И все же в происходящем просматривалась своя логика. Перерожденцы не нападали друг на друга. Они стремились напасть на чужаков. Следовательно, те обладали чем-то, что было им нужно.

«Пища!»

Павел готов был побиться об заклад, что никакие они не людоеды. Они ведь не пытались кусать его. Даже убить каким-то обычным способом не пытались. Хотя, скорее всего, если бы им удалось сделать свое черное дело, его трудно было бы записать в число живых.

«Наверное, они ближе к вампирам. Только им нужна не кровь, а...»

Ахросимов вспомнил их омерзительные «поцелуи». Что они пытались из него высосать? Энергию? Жизнь? Хорошо бы это понять!

Он шел не торопясь, почти крадучись. Опыт подсказывал, что бегущая фигура способна привлечь внимание этих тварей (людьми их уже не хотелось называть). Студня на дороге нет – в этом Павел был почему-то стопроцентно уверен. А болотная тина – она вроде бы не опасна. Иногда ноги и впрямь увязали в чем-то мягком, но Павел, не задерживаясь, шел дальше. Вперед.

Он приехал сюда днем, и сейчас, в темноте, не мог найти никаких ориентиров. Фонари не горели. Света не было видно ни в одном из окошек. Только луна то показывалась из-за туч, то исчезала снова. Но ее тусклого сияния не хватало, чтобы разглядеть окрестности. Павел решил, что будет идти наугад, пока не отыщет что-нибудь, что подскажет ему дальнейший путь. Или пока его не остановят.

Наконец он заметил впереди что-то движущееся. Ахросимов насторожился, но зря. Всего лишь собака, бредущая навстречу. В отличие от обитателей городка, бывших когда-то разумными, она не выказала никакого недружелюбия по отношению к незнакомцу. Молча проследовала своей дорогой.

«Так! Значит, собак они не трогают».

Ему вдруг стало интересно: а как *они* вообще функционируют? Где добывают пищу? Хотя... Ведь они называли *пищей* – его! Значит... Ну да, вряд ли они употребляют обычную еду

вроде свинины с картошкой... Скорее всего, охотятся на таких, как Павел.

«Любопытно, а если бы кому-то из них удалось, то я стал бы таким, как они, или бы... умер? Во что бы я превратился?»

Ну ладно, ему еще повезло. А другим? Что ж, они питаются презжими? И много ли тут презжих?

Руки начало саднить. Ну конечно, он же поранился о стекло! Наверное, надо чем-то вытереть кровь. И вообще – сделать перевязку. Где-то должна быть аптека. Но шансов на то, что он благополучно доберется до нее и окажет себе первую медицинскую помощь, оставалось немного. Павел нащупал в кармане носовой платок, вытер об него правую руку. Липко... Наверное, у него сильные порезы. Но все же не настолько сильные, чтобы истечь кровью прямо тут, на дороге.

Несколько раз навстречу попадались бродячие животные – кошки и собаки. Они не обращали на человека никакого внимания, трусили себе по своим делам. И только одна кошка жалобно замыкала и попыталась увязаться за ним следом. Павел шикнул на нее, и она отстала. «Наверное, домашняя. А теперь о ней некому заботиться...»

Он не знал, сколько времени находился в пути. Часы снял с руки еще там, в доме. Хотелось отдохнуть. Кто ж знал, что серый студень выгонит его на улицу!

Наконец одна из улочек вильнула в сторону, и через минуту Павел очутился на небольшой площади. Глаза его уже достаточно привыкли к темноте, чтобы рассмотреть очертания невысоких домов, окружавших заасфальтированный пятак. По пятачку в разных направлениях двигались фигуры. Вне сомнения, человеческие.

Павел остановился. Рано или поздно кто-нибудь заметит его и попытается... поужинать им. Черный юмор, но иначе не скажешь. Время уже позднее, завтрак и обед не подходят.

Ему показалось, что две фигуры направляются к нему. Бежать? Он не сомневался, что за ним устроят погоню. А их много. Остаться, посмотреть, чем дело кончится? Снова пустить в ход заклинания, боевые искусства и так далее? Это сработает с одним, ну с двумя. А их тут больше десятка.

Павел попытался. Попытался уйти в тень, укрыться в тиши кривой улочки. Ему казалось, что он слился с темнотой и невидим для них. Света-то нет! Но он недооценивал этих тварей.

Перерожденцы на площади внезапно стали собираться в кучу, что-то неразборчиво бормоча. А затем небольшая толпа двинулась в... сторону Павла! Он различал глухие вскрики:

– Пища!

Ахросимов обратился в бегство. Он несся по узкой улочке, не разбирая дороги. Под ногами то и дело что-то хлопало. И в какой-то момент Павел оступился и упал ничком на землю. Запахло болотом. Все-таки тина... Он встал на четвереньки, попытался выпрямиться... Но тут его подхватили чьи-то холодные, как лед, руки. Руки живого мертвеца. И, похоже, мертвец был тут не один.

Павла рывком поставили на ноги. Он попытался повернуть голову и разглядеть того, кто держал его сзади, но в этот момент на них налетела беснующаяся толпа. Руки-ледышки хва-

тали его, ключья тины лезли в рот и нос, он чувствовал, как на нем рвут одежду.

«Они же борются за пищу!» – дошло до него.

В этом стаде больше не было ничего человеческого. Да и разве не свойственно человеку биться за кусок жратвы, за теплое место, за безопасную жизнь? Павел мог рассказать об этом больше, чем кто-либо другой. Но сейчас нужно было спастись.

Он знал, что им требуется – добраться до его рта! Закрыл глаза и крепко сжал губы и зубы. Они молотили его, раздирали ему лицо, но никак не могли приникнуть губами к его губам, прильнуть к вождьленному источнику питания... Парочку самых слабых Павел сбросил на землю, и они теперь катались в пыли, не в состоянии сразу встать на ноги.

Силы Павла слабели с каждой секундой. Он уже понимал, что из этой схватки ему не выбраться. Может быть, он будет жить, но станет таким же, как они. Будет искать себе пропитание, охотясь за случайными прохожими...

Неожиданно что-то ударило его, как таран, и хватка тварей мгновенно ослабла. Ледяные руки отпустили свою добычу. Но радоваться было рано: его куда-то волокли. Павел пытался сопротивляться, однако тот, кто решил им заняться, вцепился ему в плечо железной хваткой.

Кажется, они оказались в тесном закутке между двумя заборами. Наверху из-за тучи опять выглянула луна, и Ахросимов в первый и последний раз смог разглядеть лицо своего «едока». Совершенно искаженное, оно тем не менее когда-то было человеческим и принадлежало мужчине примерно тридцати лет. Мужчина был гигантского роста, наверное, гораздо выше двух метров. От него, так же, как и от остальных его собратьев, несло тинной. Гигант уже тянулся к губам Павла, не отпуская при этом его плеча. Его глаза встретились с глазами Павла, и тот почувствовал, что им овладевает сонное безразличие...

– Не тронь! – собрав последние силы, закричал Ахросимов.

Великан зарычал и отпустил свою жертву. Голова Павла по инерции качнулась и ударилась изо всей силы о забор. В глазах потемнело. И наступила полная темнота.

Ахросимов уже не ощущал, как перерожденец притиснул его обмякшее тело к ограде, беспрепятственно нащупал своим ртом его рот, подобно умелому любовнику, раздвинул губы и зубы, и впился между них смертельным поцелуем. Он сосал и сосал, и из Павла уходило то, что дрожало в нем натянутой струной, заставляя биться сердце, работать легкие, струиться по жилам кровь... Что-то невидимое и неосознаемое, без чего он не мог существовать.

Потом струна в последний раз дрогнула и оборвалась. Гигант в пароксизме сытости отвалился от него. Он почувствовал тот момент, когда все закончилось. Тело Павла было втиснуто меж двух оград. Мозг, сердце, легкие и прочие органы находились на своих местах. Но они больше не являлись единым организмом. Скорее, отдельными частями сломанного механизма, который никто не собирался восстанавливать. Павел Ахросимов напрасно боялся, что его превратят в одну из болотных тварей. Он не переродился. Он, казалось, просто перестал существовать, подарив свою жизнь тому, кто когда-то, как и он, был человеком.

3. СЕРЫЙ СТУДЕНЬ

«Бесчисленные ротовые отверстия бесформенного существа пели песнь жажды, и существо знало, что эта жажда вскоре будет утолена. В предвкушении этого момента тело существа содрогалось от возбуждения».

(Дин Кунц «Полночь»)

Марат Логинов в очередной раз сверился с картой и повернул направо. Он прекрасно ориентировался на местности, и ему почти никогда не приходилось спрашивать дорогу. Как-то один

приятель хвастался, что купил себе автомобиль с новейшей системой навигации, но Логинов только усмехнулся. Он не доверял технике. И людям тоже. Только самому себе. Поэтому

и отправился лично на розыски своего коммерческого директора Павла Ахросимова.

Ему хватило пары часов, чтобы выяснить, что Павел снял с банковского счета фирмы крупную сумму денег, и одних суток, чтобы вычислить, куда именно тот направился. Достаточно оказалось попросить службу безопасности проверить распечатку звонков с сотового номера Ахросимова. Так и вышли на агентство «Уют-хаус». Фамилию Ахросимова секретарша не вспомнила, но, когда к ней явился сотрудник с фотографией Павла, то сразу сообщила, что этот клиент несколько раз появлялся в офисе и беседовал с генеральным директором Максимом Бакульским. Между прочим, Бакульский уже несколько дней как уехал по делам и пропал. Вместе со своей женой. И вроде бы эти дела связаны как раз с данным клиентом...

Остальное было делом техники. Секретаршу заставили прошерстить компьютер и выудить оттуда досье на Ахросимова. Такое досье в агентстве заводилось на каждого нового клиента. Быстро выяснилось, что Павел собирался приобрести недвижимость по адресу: N-ская область, город Черный Котел, Сосновая улица, дом шесть.

С разных телефонов Марат и его сотрудники пробовали дозвониться Ахросимову на мобильный. Бесплезно. Женский голос все время твердил: «Абонент отключен или временно недоступен». Ну еще бы, какой дурак в такой ситуации включает телефон?

Однако у Марата почти не оставалось сомнений в том, где именно искать бывшего сокурсника по военной академии.

Он взял с собой охранника Славу, выполнявшего одновременно функции водителя. Договорились, что по пути будут меняться: один за рулем, второй отдыхает. Сейчас за рулем был Марат, а Слава пересел на заднее сиденье и кемарил.

Сразу за поворотом Логинов заметил бредущую по обочине девушку. В джинсах и футболке, с рюкзаком за плечами, темная, коротко стриженная... И хорошенькая. Марат не любил девушек модельного типа. Иногда он снимал проституток, не отказывался и от сауны с девочками, но ему нравились интеллигентные, образованные женщины, которые что-то из себя представляли и с которыми было интересно поговорить. Он предпочитал умных студенток из семей среднего достатка. Такие обычно удовлетворяли его интеллектуальные потребности, но в то же время не предъявляли больших претензий. Не требовали денег, дорогих подарков, ресторанов... Похоже, эта девица как раз и была из таких.

Марат резко сбросил скорость и окликнул девушку:

– Вам куда, барышня? Может, подвезти?

Девица испуганно оглянулась на него. У нее оказались большущие «оленьи» глаза. Тоже в Маратовом вкусе. Упустить такой шанс было бы жаль. Интересно, решится она или нет?

На лице девушки отражалась борьба чувств. С одной стороны, вроде не положено садиться в машину к незнакомым мужчинам. А с другой – транспорт здесь не ходит или ходит редко, если сейчас откажется, то придется тащиться пешком еще час-другой.

Наконец она, видимо, решилась. Робко приблизилась к дверце – Логинов к тому времени уже плавно остановился – и сказала:

– Здравствуйте. Мне в Черный Котел. Подвезете?

– Садитесь. Рюкзак давайте.

Марат гостеприимно распахнул переднюю дверцу. Девица села, оглядываясь и испуганно ойкнула, рассмотрев сзади дремавшего Славу.

– Не бойтесь, это мой шофер, он же охранник. Его Слава зовут. А меня Марат.

Ненавязчиво он вынуждал девушку назвать свое имя.

– А я Лариса.

– В гости едете?

– У меня родители там. Я учусь в областном городе, в педагогическом институте. У нас каникулы сейчас. Я в походе была, теперь вот вернулась. Домой еду.

Логинов взял у нее тяжелый рюкзак, закинул в багажник.

– Как же вы посреди дороги оказались? Ведь до Черного Котла еще километров десять!

– Оттуда в областной центр автобусы ходят. Но, оказывается, вот уже несколько дней, как что-то случилось с автобусным сообщением. Даже не поняла, что. Пришлось попутку ловить. Меня досюда подвезли, а дальше им не по пути было. Пару раз голосовала проходящим машинам – никто не остановился. Хорошо, что вы подвернулись.

– И в самом деле – хорошо, что мы познакомились.

Он потихоньку прощупывал почву – согласится ли на более близкое знакомство? Иногда «правильные» на вид девушки соглашались на секс через несколько часов после знакомства. Иногда предстояла длительная букетно-конфетная осада. Порой девушка на контакт не шла вовсе, и Марат привык относиться к этому философски.

– Хорошо, – отозвалась Лариса, и по ее тону было непонятно, приходится ли надеяться на что-то большее, или нет. Возможно, девчонка просто робеет, и все еще впереди.

Женщины откладывали Марату редко. Он гордился тем, что, помимо денег, у него имеются еще и красивая мужественная внешность, и интеллект. При необходимости мог поговорить и о литературе, о музыке, о театре. Воспитанных девушек общение с ним обычно не напрягало. Два вуза все-таки!

В молодости Марат окончил военную академию, а потом, смекнув, чем чревата перестройка, поступил на вечернее отделение в финансово-экономический институт. Был «челноком», торговал чем придется – от продуктов питания до импортных шмоток. Наконец занялся продажей компьютеров и бытовой техники – и разбогател. Олигархом, конечно, не стал, но на особняк на Рублевке и отдых на Канарах вполне хватало.

Был он и женат. С женой прожили шесть лет, прежде чем Логинов обнаружил, что рядом с ним – недалекая бабенка, озлобленная лишь тем, как одеться и как обставить дом, и не читавшая ничего, кроме женских журналов. Он развелся и регулярно выплачивал щедрые алименты на сына. Интересовался его школьными успехами, водил в кино и цирк, пару раз брал с собой за границу... Но с бывшей женой старался не общаться.

Жениться во второй раз Марат не торопился. То есть, в принципе, он был не против вступить в законный брак, но только с подходящей женщиной. Теперь Логинов хорошо знал себе цену. Он скептически относился к бракам своих друзей, разведившихся с бывшими женами и избравших в новые подруги жизни пустоголовых длинноножек. «Для секса – одно, а для жизни – другое!» – это была любимая присказка Марата. Можно позволить себе ненадолго развлечься с симпатичной блондинкой. Но постоянно терпеть рядом с собой существо, которое за всю жизнь прочло две с половиной книжки, да и то с трудом – нет уж, увольте!

Он присматривался. Но ни в одной из своих новых знакомых не находил то, что хотел бы видеть в спутнице жизни. Интеллектуалки, как правило, не были готовы к роли жены и матери. Они хотели делать карьеру, и никак не смирились с тем, что вершиной этой карьеры будет всего лишь замужество. Некоторые из его пассий презирали Логинова за то, что он занимался бизнесом. В их кругу было принято говорить о высоких материях, а не зарабатывать деньги. Они не могли привести Марата в дом к папе-профессору и маме – преподавательнице консерватории, в компанию друзей-филологов... В итоге рано или поздно наступал разрыв отношений, и Марат ни разу не пожалел об этом.

Логинов никогда не терял головы. На знакомства он смотрел легко, как на лотерею – неизвестно, какой билет вытянешь в этот раз. И Лариса была одним из таких лотерейных билетов. Может, пустышка, а может, главный приз...

Девушка держалась скромно, и это понравилось Марату. В Москве у него было немало встреч с провинциалками, и очень скоро он понял, что в Москву стремятся периферийные жители лишь определенного сорта – нахальные, беспринципные хищницы, готовые пойти по трупам, чтобы добиться своей цели – либо карьера, либо, гораздо чаще, выгодный брак с москвичом... Логинов ненавидел, когда его пытались использовать втихую. Поэтому отвечал твердым отказом на просьбы устроить на хорошую работу, и был осторожен в амурных делах. Однажды к нему явилась мать девушки, приехавшая ее навестить из провинции, и устроила скандал, требуя, чтобы

Марат немедленно женился на ее ненаглядной Верочке. Он обещал решить вопрос. И решил. После того как с Верочкой и ее скандальной мамашей поговорили сотрудники службы безопасности его фирмы, ни одна из них больше не побеспокоила Логинова. В другой раз очередная любовница – кстати, аспирантка одного из престижных московских вузов – объявила, что беременна от него. Марат, недолго думая, повел ее к частному гинекологу, рекомендованному одной из его знакомых, и настоял, чтобы осмотр происходил в его присутствии. Оказалось, что никакой беременности нет и в помине. После этого он навсегда вычеркнул аспирантку из своей жизни.

Лариса, судя по всему, не страдала излишней амбициозностью, иначе тоже подалась бы в столицу, а не прозябала бы в своем областном педагогическом...

«Возможно, с ней получится иначе, чем с другими».

Слава очнулся от дремоты и уставился на девушку.

– Слава, это Лариса. Она поедет с нами, – коротко бросил Логинов.

– Есть, – по-военному откликнулся Слава. Марат, будучи по первому образованию офицером, любил, чтобы ему так отвечали, и весь его персонал знал об этом.

– Пересядь-ка за руль, – велел он Славе.

Можно было бы и Ларису попросить пересесть назад, но это могло бы насторожить девушку. Он ограничился тем, что подавал реплики с заднего сиденья, расспрашивая Ларису о житействе. Она отвечала вежливо, но без особой охоты. Скорее всего, ей и не приходило в голову, что этот дядька на дорогой машине ее кадрит.

Ей было двадцать. Она училась на историческом факультете и собиралась пойти работать в школу, как и ее родители. Отец Ларисы преподавал историю и обществоведение, мать – русский язык и литературу. Семья нищих интеллигентно-гуманитариев.

Он мог бы сказать: «Девочка! Ну какие у тебя тут перспективы? Будешь учительствовать – останешься старой девой, а в лучшем случае выйдешь замуж за какого-нибудь работягу. Все стоящие парни уже давно подались в столицу, а курс у вас наверняка женский. Держись за свой шанс, например, за меня – и будешь в шоколаде!»

Но это ее наверняка бы спугнуло. С милыми периферийными девочками так нельзя. Это вам не приезжие стервочки. Поэтому Марат продолжал светскую беседу, пытаясь показать, что он тоже не лыком шит – и книги читает, и в истории разбирается...

– А почему городок ваш так называется? – поинтересовался Логинов, просто ради приличия. На самом деле это было совсем ему неинтересно.

Лариса сразу оживилась.

– Мой папа краеведением занимается. Он рассказывал, что когда-то, когда тут еще древние славяне жили, в озеро котел с неба упал. А потом озеро стало болотом, и люди куда-то подевались. Никто не знает, куда. Конечно, это просто легенда, но в честь нее и название дали.

– Вот как? Котел, да еще черный?

– А что тут такого? – удивилась девушка.

– Ну вот, Чернобыль, скажем... Черная быль. Или на Черной речке Пушкина на дуэли убили... Нехорошо называть Черным. Дурная примета.

– А вы в мистику верите?

– Ну конечно, нет! – ответил Марат. Слишком поспешно. Потому что было в его жизни нечто такое, чего он до сих пор не мог объяснить.

Дед Марата умер, когда ему исполнилось тринадцать. А два года спустя пятнадцатилетний Марат решил уйти из дома. Причина была достаточно серьезной. Он привел домой одноклассницу, которая ему страшно нравилась. А мать с отчимом за ужином, когда он ответил что-то резкое на замечание, вдруг принялись позорить его. И лентяй он, и неряха, и свет в туалете за собой не выключает... Это упоминание о туалете и стало для Марата последней каплей. Уж при девочке-то можно было бы и постесняться говорить такое! Ну, подумаешь, пару раз свет не выключил! Забыл просто, голова была занята другими заботами. Это что, преступление?

У одноклассницы глаза сделались большими. Вскоре она заявила, что ей пора домой, и поспешно ушла. На следующий день в школе Марат заметил, как она насмешливо о чем-то перешептывалась со своими подругами, глядя на него. Он больше не решился к ней подойти. Такой позор! Ну, зачем родители это сделали?

По дороге домой Марат задумался о том, что мать с отчимом его совсем не любят. Отчим, понятно, не родной, а мать думает только о себе. Сын ей не нужен. Если бы они хорошо к нему относились, то не стали бы оскорблять его вот так, при посторонних.

И Марат не придумал ничего лучшего, чем уйти из дому. Уехать куда-нибудь, устроиться на работу. В пятнадцать уже берут.

Но для того, чтобы уехать, нужны были деньги. Их Марат решил взять у родителей. Заработает – вышлет долг.

В субботу родители уехали на дачу, а Марат остался дома под предлогом, что нужно готовиться к занятиям. Он собрал свои вещи, и в последнюю очередь вошел в родительскую спальню, где в шкапулке хранились семейные сбережения. Взял двести рублей. По тем временам это были деньги приличные. Повернулся к двери – и тут увидел перед собой покойного деда! Тот стоял в дверях и грозил внуку пальцем. Марат видел его отчетливо, никакой там дымки или прозрачности, как описано в историях о привидениях. Будто живой человек из плоти и крови. Но Марат-то знал, что он неживой!

Испугаться он не успел. Дед вдруг пропал. Не растаял в воздухе, не растворился. Просто был – и не стало...

Дрожащими руками подросток вернул деньги на место. Он даже не задумывался над своими действиями, совершал их как на автомате... Потом вышел из спальни, плотно прикрыв за собой дверь, прошел в свою комнату, разобрал вещи... Родители так ничего и не узнали. Позднее Марату пришлось в голову, что дед его каким-то образом загипнотизировал. Но разве может мертвый кого-то загипнотизировать? Да и откуда он вообще взялся?

Иногда Логинов смотрел по телевизору передачи о загробной жизни и всякой прочей аномальщине. Но ему казалось, что все, о чем говорится в передачах – это выдумки и чушь, а люди, с которыми действительно что-то подобное происходило, никогда об этом не расскажут. Вот ему, например, совсем не хотелось рассказывать о своем видении. И не только оттого, что опасался насмешек, или оттого, что призрак застал его в момент воровства, а потому, что это было только *его* – собственное, сокровенное, личное... Он не мог никому поведать об этом случае.

Ларису, впрочем, разговор на мистические темы не слишком занимал. Она отвернулась к окну и принялась смотреть на дорогу. Они проехали пост ДПС.

– Странно... – произнесла девушка.

– Что странно? – полюбопытствовал Логинов.

– Здесь всегда гаишники стоят с жезлами. А сегодня никого...

Домик поста и впрямь выглядел «нежилым». На всякий случай сбросив скорость до минимума, Слава проследовал дальше.

Никто не встретился им по пути, и никто не ехал следом за ними. Это удивило Марата больше, чем пустой домик ДПС.

– Здесь всегда так пусто? – спросил он у Ларисы. – Ни одной машины на дороге!

– Вообще-то у нас народ небогатый, машины мало у кого. Но обычно всегда кто-то попадает. Даже не знаю, что такое сегодня...

В открытые окна ворвался сильный неприятный запах. Так пахнут срезанные цветочные стебли, начавшие гнить в вазе.

– Запашок... – пробормотал Слава.

– Даже не знаю, откуда, – испуганно ответила Лариса. – Раньше такого никогда не было.

– И гаишники раньше на месте стояли, – весело отозвался Марат.

Он вытащил мобильник и в сотый раз попытался набрать номер Павла. Женский голос талдычил свое: «временно недоступен».

Мимо потянулись дома. Запах сладковатой гнильцы усилился. Сидящие в машине морщили носы.

– Смотрите, на улицах никого, – присвистнул Слава.

– И правда, – Лариса высунулась из окошка. – Что с ними случилось?

– А я читал, что где-то за границей нашли заброшенный город. В домах на столе еда, будто хозяева ужинать собирались, и ни одного человека! – похвалился своей эрудицией Слава.

– Не болтай ерунды! – в голосе Логинова появились угрожающие нотки. Что-то неладное творилось в этом городе, и он хотел выяснить, что.

По идее, нужно было спросить Ларису, где ей выходить, но девушка молчала. Пожалуй, надо сначала разобраться в ситуации, а потом уже высаживать ее.

Они ехали пустынными улицами.

– Может, эпидемия какая всех выкосила? – робко предположил Слава. – Или газ пустили? Ведь запах откуда-то...

Он осекся. Впереди на дороге лежал человек. Судя по позе, он был мертв.

Слава затормозил и доложил обстановку.

– Так! Выходим из машины. Вы, Лариса, пока оставайтесь.

Вдвоем они подошли к телу. Это оказалась женщина средних лет в деловом костюме. Видимых повреждений на ней не было. Только рот почему-то распахнут, будто жизнь ушла через него.

– Мертвая, – констатировал Слава.

– Помолчи. Видишь, ее сумочка валяется!

– Понял, – Слава подобострастно поднял сумочку и протянул шефу.

Внутри оказались косметичка, не работавший мобильник и документы – паспорт и водительские права на имя Семенович Валентины Родионовны.

– Где-то машина ее должна быть, – огляделся по сторонам Логинов.

Красная «Ауди» оказалась припаркована неподалеку, у кромки тротуара.

– Что ж с тобой случилось, Валентина Родионовна?! – пробормотал Марат. Ситуация все больше ему не нравилась.

– Марат Константинович, может, здесь опасно находиться? – дрожащим голосом спросил Слава.

– Мы поедem дальше, – отрезал Логинов. – Надо отыскать этого ублюдка. Тебе-то что, ты гол как сокол, а он спер мои деньги. Мои, понял?!

– Да понял-понял! – отозвался шофер-охранник и, похрюкнув, прикусил язык.

Марат потянулся за мобильником. Тот не брал сеть.

– У тебя сотовый берет? – повернулся он к Славе.

Тот полез в карман за своим.

– Нет, – ответил, взглянув на дисплей.

– Ладно, пошли в машину.

Они вернулись в джип.

– Ларис, – обратился Логинов к пассажирке. – У тебя мобильник есть?

– Нет, – пожала она плечами, будто не заметив, что он перешел на «ты». – Сотовая связь дорогая, у нас мало кто пользуется.

– Но в принципе, здесь мобильники берут?

– У кого есть, работают. А что с той женщиной там, на дороге, ее машина сбила?

– Пока не знаем.

– Мне вообще-то вон на ту улицу, – девушка показала куда-то в сторону. – Но теперь я не знаю... Может, кто-нибудь из вас меня проводит?

«До чего надо было напугать девчонку, чтобы она мало-знакомых дядек попросила проводить!»

– Сиди тут, – приказал Марат Славе, затем выбрался из машины первым и помог выйти Ларисе.

– Ох, мне очень неловко, что я вас попросила об одолжении. Но вы сами видите, тут...

– Я вижу, – перебил он, вытаскивая ее рюкзак из багажника. – Ладно, веди, показывай, где твой дом.

Они повернули на дорожку между кустов. Навстречу по-прежнему не попадалось ни одного человека. Дом, где жила Лариса, оказался белой панельной пятиэтажкой.

В темном подъезде в нос ударил «аромат» кошачьей мочи вперемешку с уже знакомым запахом цветочной гнильцы. Только тут амбре было еще сильнее.

Лифт отсутствовал. Они поднялись пешком на третий этаж. Лариса нажала на звонок.

– Не работает.

– Ключи у тебя есть?

Девушка полезла в кармашек рюкзака, который держал в руках Логинов, и извлекла связку.

Ключ в замке не поворачивался.

– Ой, тут открыто, кажется, – она растерянно потянула входную дверь на себя, и та немедленно распахнулась.

В прихожей их встретил тот же запах, в еще более сгущенной концентрации. Лариса щелкнула выключателем, но электричество не зажглось.

– Папа, мама!

Никто не отозвался.

Марат положил Ларисин рюкзак на пол в прихожей. Девушка тем временем заглянула в комнаты.

– Никого.

Хотела пройти и на кухню, но Марат отстранил ее.

– погоди, я сам.

Он прошел тесным коридорчиком и очутился на микроскопической кухоньке, куда с трудом помещались стол, плита и старенький холодильник. На столе и на полу были грязные потеки, от плиты пахло газом, и Марат обнаружил, что один из переключателей открыт. Он установил его в положение «выключено».

«Просто удивительно, как они тут не взорвались!»

Из коридора послышался крик Ларисы. Логинов поспешил туда.

Девушка стояла перед открытой дверью совмещенного санузла, тыча пальцем во что-то, находящееся внутри, и визжала.

– Там... Там...

Он взял ее за плечо, отодвинул в сторону и заглянул сам. При слабом дневном свете, лившемся из маленького окошечка, выходящего на кухню, было видно, что все пространство тесного санузла покрывает какая-то масса.

– Что это?

– Если бы я знал!

– Она ползет сюда!

Масса действительно уже просочилась через порог. Видимо, прежде не могла преодолеть плотно пригнанную дверь.

– Быстро в прихожую!

Марат захлопнул дверь, но это не помогло. Масса продолжала сочиться, и теперь, стоя в нескольких шагах, они могли хорошо разглядеть ее. Нечто серое и студенистое. И этот сводящий с ума запах гнилых цветов...

– Бежим отсюда, скорее!

Они захлопнули за собой входную дверь, которую Лариса не успела запереть.

На всякий случай Логинов попробовал постучаться к соседям. Все три соседских квартиры ответили молчанием. Проверять другие этажи он не стал. Результат, вероятно, будет тот же.

Нервы у Ларисы сдали. Она вцепилась в рукав Марата.

– Что тут происходит? Где мои папа с мамой? Что это было там, в ванной?

– Сказал же уже – не знаю!

Она буквально висела на нем, когда они шли назад, к машине. Девушка снова прихватила с собой рюкзак, и Марат был вынужден взять его.

– Ну, что там, Марат Константинович?

Слава покосился на Ларису, глаза которой от страха стали еще больше.

– Дрянно там какая-то. Поехали дальше!

– Может, назад поедem?

– Сказал же я тебе – дальше!

Слава со вздохом завел мотор.

– Сосновая улица где у вас? – спросил Марат у Ларисы.

Она махнула рукой.

– Вон туда нужно повернуть.

Они свернули на узкую кривую улочку, куда джип еле-еле протиснулся.

– Стой!

На сей раз труп разглядел сам Логинов. Тот был втиснут в щель между двумя заборами частных домов.

К телу Марат подошел один. И присвистнул.

Перед ним лежал Павел Ахросимов. Его рот был открыт точно так же, как у той женщины. Будто из него выпили жизнь.

На руках и одежде Павла была кровь. На лице темнели синяки. Но Марату почему-то казалось, что умер его бывший приятель и коммерческий директор не от этого, а от чего-то более страшного, не укладывающегося в рамки обычного человеческого сознания.

Скорее для успокоения совести, он обшарил карманы покойника. Денег там не оказалось. Кредиток тоже не было. Надо искать дом номер шесть по Сосновой...

Но им не суждено было доехать до этого дома. Едва джип тронулся дальше (Ахросимова Логинов пока оставил на месте), как путь им преградила уже знакомая студенистая масса. Она выползла откуда-то из-за поворота.

Развернуть машину в узком переулке оказалось невозможно.

– Пятясь задом! – крикнул Марат. Слава включил задний ход. Можно было не беспокоиться, что они врежутся в кого-то позади.

Они проехали назад до конца улочки и выкатились на дорогу перед небольшим асфальтовым пятачком.

– Ч-ч-то это такое? – заплетающимся языком проговорил Слава. – Т-т-там, на дороге?

– Мы уже видели это в Ларисиной квартире. В ванной.

– Это... опасно для людей?

– Мы не знаем. Но лучше не проверять.

Лариса тихонько всхлипывала, опустив голову. Ее худенькие плечики тряслись.

Марат положил руку девушке на плечо.

– Ну, будет реветь! Слезами горю не поможешь.

– Да, – хлюпая носом, ответила она. – Вам легко говорить. А я не знаю, что случилось с моими родителями.

– Ты поедешь с нами. Может быть, мы выясним, что с ними случилось. Хотя... сама понимаешь, вряд ли это что-то хорошее.

Несмотря на весь свой немалый опыт, Марат никогда не умел утешать женщин. Но Лариса почему-то перестала плакать и, казалось, пришла в себя. Она даже подняла голову и посмотрела на него.

– Вы не бросите меня?

– Ну конечно нет, глупышка! Я никогда никого не бросаю! – соврал Логинов.

В такой ситуации бросать ее он действительно не собирался. А дальше – видно будет.

– Марат Константинович! Оно сюда ползет! – донесся до него голос Славы.

Серая субстанция медленно, но верно ползла в сторону пятачка.

– Разворачивайся! – крикнул Марат.

Слава попытался развернуться. Но мотор пару раз чихнул и заглох.

– Машина сломалась, – как зомби, пробормотал водитель.

– Без тебя вижу, что не заводится!

– Что делать будем?

– Наглухо закроем окна и сидим в машине. Убежать все равно не успеем, – Марат кивнул на пятачок. По нему, со стороны домов, расплзалась еще одна студенистая лужа. Они очутились в ловушке.

Молча они смотрели, как волны серого студня подкатываются все ближе и ближе. Когда студень оказался совсем близко, стало видно, что он неоднороден. В нем кое-где виднелись одинаковые отверстия округлой формы, величиной с человеческий глаз. И это почему-то навяло на всех троих невероятный ужас.

– Глаза, – прошептала Лариса.

Почему-то это сравнение одновременно пришло в голову и обоим мужчинам.

– Оно и правда будто на нас смотрит, – кивнул Слава. – Что будем делать?

– Подождем, – ответил Марат. Он по своему обыкновению старался не терять хладнокровия, хотя сейчас, может, впервые в жизни пожалел, что он такой крутой и сильный, и не может позволить себе переложить ответственность на кого-то еще.

Глазастый студень облепил машину. Сначала колеса, потом стал подниматься вверх по бамперу и капоту. Наконец он залепил лобовое стекло.

– Он разумный! – истерически крикнула Лариса. – Он пытается добраться до нас!

Запах гниющих цветов в салоне сделался невыносимым, не смотря на задранные стекла.

Вдруг Лариса выпростала из-под футболки простой железный крестик на цепочке и вполголоса принялась читать «Отче Наш». Мужчины переглянулись и начали повторять за ней.

«Хуже все равно не будет», – думал Марат.

И серая масса начала оплывать, скатываться вниз. Странно – на стекле не оставалось даже потеков.

– Смотрите! – закричал Слава.

Серая дрянь отползала от машины.

Слава попробовал завести мотор. Безуспешно.

– Продолжаем читать молитву, – скомандовал Марат.

Они начали по новой.

Студень откатывался все дальше и дальше. Вокруг джипа образовалось свободное пространство.

– Выходим из машины! Все читаем молитву! – приказал Марат.

Это было как в сказке. Они шли и молились, а зловонная серая мерзость откатывалась прочь, словно убегая. Вскоре дорога была свободна.

– Куда мы идем? – спросил Слава.

– Не знаю. Куда-нибудь, – отозвался Марат.

Они прошагали уже, наверное, пару километров по улицам опустевшего города, когда Логинов понял, что нужно устроить привал. Судя по всему, путь назад будет долгим, значит, надо остановиться и отдохнуть. И желательно, отыскать пищу и питье. С собой они, конечно, ничего не взяли – надеялись, что по пути удастся где-нибудь перекусить.

– Ты сможешь вывести нас из города? – поинтересовался Марат у Ларисы.

– Пожалуй, смогу. Надо идти мимо автобусных остановок – вот, видите?

– А есть тут где-нибудь поблизости продуктовый магазин или кафе?

Девушка удивленно взглянула на него.

– Они же не работают.

– Это неважно.

Она указала на небольшой павильон рядом с остановкой.

– Вот.

Марат подошел первым, глянул сквозь застекленную дверь. Внутри колыхалась серая масса.

– Отпадает.

– У меня в рюкзаке сухари есть и бутылка минералки. Осталось от похода, – сказала Лариса.

– Ты наша спасительница! – произнес Марат как можно ласковее, стряхивая с плеч Ларисин рюкзак.

Они уселись на лавочку на автобусной остановке. Сухарики разделили на всех, потом по очереди пили воду из бутылки. Не Бог весть что, конечно, но все же лучше, чем ничего.

Здесь же, за остановкой, сходили в туалет. Сначала Лариса, потом Марат со Славой. Лариса, вернувшись, прятала глаза – стеснялась.

«Все-таки она не такая, как мои барышни», – подумал Марат. «Своими барышнями» он называл женщин, с которыми встречался в Москве. Большинству из них даже не пришло бы в голову смущаться в подобной ситуации.

Лариса все больше ему нравилась.

Они еще дважды делали попытки запастись провизией в попадавшихся по пути мелких магазинчиках, но поворачивали обратно, увидев через двери колышущую серую массу.

– А что если посмотреть в какой-нибудь квартире? Там же наверняка найдутся остатки пищи. А людей нет! – предложил Слава.

– Там может быть *это*, – сказал Марат. И все сразу поняли, что он имеет в виду.

– Но мы даже не знаем, что оно делает! Может, оно безобидно? – возразил Слава.

– Хочешь проверить?

– Я бы попытался. Если разрешите.

– Не разрешаю!

Слава со вздохом поплелся дальше.

Марат прикидывал. Скоро пост гаишников. За ним город кончается. Автобусы не ходят. Каковы шансы, что они встретят на дороге какую-нибудь машину? И что сумеют остановить ее и объясниться с водителем? Уже темнеет. Им придется прошагать как минимум десять километров до того места, где они подобрали Ларису. Есть надежда, что оттуда их кто-нибудь подвезет. Если кто-то вообще отважится посадить ночью двух здоровых мужчин, пусть даже с девушкой. Водители теперь пуганые. По-хорошему, надо бы отыскать какое-нибудь укрытие и переждать там до утра.

Когда они поравнялись с темнеющим домиком ДПС, сумерки уже совсем сгустились. Слава вопросительно посмотрел на шефа:

– Может, здесь остановимся?

– Мы не знаем, что внутри.

– Я только на разведку.

Прежде чем хозяин успел возразить, Слава быстро шагнул к двери, отворил ее и шагнул внутрь. Дверь за ним со стуком закрылась.

– Вы пойдете за ним? – спросила Лариса.

– Нет. Давай подождем здесь.

Слава постоял немного, осматривая окружающую обстановку. В сумерках можно было разглядеть только очертания предметов: стол, диван, пара стульев, коробки мониторов... Света, конечно, не было. Серой субстанции вроде бы тоже не было видно. Слава хотел было облегченно вздохнуть, как вдруг заметил еле виднеющийся дверной проем. Там, за плотно закрытой дверью, находилось какое-то помещение – должно быть, подсобка или туалет. Слава приблизился к двери и прислушался. Все тихо. Тогда он нерешительно взял за ручку. Повернул. И сразу споткнулся обо что-то скользкое.

...Липкая масса залепила его уши, нос и рот. Слава мычал, пытаясь выговорить слова молитвы. Но не получалось. В последний момент перед ним как живая мелькнула девушка Даша, с которой он встречался уже год и которой собирался по воз-

вращении из поездки сделать предложение. Даша махала ему рукой. И это было последним, что он запомнил.

Они добросовестно прождали четверть часа. Потом Марат крикнул:

– Славка!

В ответ не донеслось ни звука.

– Он не мог не слышать. Нам надо скорее уходить отсюда.

– И вы его бросите?

В голосе Ларисы прозвучали слезы.

– У нас нет иного выхода. Потом, подозреваю, моя помощь ему уже не понадобится.

Внезапно дверь распахнулась. На пороге стоял Слава – целый и невредимый.

– Ты почему не откликнулся? – крикнул Марат.

– Прости, не слышал.

Голос Славы звучал как-то странно. Слишком монотонно.

– Ну, что там?

– Безопасно. Мы можем тут остаться на ночлег. И еда есть.

Марат взял Ларису под руку и повел к будке. Слава стоял на пороге и смотрел на них. Глаза его отливали лунным блеском. Лариса вдруг остановилась и посмотрела на него. Она не могла отвести взгляда от его лица. Вернее, от его глаз. Как будто только что их увидела.

Слава смотрел прямо на нее. Девушка почувствовала, что ее качает, она куда-то уплывает... Рядом голос Марата бормотал: «Отче Наш, иже еси на небеси, да святится Имя твое...»

...Лариса очнулась в сырой росистой траве у обочины шоссе. Пост виднелся далеко позади. Над ней склонился Марат.

– Крепко он тебя, а?

– Что случилось?

– Не знаю. Только это был не Славка.

– А кто?

– Морок. Галлюцинация. Когда я все понял и начал читать молитву, он превратился в *это*. Только с глазами. У него были Славкины глаза, понимаешь?!

– Те отверстия в студне?

– Да. Они превратились в глаза... А потом опять в дыры.

– Но... это же невозможно!

– Неужели ты не поняла, что здесь живут по другим правилам?

– Слава превратился в *это*?

– Или *это* превратилось в Славу. Важно то, что его уже нет.

– А что... Что произошло потом?

– Оно уползло внутрь, и я захлопнул дверь.

– Что нам теперь делать?

– Идти дальше. До поворота.

4. МОРОК

«Захочет обморочить дьявольская сила, то обморочит; ей-богу, обморочит!»

(Н.В. Гоголь «Заколдованное место»)

Стало совсем темно. Они шли в полном молчании, и Марат порадовался, что в темноте не видно лиц друг друга. Он боялся, что Лариса по его голосу или выражению лица поймет, что он совсем не уверен в себе и в том, что они выберутся из этой передраги. Хотя они отошли от города уже довольно далеко, Логина терзало предчувствие, что история еще не кончилась. А его предчувствия, как правило, оправдывались.

Вдоль шоссе сплошной стеной тянулся лес. Где-то ухала ночная птица, и Марат вспомнил, как в детстве боялся темноты.

Когда он жил в деревне у бабушки, ему страшно было вставать ночью по нужде: сортир находился на задах огорода, и пока он шел к нему, мерещилось, что за каждым кустом кто-то притаился. Пугали и странные ночные звуки, совсем не похожие на дневные. В тишине его восприятие обострялось, слух чутко реагировал на любой шорох или дуновение. Казалось, что мир вокруг наполнен невидимыми существами, которые вот-вот могут стать видимыми... Это время принадлежало им, а он будто шагал по запретной зоне, где не жаловали чужаков...

Конечно, лет с десяти он перестал бояться, даже и не вспоминал о своих страхах. Какое счастье, что он тогда о них никому не рассказывал!

Сейчас опасность была реальной. В лесу могли притаиться если не лешие с ведьмами, то лихие, как говорилось в старину, люди – какие-нибудь бомжи, беглые солдаты – изгой, которые вполне могли нападать на незащитных прохожих. Но думалось об этом как-то лениво. То, что осталось позади, было намного страшнее, чем ночной лес...

По расчетам Марата, они должны были уже выйти к повороту на большую трассу. Но поворот все не показывался. Время от времени им попадались пустые автобусные остановки. И ни одного человека. Да и какой сумасшедший будет шататься ночью по этим безлюдным местам? Но хоть бы машина проехала!

Наконец он повернулся к Ларисе:

– Может, мы неправильно идем?

Она пожала плечами.

– Я тут никогда пешком не ходила. Только на автобусе ездила. Вроде уже должен быть поворот.

– Мы уже три часа, как миновали пост. А на повороте, помню, остановка и указатель. Идем мы быстро. Никак не могли не успеть!

– Я не знаю... – в ее голосе звучала растерянность, что его совсем не удивило.

Еще через полчаса Логинов скомандовал:

– Все, привал!

– Что? – не поняла она.

– Ты не устала?

– Устала. Но...

– Здесь старший я. Усвоила? Как я скажу, так и будет.

Марат пытался доказать, но скорее не ей, а самому себе, что он по-прежнему контролирует ситуацию.

– Сейчас свернем туда, в лес. Отыщем там какое-нибудь укрытие. И ночуем до утра. Сейчас лето, тепло, не замерзнем. Утром проще будет разобраться, что к чему.

– У меня спички есть, костер разжечь можно, – неуверенно произнесла Лариса.

– Вот и прекрасно!

Они свернули на обочину, спустились в небольшой овражек и вошли в лес. Там было гораздо прохладнее, чем на шоссе – все-таки сказывалась влажность.

Вглубь не пошли – в такую темень легко запнуться о какую-нибудь корягу и переломать ноги. Почти на ощупь, светя слабым фонариком, извлеченным из Ларисино рюкзака, отыскали подходящее бревно. Лариса достала из рюкзака свою куртку, расстелила на земле. Стала доставать спальный мешок...

Опять же на ощупь собрали хворост, осторожно, чтобы не поджечь траву и деревья, разожгли небольшой костерок.

«Как бы дым не привлек кого-нибудь», – подумал Марат. Но ему почему-то казалось, что риск невелик. Бояться надо не людей – совсем другого.

– Лезь в мешок, – велел он. А я куртку твою возьму.

Лариса забралась в мешок. Вскоре Логинов услышал ровное дыхание девушки. Заснула. Эх, молодость-молодость!

Они не договаривались дежурить у костра. Через пару часов рассветет. К тому времени пламя догорит, но и им пора будет трогаться в путь...

Марат подбросил в огонь несколько прутьев и уселся на бревно, предварительно положив туда Ларисину куртку. Спать не хотелось. Пламя отгоняло комаров, остро пахло лесной свежестью, и он словно перенесся в далекую юность, когда вместе с компанией друзей отправлялся в походы. Порой приходилось нелегко – кусала мошкара, подворачивались ноги, расстраивали желудок коварные лесные ягоды... Но тогда это было вроде игры, они твердо знали, что походные трудности рано или поздно кончатся, и все вернется домой. А сейчас – он совершенно не мог предвидеть, что будет с ними завтра. У него даже не было уверенности в том, что настанет рассвет.

Но рассвет настал. Марат, похоже, задремал, прямо так, сидя на бревне. Открыв глаза, увидел, что костер почти догорел, а сквозь ветви деревьев проглядывает серое небо. Солнце еще не взошло. Было холодно. Марат поежился и набросил куртку,

которая была ему, конечно, слишком мала, на плечи, стряхнув прилипшие к материи палые листья. Потом разбудил Ларису.

Солнце взошло где-то через час. Они по-прежнему шли по пустынной дороге мимо сиротливых остановок. Внезапно идущая впереди Лариса резко остановилась и ткнула пальцем в указатель.

– Смотрите!

«Черный Котел – 5 км», – прочел Марат.

– Как же это? Выходит, мы шли не в ту сторону?

Девушка готова была расплакаться.

– Поворачивай назад.

Солнце светило все ярче, становилось все теплее и теплее. Настроение постепенно улучшалось. Теперь-то они точно идут в верном направлении!

Эйфория кончилась еще час спустя, когда они достигли нового указателя. Вернее, близнеца предыдущего.

«Черный Котел – 5 км».

Указатель торчал по правой стороне дороги, как и в прошлый раз.

– Я знаю, что это! Это нас кто-то водит! – звенящим от напряжения голосом сказала Лариса.

– Кто водит? – не понял Марат.

– Ну, не знаю. Леший там... Или еще кто.

– Ты серьезно?

– А что мне остается? Моя бабушка в молодости однажды с подружками пошла по грибы, так их пять часов водило вокруг одной и той же поляны!

– И ты веришь в эти сказки?

– Бабушка никогда не лгала!

– Ну вот что, хватит пререкаться! Давай попробуем еще раз!

И они вновь повернули в обратную сторону. Только для того, чтобы еще через час наткнуться на тот же самый указатель.

Лариса рыдала. По-видимому, у девушки началась истерика, она плакала все громче и громче... Марату удалось привести ее в чувство, только надавав как следует по щекам. От кого-то он слышал, что истериков успокаивают именно так. И впрямь подействовало. Лариса пару раз коротко всхлинула и замолчала.

– Так, успокоилась? – нарочито бесстрастно спросил он. – Теперь давай рассуждать логически. Выбраться отсюда мы не можем. По крайней мере, пока. Какая-то сила хочет, чтобы мы оставались тут. И мы нигде не можем чувствовать себя в полной безопасности.

– Даже в лесу?

– Думаю, что *это* контролирует и лес. Как я себе представляю, мы попали в некую «карантинную зону». Можно отойти на пять километров от города. Но дальше – ни-ни. Не пустят.

– Кто не пустит?

– Думаю, что это кто угодно, только не люди.

– Пришельцы?

– Начиталась сказок... Разве пришельцы боятся «Отче Наш»?

– Тогда нечистая сила...

– Я пока и сам не знаю. Но ближе к нечистой силе.

– И что вы предлагаете?

– Вернуться в лес. Возможно, тогда мы узнаем больше, чем сейчас. И не исключено, что нам все-таки удастся там спрятаться.

Днем лес казался не таким страшным. Звонко, поутреннему, пели птицы, стрекотали насекомые. Как будто это был самый обычный лес в обычном мире.

Они шли по тропинке, едва заметно вьющейся между зарослей. По-видимому, протоптали ее давно, а ходили по ней редко.

Минут сорок спустя тропинка привела на небольшую полянку, окруженную кривыми деревьями. Посреди проплешины стоял большой пенёк, оставшийся от спиленного векового дуба.

– Присядем? – кивнула Лариса.

– Устала?

– Честно говоря, да.

Они уселись на пенё спиной друг к другу. Марат чувствовал Ларисино тепло, и это почему-то его успокаивало. Как в детстве, когда мама гладила по головке и говорила, что все будет хорошо.

Они не заметили, когда она появилась на поляне. Как-то беззвучно вышла из-за дерева. Молодая женщина в джинсах и свитерке.

– Простите, вы не здешние? Я заблудилась. Пошла собирать грибы, и вот...

Что-то сразу насторожило Марата, хотя женщина выглядела вполне безобидно.

– Не гляди! – крикнул он Ларисе и опустил взгляд. Конечно, вот оно! В руках у женщины ничего не было. Где корзинка с грибами?

– Ларис, читай молитву!

По мере того как они произносили слова «Отче Наш», силуэт незнакомки оплывал, размягчался, и с последними словами молитвы по земле стелилась уже серая студенистая масса с отверстиями-глазами. Глаза были зеленые... А потом и они исчезли, оставив после себя пустые отверстия...

– Пошли отсюда!

Они поспешно, не оглядываясь, покинули поляну.

– Она нас не догонит? – спросила Лариса.

– Так быстро вряд ли. Но я не уверен, что она не может расти и размножаться.

– А если нам встретятся еще... такие?

– Будем молиться. Послушай, Лара, – он впервые назвал ее Ларой, – если даже ты увидишь кого-то из своих знакомых... даже своих друзей или родителей... начинай читать молитву, хорошо? Если это нормальные люди, с ними ничего не произойдет. А если...

– Я поняла.

– Вот и ладно. Только в глаза им не смотри ни в коем случае. А теперь пошли.

Дальше тропинки не было. Они продирались сквозь чащу, пачкая одежду и расцарапывая кожу в тех местах, что не были прикрыты одеждой. Но самым мучительным обстоятельством были нещадно жалившие насекомые. Видно, люди в этих местах появлялись редко, и коренные обитатели никак не могли упустить столь лакомую добычу.

К счастью, Лариса не жаловалась, несмотря на то, что все ее лицо горело от укусов. Вероятно, она уже приобрела некоторый опыт в своих студенческих походах. Марат болезненно морщился, когда его кусала какая-нибудь очередная мошка, но помалкивал.

«Насколько же легче было бы одному! – думал он. – Не пришлось бы разыгрывать из себя героя-рыцаря, спасающего прекрасную даму. А теперь вот терпи!»

И все же Лариса не была для него обузой. Не такая уж она беспомощная, да и внешне вполне симпатичная. Если когда-нибудь им удастся выбраться из этого дерьма, то он... Хотя что загадывать наперед? Сперва выберись!

Они блуждали по лесу уже несколько часов, когда впереди наконец забрезжил просвет. Особой надежды на него Марат не возлагал, но они направились в ту сторону. В низине мерцало болото. А над обрывом стояли двое мужчин. Один постарше, в засаленном костюме, вышедшем из моды несколько лет назад. Другой помоложе, в джемпере и черных брюках...

Лариса начала читать молитву первой. Марат подхватил. Потом они наблюдали уже знакомую картину: как фигуры незнакомцев теряют свои очертания, становятся бесформенными, как плавятся и растекаются их лица, и наконец все превращается в серую массу, змеящуюся по земле. Два глазастых ручейка – один с карими, другой с блекло-голубыми радужками вокруг темных расширенных зрачков – соединились друг с другом и потекли своей дорогой, уже с пустыми «глазницами».

– Кажется, он увеличивается, – сказала Лариса. – Его становится больше.

Она сморщила нос, вдохнув уже знакомый запах сладковатой гнили.

Студенистые ручейки потекли между деревьями. Марат с Ларисой обогнули низину, двинулись наугад и вскоре, сами не зная как, выбрались на шоссе.

– Где мы? – поинтересовался Марат.

– Не знаю. Все, как и раньше.

В том, что все как раньше, они убедились через несколько минут, в очередной раз обнаружив знакомый указатель.

На этот раз Лариса только рассмеялась звенящим истерическим смехом.

– И что теперь?

– Пойдем назад. В город.

– Но там же они!

– И тут они.

– Неужели все жители города... превратились в это?

– А какое у вас население?

– Двадцать тысяч. Кажется...

– Может, все. А может, и не все. В конце концов, ты же вот не превратилась!

– Но меня не было в городе, когда...

– Значит, те, кого в это время не было в городе, имели шанс уцелеть. Но часть из них просто убили. Эми.

Лариса вдруг оцепенела. Лицо ее словно превратилось в неподвижную маску. Она смотрела куда-то мимо Марата

– Что с тобой?

– Мои папа с мамой... Я только сейчас поняла, что они тоже превратились в это. И там, в квартире...

– Прекрати! Во-первых, ты не знаешь точно. Во-вторых, некоторые могли спастись. И уйти.

– А мы? Мы тоже пытались уйти отсюда!

– В городе могут оставаться люди. Живые, нормальные люди! Которые вовремя поняли, что происходит, и сумели обезопасить себя. Ты ведь знаешь, как на них действует молитва!

– Но тогда – где их искать, этих людей?

– Скорее всего, они прячутся. Но рано или поздно мы их найдем.

Они прошли мимо поста ДПС, с опаской поглядывая на домик. Но там все оказалось в порядке. Славин двойник не показывался, и студень тоже.

Этот визит в Черный Котел отличался от предыдущего. На первый взгляд, город казался вымершим, как и в прошлый раз, однако время от времени навстречу попадались прохожие. Обычно они возникали внезапно, откуда-то из-за угла, из-за дерева, из-за двери близлежащего магазина – словно пытались застать Марата с Ларисой врасплох. Но кто-то из них всегда успевал начать читать молитву. И псевдогорожане превращались в серое, вонючее, глазастое, студенистое, расплывшееся по тротуару...

«Где могли укрыться уцелевшие? В каком-нибудь подвале? На чердаках?» – размышлял Марат. И вдруг его осенило.

– У вас в городе есть церковь?

– Есть. Но она на реставрации.

– Веди туда.

– Это далеко отсюда. На другом конце города.

– Все равно веди.

Когда проходили мимо ее дома, Лариса замедлила шаг.

– Ты чего?

– Может... вещи забрать?

– Нет. Там опасно.

– Мы можем все время молиться, и они нас не тронут.

– Если их немного, мы справимся. А если их будет больше dvoих? Или мы не сможем все время их контролировать.

Но девушка уже не смотрела на Марата. Она усталилась куда-то вбок. Он невольно посмотрел в ту сторону. Там, на дорожке, стояла женщина средних лет, интеллигентной внешности, в скромном платье.

– Мама!

Лариса сделала шаг к женщине. Та посмотрела на нее.

Похоже, Лариса забыла о молитве и необходимости проверки. Она смотрела прямо в глаза женщине.

– Доченька... – проговорила та.

– Лара, назад!

Стараясь не смотреть на Ларисину мать, Марат схватил девушку за плечо и стал читать по памяти «Отче Наш». Женщина пошатнулась, тело ее стало терять четкость, расплываться... Гипноз перестал действовать на Ларису, она остановилась и с

ужасом смотрела на происходившее. Потом принялась повторять за Маратом слова молитвы.

Он поспешно увел девушку, чтобы она лишний раз не смотрела на кучу шевелящегося серого студня, в которую превратилась ее мать.

Лариса больше не могла плакать. Она тяжело дышала. И Марат знал, что виноваты тут не только усталость и напряжение последних суток.

– Как вы думаете, Марат, это действительно была она? Или... это всего лишь галлюцинация?

– Я думаю, что либо эта штука поглотила людей, каким-то образом используя их мозг и память, чтобы сотворить этот... морок. Либо сами люди превратились в *это*.

Лариса вела его какими-то переулками и дворами. Еще несколько раз им навстречу попадались нелюди, но они успевали быстро среагировать. К счастью, ни разу их не оказалось больше двоих.

Церковь, вся облепленная строительными лесами, высилась на пригорке. Рядом с ней, в той же ограде, располагалось небольшое кладбище.

– Здесь всех горожан хоронят? – спросил Марат.

– Нет. Это старый погост, после революции тут уже никого не хоронили. Папа рассказывал: когда храм разрушали, хотели тут все перекопать, но что-то им помешало. Вроде разрыли одну могилу, а оттуда зараза какая-то полезла. И все зарыли обратно, испугались. Только иконы из храма вынесли. Один, секретарь комсомольский, икону пополам разрубил и в крапиву половинки выбросил. А через три дня умер от сердечного приступа. А половинки будто сами срослись. Икону ту потом бабушка какая-то забрала. Вообще, все иконы старушки по домам разобрали.

– А с церковью дальше что было?

– Сначала клуб устроили. Потом военкомат здесь был. После войны – какой-то склад. А потом все пришло в запустение. Года три назад начали собирать деньги на восстановление храма. И вот, собрали, – Лариса кивнула на окружавшие здание леса.

Они вошли в ограду. Маленькая собачонка, виляя хвостом, бросилась под ноги.

– Это сторожа здешнего, – пояснила Лариса.

– Тут и сторож есть?

– Был.

– Ну, давай сначала в сторожку наведаемся.

На дверях сторожки висел амбарный замок. Похоже, внутри никого не было. Во всяком случае, стучаться сюда не стоило. Они обогнули храм, взошли по ступеням и остановились перед дверями.

Лариса дернула за ручку. Закрыто. Тогда она забарабанила по двери кулаком.

– Эй! Здесь есть кто?

Никто не отозвался, но где-то в глубине Марату послышались приглушенные шорохи и голоса.

– Здесь еще задняя дверь есть, – сказала Лариса.

– Пошли.

Задняя дверь тоже оказалась заперта. Но теперь звуки слышались все явственнее. Несомненно, внутри находились люди! Или почти люди.

– Именем Господа, откройте! – кричал Марат и принялся как можно громче читать «Отче Наш». Вскоре послышался стук отодвигаемого засова.

На пороге стоял сухонький, невысокого роста старичок. Он вопросительно смотрел на пришедших.

Марат продолжал читать молитву. Лицо старичка несколько не изменилось.

– Вижу, что вы не из этих, – сказал он. – Заходите.

Они вошли и оказались в маленьком темном помещении, откуда, впрочем, старик сразу провел их в более просторное. Окна без стекол были забраны решетками. Пахло подсохшей краской. К стенам, наполовину побеленным, были прислонены несколько икон, слегка перемазанных побелкой. В углу стояли козлы, которыми обычно пользуются строители, рядом несколько грязных ведер. На полу лежали вповалку какие-то ве-

щи, тряпки, картонки, и на них сидели люди. Среди них был мальчик лет пяти.

– Сколько вас тут? – поинтересовался Логинов.

– Восемь человек вместе со мной, – ответил старичок.

– Не знаете, есть в городе еще... спасшиеся?

– Может, и есть, но сюда они не добрались, – вступила в разговор женщина лет пятидесяти.

– Алевтина Макаровна! – всплеснула руками Лариса.

– Это завуч из школы, – объяснила она Марату.

– Ларочка!

Алевтина Макаровна, казалось, была рада тому, что встретила знакомую.

– Расскажите, что случилось? – попросил Марат.

– Как, а вы не знаете? – удивилась завуч.

– Видите ли, я приехал недавно, а Ларисы не было в городе. Мы встретились с ней по дороге, – пояснил Логинов.

– Мы и сами толком не понимаем, – произнес рослый плечистый парень лет двадцати пяти. – Я сам приезжий, комнату снимал. Художник я. Места, сказали, здесь красивые. Ну, я и приехал. Отдохнуть, порисовать... Устроился у хозяйки, в частном доме. Как-то утром просыпаюсь, а ее нет. Сначала думал, может, уехала куда. А вечером она вернулась. Странная какая-то, и болотом от нее пахнет. Пойдем, говорит, со мной. Ну, дальше, все дела... Пошел я за ней как привязанный. А по пути случайно за крест свой схватился под одеждой, и морок с меня спал. Начал молитву читать, откуда-то слова пришли... Она на меня внимания не обращает, идет себе, прямо в болото. А я домой побежал. Что-то неладно, думаю. А потом сосед ее ко мне зашел. И от него тоже тинной пахло. Разговаривать с ним я не стал, крестом по шее ударил. И он в это серое превратился. Тут я понял, что пора ноги уносить. Хорошо, окно было открыто, я через окно – и тикать. Не помню как, но сами ноги сюда принесли. А тут их встретил, – он кивнул на товарищю по несчастью.

– А я в школе была, там учебники новые привезли, – поведала Алевтина Макаровна. – Разбирала их, засиделась допоздна, а тут муж за мной приходит. Весь в тине. Что, говорю, с тобой? А он мне – вот, пошел рыбачить, оступился, в болото упал. Где, спрашиваю, рыбачить, на болоте? И как ты выбрался из трясины? Молчит. И на меня глазами уставился. Пойдем, говорит, со мной, Аля!

Стали меня сомнения одолевать. Насчет гипноза – зрение у меня плохое, очки ношу затемненные... Может, потому и не подействовало. Смотрю, мы не к дому идем, а куда-то в сторону. Куда, говорю, ты меня тянешь-то? А он молчит, идет себе да идет. Страшно мне стало, и мысль вдруг такая – а что если это и не муж вовсе? Начала креститься, молиться... А он все дальше уходит.

Вернулась я домой, а мужа нет. Ночь как-то переночевала, утром, думаю, в милицию надо заявлять. А под утро, на рассвете, вдруг дочь ко мне приходит. И тоже от нее болотом несет. Я уж решила, что у меня галлюцинации начались. И сразу молиться. За руку ее схватила, а рука ледяная. Не помню уж, что и как было, только очнулась я – а у моих ног что-то серое ползает. И дочка нет. Не знаю, как на улице очутилась, а в руках икона Николая Угодника. От бабушки досталась, она после революции ее из храма вынесла... Соседа вот встретила, Лешу, – она кивнула на мужчину лет сорока, – он говорит, надо в церковь идти, в городе чудные дела творятся... Ну, я и пошла с ним...

Все по очереди поведали свои истории. Сосед Алевтины Макаровны Алексей встретил на улице приятеля, который странно себя повел и попытался заманить его в лесное болото. Но по дороге Алексею как-то удалось стряхнуть с себя чары – может, потому что носил с собой карманную Библию. Потом он увидел еще нескольких выходцев из болота и понял, что надо бежать.

Света, симпатичная крашенная блондинка, работавшая продавщицей в ночном магазине, чуть не стала жертвой собственного хозяина. Она покорно двинулась за ним, заморочившим ей голову, но в последний момент ее заставила остановиться мысль о пятилетнем сынишке. (С отцом его Света была давно в разводе.) Как он там один дома? Женщина нашла в себе силы

повернуть назад. Прибежала домой, где спал сынишка, и сразу начертила на всех дверях кресты. Никто ее этому не учил, сама догадалась... Утром пришла Светина мать, Света открыла ей дверь, но та не смогла зайти в квартиру из-за креста... Тут-то Светлана во всем и разобралась. Собрала ребенка, иконы взяла, какие дома хранились, и пошла к церкви. Пока шла, видела, что все горожане уже стали «другими». Но ее никто не трогал – из-за икон. Так и дошла.

Супружеская пара (ей лет тридцать, ему лет тридцать пять) была здесь самой молчаливой. Их историю рассказал Марату с Ларисой церковный сторож – тот самый старичок, что встретил их у входа.

...У Романа с Ольгой была единственная десятилетняя дочь Маша. В тот роковой день девочка гостила у бабушки. Обычно та сама приводила ее домой, но в этот вечер так и не привела. Телефона у бабушки не было, и Роману пришлось самому отправиться к теще за дочкой.

К его удивлению, дома никого не оказалось. Он решил, что теща уже повела девочку другой дорогой, и вернулся домой. Но бабушка с Машей туда не приходили. Обеспокоенные супруги решили подождать. Вдруг раздался звонок в дверь. Ольга открыла – и увидела на пороге Машу. Но в каком виде! Волосы растрепаны, одежда вся чем-то заляпана, и пахло от девочки вроде бы болотом... Дочка вошла, что-то хотела сказать, но взгляд ее упал на старинную икону Богородицы Казанской – Роману она досталась от дальней родственницы, еще одной свидетельницы разрушения местного храма... Маша вся затряслась и выбежала из квартиры. Ольга бросилась за ней – и столкнулась с кучкой подростков, попытавшихся напасть на нее. Ей удалось от них отбиться, но Маша исчезла. Вернувшись домой, женщина позвонила в милицию. Трубку никто не брал. Тогда они с мужем оделись и вышли на улицу, чтобы найти дочь. Какое-то наитие заставило их взять с собой икону. Несколько раз они натыкались на одиночек или группки прохожих, от которых пахло болотом и которые шарахались от них, как от прокаженных. Но Машу им больше так и не довелось увидеть. Роман предложил пойти в церковь. Там они и встретились с остальными и узнали, что происходит в городе.

Больше всех повезло старичку сторожу. Семья у деда Григория не было. Раньше жил в областном центре, в коммуналке, и работал на заводе. Жена его умерла от рака, детей не было... Выйдя на пенсию, Григорий Акимович уехал в Черный Котел, где у него остался ветхий домишко от покойной матери. Когда начали реставрировать церковь, устроился на должность сторожа. Не потому, что были нужны деньги – подобно многим одиноким людям, ему хотелось чувствовать себя востребованным. Жил он тут же, в церковной пристройке. Завел себе дворнягу Мушку, больше для острастки, чем для охраны.

В тот день реставраторы почему-то не явились на работу, а под вечер дед Григорий увидел странную картину. Какие-то люди гуськом огибали церковную ограду и исчезали в лесу, а через какое-то время возвращались обратно. Шли они как-то странно, безучастно друг за другом, в запачканной одежде... Сначала Григорий подумал, что ему это, должно быть, мерещится. Но спиртного старик давно уже в рот не брал. Он подумывал, не пойти ли посмотреть, что там происходит, однако инстинкт самосохранения оказался сильнее.

Наутро в церковь стали приходить горожане, которые и рассказали ему обо всем. Впрочем, они и сами ничего не знали. Только то, что люди заманивают друг друга в болото, а оттуда возвращаются уже «какими-то не такими».

На следующий день Григорий и художник Юра видели, как один из этих монстров убил архитектора. Тот жил в областном центре и иногда приезжал в Черный Котел, чтобы проверить, как идут реставрационные работы. Он поставил машину, не доезжая до церковной ограды, вышел, и тут же откуда ни возьмись явился упырь (именно так выразился дед Григорий). Упырь преградил архитектору путь и... склонился к нему. Мужик вроде даже не сопротивлялся. Что уж там делал с ним упырь, Григорий с Юрой толком не видели, но когда он наконец отвалился от своей жертвы, та осталась лежать на дороге с открытым ртом. Упырь, довольный, ретировался, а машина вон она, так и стоит.

– Выходить за ограду вы не пробовали? – полубопытство-вал Марат.

– Они сюда не заходят, а нам туда опасно, – ответил Алексей.

– А серый студень видели?

Студень, оказалось, видели все. Он появился на третий или четвертый день. Наползал вроде с разных сторон, но за ограду не проникал.

– И еще, знаете, ведь мы своих близких там видим, – тихо сказала Света.

– Как это? – спросила Лариса.

– Да так. Вот я, к примеру, маму видела. Алексей – брата. Алевтина Макаровна – мужа и дочь. А Ромка с Ольгой – Машеньку свою с бабушкой. Только Григорий Акимович с Юрой никого не видели.

– И что потом происходит с вашими... близкими?

– Превращаются в это... серое. А глаза – их...

– А они не звали вас с собой?

– Все время зовут. Только здесь это не действует. Хотя, когда в первый раз случилось, Лешка чуть к брату не ушел. Хорошо, я его вовремя остановила. Какой же это твой брат, говорю, ты помнишь, что случилось?

– И что?

– Помолились, и он тоже в студень превратился.

– И что вы дальше делать думаете? Не вечно же будете тут отсиживаться?

Повисло молчание.

– Неужели вы не понимаете? – повысил голос Марат. – Они ведь *меняются!* Сначала в болото лезут и других туда заманивают. Потом уже не заманивают – убивают. И вроде как высасывают из жертв что-то через рот. А потом в серый студень превращаются. И из студня этого могут появляться «призраки!» Он людей перерабатывает... Жует... Моего охранника сжевал...

– А почему не все видят этих «призраков»? – подала голос Лариса.

– Должно быть, этой серой штуке нужна какая-то информация. Если ее нет, то «призрак» не создается. Вот у Григория Акимовича не было здесь родных. Его мать умерла давно, жена тоже. Соответственно, он никого и не видит. Юра вообще приезжий, у него в городе никого нет. Как и у меня. Но я Славу видел, охранника. Потому что его эта штука заглотила.

– Что будет, если она доберется до нас? – спросила Алевтина Макаровна.

– Скорее всего, мы станем ее частью.

– Интересно, а она – одно целое или нечто разрозненное? – задумчиво проговорил Алексей.

– Кажется, она стремится к тому, чтобы стать единым целым. Для этого ей и нужны все мы, – ответил Марат. Он сам от себя не ожидал таких философских рассуждений. Но все-таки два высших образования в активе!

– И она разумна, – вздохнула завучиха.

– Серое вещество, – пробормотал Юра, – мозг в чистом виде!

– Не говорите глупостей, Юрий, – строго сказала Алевтина Макаровна. – Мозг в голове у человека. А здесь...

– Но ведь мы не знаем, какие формы может принимать разум! – не сдавался художник.

– А почему спаслись только мы – десять человек? Об этом никто не подумал? – прервал их дебаты Логинов.

– По-моему, все ясно, – ответила Алевтина. – Мы все люди верующие. И нам помог Бог.

– Но в нашем городе, наверное, были сотни верующих, набожных людей! И где они все теперь?

– Вы полагаете, мы оказались тут не случайно? – вперые вмешалась в разговор Ольга.

– Как знать... Кстати, вы в курсе, что уйти из города нельзя? Мы пытались – и нас все время возвращало обратно, на то же место.

– Чертовщина! – пробормотал дед Григорий.

– Нельзя в храме говорить такие слова, – встрепенулась Алевтина Макаровна.

– А сама детей учила, что Бога нет? – ехидно парировал дедок.

– Я по профессии учитель физики и математики! – возмутилась завучиха. – При чем тут религия?

– Так вот, физики и есть первые атеисты!

– Я уже двадцать лет в церковь хожу! С самой перестройки!

– Ребята, не надо ссориться, а? – примирительно сказал Алексей. – Сейчас не время для таких дискуссий.

– В спорах рождается истина, – заметил Юра.

Логинов снова решил попытаться взять ситуацию под контроль.

– Граждане! – объявил он. – Я генеральный директор компьютерной фирмы. Очень крупной. И предлагаю свои услуги в качестве... скажем так, председателя.

Он опасался, что против его кандидатуры восстанут: чужак, да еще бизнесмен! Наверняка здесь таких не жалуют.

Но на сторону незваного претендента неожиданно встал молчаливый Роман.

– Хорошо, что кто-то наконец решил взять на себя ответственность! А то мы тут только сидим и ноем, ноем... Нет, чтобы что-то конструктивное придумать!

– Итак, – вещал Марат, – что мы знаем о свойствах серого студня? Он пахнет гниющими цветами, поглощает людей и использует информацию о них, у него иногда бывают человеческие глаза, и он обладает гипнозом... Но, чтобы бороться с ним, мы должны знать о нем гораздо больше!

– Хорошо бы понять, откуда он вообще взялся, этот студень, – промычал Алексей, щелкая выуженной из кармана зажигалкой и закуривая сигарету. Они все столпились возле крыльца.

– Это не научный эксперимент. И не инопланетяне, – сказала Лариса. – Потому что оно боится молитв. И вообще всего, связанного с религией.

– А мне тогда, еще дома, словно кто-то на ухо шепнул: возьми с собой икону! – почти прошептала Ольга.

– Скажите, вы все имеете отношение к тем иконам, что когда-то находились в этой церкви? – спросил Марат.

Люди переглянулись.

– У нас дома были иконы, – вспомнил Алексей. – Только я не знаю, откуда они взялись. Как-то не интересовался. Вот Библию я с собой всегда ношу. Люблю ее читать на досуге. И цитировать.

– В доме моей матери тоже была икона. Георгий Победоносец. А сейчас я ее в сторожку перенес, – припомнил и дед Григорий. – И точно, мать говорила, что это из здешней церкви. Ее мать тогда икону спасла.

– А у нас были две маленькие старые иконки. Отцу кто-то принес, – внесла свою лепту Лариса. – Одну, Пантелеймона Целителя, мама заставила меня с собой взять в поход. Мало ли, говорит, что...

– Да, но мы-то с Юркой приезжие! – махнул рукой Марат. – Мы тут совершенно ни при чем!

– И потом, – вмешался Юра, – ведь другим членам семей это не помогло! Хотя они и тоже потомки тех, спасителей икон.

– Значит, остается либо фактор случайности, либо... – Логинов торжественно обвел взглядом всех присутствующих.

– Что вы хотите сказать? – неожиданно забеспокоилась завучиха.

– Либо мы все – избранные! – выпалил Марат.

Поднялся шум. Дождавшись, когда он немного утихнет, Марат приступил к изложению своей теории.

– Прежде всего, я хочу сказать, что меня никогда особенно не привлекали так называемые мистические стороны нашей жизни. Я – бизнесмен и привык жить реальными понятиями. Но то, что произошло со мной в последние два дня, перевернуло все мои представления о реальности и о том, что может быть и чего не может.

Наверное, в Бога верит каждый из нас, только по-своему. Но, если есть Бог, то есть и дьявол. И он может устраивать всякие пакости. Напрасно мы представляем Бога и Сатану в виде одушевленных существ. Вряд ли они обладают какой-то определенной формой. Но они и не абстрактны. Они действительно существуют где-то во Вселенной. Они вездесущи.

Я не знаю, что случилось в этом городе, и почему в него проник дьявол. Но это случилось. Однако Господь тоже не дремлет. И он собрал нас здесь вместе, чтобы мы могли противостоять дьявольским силам.

– А почему он сам не может им противостоять? – недоверчиво спросил Юра. – Ведь он же Господь! Почему он не смог отвести от нас *это*? Почему он не может нас спасти?

– Этого я не знаю, – ответил Марат. – Возможно, между божественными и дьявольскими силами должно существовать равновесие. Иначе в мире воцарится хаос. И во имя этого равновесия приносятся жертвы. Искупительные жертвы. Хиросима, Чернобыль, взрыв торгового центра в Нью-Йорке... Где-то там, наверху, все тщательно просчитывается, и решается, сколько человек, кто именно, где и когда должно быть принесено в жертву. И кому суждено спастись... А спастись можно на определенных условиях. К примеру, уничтожить зло. Ну, хотя бы малую частицу этой силы!

– То есть, мы можем спастись, только уничтожив эту серую пакость? – констатировал Алексей.

– Мы можем попытаться.

5. ИЗБРАННЫЕ

«Может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? Неужели Ты погубишь, и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников в нем?»

(Бытие: Гл. 18)

Они назначили Марата лидером. Во всяком случае, возражений ни у кого не было. И Логинов понимал, почему. Никто не хочет брать на себя ответственность. Легче переложить ее на другого, чем принимать решения самому. А принимать решения необходимо...

– Как у вас с продовольствием? – поинтересовался он.

Ему ответили, что съестных припасов мало. Все бежали из дома в панике, не подумав о самом необходимом. Спасением стал холодильник, в котором хранили продукты реставраторы – им же надо было перекусывать во время работы. Конечно, электричество теперь отсутствовало, поэтому холодильник

превратился просто в шкаф для продуктов. Скоропортящуюся колбасу и сыр постарались съесть в первую очередь. Оставались еще чипсы, бутылки с газировкой и несколько банок консервов. Кое-какие припасы хранились в сторожке у деда Григория. Все это, даже при сильной экономии, могло позволить продержаться еще три-четыре дня, но не дольше.

С питьевой водой тоже были проблемы. Водопровод не работал – вероятно, некому теперь было обслуживать насосы. Поэтому воду носили из колодца во дворе (кстати, слывшего священным и целебным) и кипятили на газу. У сторожа был газовый баллон. Но рано или поздно газ кончится...

Какая-то мысль уже давно точила Марата, однако только, когда встал вопрос о питании, она оформилась окончательно.

– Послушайте! – обратился он к публике. – Я тут подумал... Ведь город не может всем обеспечить себя сам. Сюда поставляют продовольствие, газ, наверное, идет откуда-то еще, заключаются торговые соглашения... И что, до сих пор никто не заметил, что Черный Котел отрезан от остального мира?

– А транспорт? – вспомнила Лариса. – Автобусы-то не ходят! На конечной висело объявление – что-то насчет ремонта на линии. Какой ремонт! Никаких дорожных работ на шоссе не ведется!

– А ты вспомни, как мы вокруг города кругами ходили! Они просто не могут туда попасть!

– И это никого не беспокоит? – удивленно вскинула брови Алевтина Макаровна.

– Понимаете, – начал Марат, – мы оказались в мире абсурда. Если в нем и присутствует логика, то она отличается от обычной, человеческой. На тех, из большого мира, тоже могли навести морок...

– Постойте, но если зона закрыта, как же вы с Ларисой сюда попали? – въедливо спросил Алексей.

– Потому что мы здесь нужны! Другого объяснения у меня нет. Более того, я уверен, что этот морок вокруг зоны – дело рук той самой темной силы. Возможно, как раз наоборот. Случайного человека сюда не впустят, а мы...

– Мы – избранные. Это вы уже говорили, – сказал Алексей.

– Мне кажется, нас не выпустят отсюда, пока мы не уничтожим эту... серятину, – продолжал Логинов. – Поэтому мы как можно скорее должны придумать способ ее уничтожения.

– Слушайте, а ведь никому еще не удавалось ее убить! – с воодушевлением крикнул художник Юра. – Заставить отползти, спрятаться в кусты – да, получалось. Но не ликвидировать ее! Даже молитва ее не убивает!

– Это верно, – согласился Марат. – И это совсем не легкая задача. Но мне тут кое-что пришло в голову.

Девять пар глаз воззрились на него: кто с недоверием, кто с ожиданием, кто с надеждой. Не было в них только одного – безразличия. Это касалось всех.

– Нам надо раздобыть кусок этого, – пояснил Марат. – И поэкспериментировать над ним.

Они загалдели.

– Как вы собираетесь его добыть? – спросил Роман.

– Не я, а мы.

Он впервые отождествил себя с ними, и они, похоже, не знали, как к этому относиться. Галдеж стих, и воцарилось молчание.

– Для этого потребуется несколько человек. Одни будут ловить эту мерзость, а другие – страховать их чтением молитв и так далее...

– А потом что?

– Ее необходимо запереть в закрытом помещении.

– А если она начнет увеличиваться в размерах? – спросила Ольга. Она выглядела, пожалуй, самой испуганной среди них.

– Вряд ли это случится. Здесь она не на своей территории.

– И... когда на дело? – осторожно справился Алексей.

– Давайте завтра. Сегодня мы все слишком устали.

Было решено, что в поимке серого студня будут участвовать только мужчины. За исключением деда Григория. Таким образом, охотников на нечисть оказалось четверо: Марат, Роман, Алексей и Юрий.

Несколько часов ушло на обговаривание деталей. Ясно было, что голыми руками студень трогать нельзя. В храме ссыскалось полдюжины пар рабочих рукавиц – спасибо все тем же реставраторам. Но и это был риск. Дед Григорий предложил воспользоваться инвентарем, хранившимся в каморке при сторожке. Эти лопаты и грабли стояли там с незапамятных времен, они служили для уборки двора и кладбища. Уборкой занимались дворники, которые из-за символической зарплаты то и дело менялись. Последняя дворничиха уволилась как раз накануне известных событий, а замену подобрать не успели.

Вышел спор из-за тачки. Алексей с Юрой считали, что ее можно взять с собой, чтобы погрузить на нее студень, если тот

будет пойман. Марат с Романом возражали: конечно, с одной стороны, это удобно, но тачка довольно громоздкая, и затруднит их передвижения. В конце концов, был достигнут компромисс: они берут тачку с собой, но в случае, если она будет мешать, бросят ее.

На охоту отправились около двенадцати часов дня. Марат и Алексей вооружились лопатами, Юра взял грабли, а Роман катил тачку.

Марат надеялся, что серая масса пока еще остается разобщенной, и им удастся пленить небольшой кусок студня. Однако им же самим была ранее подмечена тяга серого вещества к организации. В городе опять все изменилось...

В окрестностях храма мужчины не встретили никакой чертовщины. Студень и «призраки» словно куда-то испарились. Улицы были совершенно пусты.

По пути они заглянули в несколько частных домов. Двери повсюду были открыты, внутри никого и ничего. Та же картина ожидала их и в кварталах городского типа.

В сердца избранных закралась сумасшедшая надежда, что, может быть, все закончилось. Серой массы больше нет, и город свободен.

Надежда погасла, когда они завидели центральную площадь перед мэрией. Площадь бугрилась холмами, зияла впадинами, на ней что-то пульсировало и все время двигалось.

– Студень, – произнес Роман.

Остальные промолчали. Сказать было нечего.

Они стояли на асфальтовой дорожке, струившейся между домов. По ней можно было выйти прямо на площадь. Но лучше было бы в данной ситуации этого не делать.

«Мы не справимся с этим».

Наверное, так думал каждый из них. Но никто не высказал этой мысли вслух, за что Марат был им всем благодарен. И себе тоже.

– Мы должны пойти туда, – сказал он. – У нас просто нет другого выхода.

Его спутники все, как один, пожалы плечами.

И они пошли вперед по дорожке.

Не смотреть на студень было нельзя. Но в таком виде он был менее опасен, чем когда *изменялся*. Это начало происходить, едва лишь охотники приблизились к краю площади.

В какой-то момент она оказалась заполненной людьми. Старыми, молодыми, детьми, одетыми бедно и богато, принадлежащими к разным социальным слоям... Марат знал, что тут собрались почти все жители Черного Котла. Но как могли несколько десятков тысяч человек уместиться на одной, пусть и достаточно просторной площади? И все же они находились здесь.

– Идите к нам! – крикнул кто-то.

Им приветливо замахали руками. Люди на площади ничем не отличались от обычных.

Юрий сделал шаг вперед, и Марат непослушными губами начал читать «Отче Наш». Алексей с Романом подхватили.

Толпа на площади стала колебаться. По ней прошла какая-то зыбь, словно по изображению на экране телевизора. Но это все еще были люди. По крайней мере, они продолжали выглядеть как люди.

– Цепляй кого-нибудь из них граблями! – крикнул Марат Роману. Тот нацелил грабли на какого-то парнишку и попытался подцепить его сбоку. Парнишка даже не попытался отодвинуться. Он стоял и оловянными глазами смотрел на Романа.

«Дед ведь святой водицей инвентарь окропил, из церковного колодца», – вспомнил Марат.

Роман поддел бок парня и потянул на себя. Зубцы вошли во что-то мягкое и желеобразное на ощупь. На боку выросла опухоль, но уродливо деформировался, да и все тело стало меняться, терять форму... Но в серую массу никак не хотело превращаться.

Мужчины продолжали молиться вслух.

К своему ужасу, Роман обнаружил, что вслед за «его» парнем из толпы тянутся еще двое. Они были соединены с его жертвой невидимыми перепонками где-то в районе предплечья. Тотчас это заметили и спутники Романа. Алексей замахнулся

лопатой и вдарил по руке парня с внешней стороны. Раздался чмокающий звук, и рука превратилась в бесформенное месиво.

Алексей не заметил, как его собственная левая ладонь коснулась студенистой плоти. В ней тут же открылось отверстие, и руку стало мягко втягивать внутрь. Мужчина попытался вырвать ее, но руки уже не было. Она стала частью общего тела. А его затягивало все глубже и глубже. Вот затянуло плечо, вот мягкая масса облепила шею, затем голову, снизу какие-то щупальца обвили ноги...

Остальные не сразу сообразили, что происходит. Роман был занят тем, что тянул на себя намеченную жертву. Марат с Юрой читали молитву.

Очнувшись, Марат принялся бить лопатой направо и налево, пытаясь освободить Алексея. Но тот уже слился с толпой и скрылся где-то в самой ее гуще.

Марат, не прекращая читать молитву, бил лопатой по телу многострадального парня до тех пор, пока этот получеловеческий сгусток материи не отделился от толпы и не упал на свободный пятючок асфальта, на глазах превращаясь в студень. Подоспел Юра, и трое мужчин, стараясь не касаться своей добычи даже рукавицами, погрузили горку студня на тачку.

– Все, идем!

Серая дрянь лежала спокойно. Впереди шел Юра с тачкой, за ним следовали Марат и Роман. Все трое не переставали читать молитву. Заканчивали – и начинали снова. Так они и дошли до храма.

В церковной ограде студень начал корчиться, как на сковородке. Казалось, будто он подмигивает сразу всеми своими «глазами». Кажется, у того парня они были очень темными, почти черными...

Тачку подвезли к пустому сараю на задворках храма. Марат пинком открыл дверь. На них пахло затхлостью и пылью.

Впихнув тачку в сарай, они затворили хлипкую дверь, нацелились на ней крест и приперли граблями.

Об Алексее старались не говорить, пока на них не накинулись с вопросами. Алевтина Макаровна первая заметила, что они вернулись только вдвоем.

– А где Алеша?

Мужчины молча опустили головы.

– Пал смертью храбрых, – вымолвил наконец Юра. – Точнее не скажешь.

Завучиха ахнула и заморгала.

– Как это произошло?

– Вы уверены, что хотите это знать? – спросил Марат.

– Хотим, – сказали женщины в голос.

И Марат рассказал. Скупое, без особых подробностей, но ничего не смягчая.

– Значит, он остался там? – всхлипнула Света.

«А ведь у нее были виды на этого мужика, – понял Марат. – Надо же, и в такой момент думает о личной жизни...»

– Это уже не он. Он стал частью *этого*.

– Боже мой, боже мой! – повторяла Ольга, зачем-то ошупывая лицо и руки Романа.

– Я плохо знала Лешу, – сухо произнесла Алевтина. – Но он всегда вызывал у меня симпатию.

– У него была семья? – спросила Светлана.

– Кажется, он был в разводе, – ответила завуч. – Детей, по моему, нет. Мать и брат жили отдельно. Как-то мы разговорились, он сказал, что раньше работал инженером на заводе, но мало платили, и он пошел в шоферы при какой-то коммерческой фирме. Ездит на работу в Н-ск. Вот и все.

– А у нас даже помянуть нечем, – снова всплакнула Света.

– Помянем, когда все кончится, – утешил ее Марат.

– А вы уверены, что кончится? То есть, что кончится хорошо для нас? – спросил Роман.

– Не уверен.

Вот он и произнес эти слова! Пусть не возлагают на него особых надежд, пусть будут готовы к худшему. Ведь кто его знает, как оно обернется дальше? На сегодняшний день Логинов оценил бы их шансы как пятьдесят на пятьдесят. Но завтра ситуация может измениться как в лучшую, так и в худшую сторону.

– А почему молитва не подействовала? – услышали вдруг они голос Ларисы.

– Что? – повернулся к ней Марат.

– Ведь вы все там молились. Почему молитва не помогла Алексею?

– Кажется, в тот момент он не молился. Потом, их было больше, чем нас, – объяснил Роман.

– Их?

– Этих... «призраков», в которые превратился студень.

– А может... Алексей стал искупибельной жертвой? – не унималась Лариса. – И со временем мы все погибнем? Не выйдем отсюда живыми? Ведь это вы, Марат, говорили про искупибельные жертвы. Почему никого из вас *это* не тронуло, кроме Алексея?

Марат тяжело вздохнул. Надо же, запомнила. Хотя в такой ситуации невольно запоминаешь все, что кажется важным, каждую мельчайшую деталь, каждую сказанную невзначай фразу, если она имеет отношение к делу.

А действительно, почему никто из них больше не пострадал? Потому что они читали молитву? Да, Алексей прекратил молиться, увлекшись борьбой с монстром. Но почему именно он?

– Понимаете, я не могу гарантировать вашу безопасность. Никто не может. С каждым из нас может в любой момент случиться то же самое, что с Алексеем, и даже хуже, – сказал Марат и прикрыл глаза. Как же он устал быть самым крутым, за всех отвечать, все объяснять, принимать решения! Отчего ему хотя бы на минуту не дозволено побыть слабым и безответственным?

«Но ты сам этого хотел, сам добивался!»

«Из-за чего? Из-за этой девчонки? Из-за Ларки?»

А ведь она нравится ему! Очень нравится...

От Марата не укрылись взгляды, которые бросал на Ларису Юрий. По возрасту он больше ей подходит. Но, кажется, девушка не обращает особого внимания ни на того, ни на другого. Хотя в других обстоятельствах, может быть...

Нет, она права. Сейчас не время. Потом, позднее, все встанет на свои места. Если они останутся живы.

– Что будем делать с этой штуковиной? – кивнул Юра на сарай.

– Прежде всего, мы должны выяснить, насколько она опасна или безопасна, – ответил Логинов. – Как вы знаете, от всего святого их сила слабеет. Но не уходит совсем.

– Она может... превращаться? – поинтересовалась Света.

Марат пожал плечами.

– Скорее всего, нет. Но мы должны проверить.

Первым в открытый проем двери сарая заглянул дед Григорий. Остальные столпились у него за спиной.

– Для чистоты эксперимента молитвы пока не читаем, – предложил Логинов.

Все поддержали его.

– Лежит, сердешная, – удовлетворенно сообщил дед, прищурившись к темноте.

«Странно, мы даже не знаем, как это называть, – задумался Марат. – Правильнее всего – студнем. Сразу понятно, что имеется в виду».

– Здесь она не растет и не пытается выбраться наружу, – заметила Лариса. – Помните, как там, в квартире?

«Кажется, она уже успокоилась насчет родителей, – констатировал про себя Марат. – Хотя бы на время, но успокоилась...»

– Потому что тут нет для нее питательной среды, – сказал он вслух. – Господа, в транс еще никто не впал?

Все ответили отрицательно.

Постояли еще пару минут. Желеобразная тварь в тачке не проявляла никакой агрессии, только слабо колыхалась.

– А может, она умерла? – предположила Ольга.

– Это было бы слишком хорошо, – вздохнул Марат. – Но мы не можем в этом удостовериться.

– Почему же не можем? – возразил Роман. – Достаточно вынести ее отсюда за ограду и посмотреть, оживет она или нет.

– Пожалуй, он прав, – признал Логинов.

– И это после того, как мы ее с таким трудом добыли? После того, что из-за нее случилось с Лешкой? – вскричал Юра.

– Давайте смотреть правде в глаза, – мрачно сказал Марат. – У нас нет ни лаборатории, ни исследовательского оборудования. Мы можем делать выводы только эмпирическим путем. Наблюдая. Мы не можем провести ни единого анализа. Студень не подает признаков жизни. Надо проверить, при каких обстоятельствах он начнет их подавать. Если, оказавшись за оградой, он по-прежнему останется безжизненным, значит, мы его убили! Значит, *это* можно уничтожить!

– Хорошо, давайте сначала выкатим тачку из сарая и посмотрим, – предложил Роман.

Во дворе, под солнечными лучами, серое глазастое желе заковылялось сильнее. Но иных видов активности не наблюдалось.

– Не похоже, что оно мертво, – пробормотала себе под нос Алевтина Макаровна. Остальные, конечно, услышали.

– А что, если отщипнуть от него кусочек и выбросить за ограду? – высказался Юра.

– Юра, ты гений! – восхищенно посмотрела на него Светлана.

Так и порешили. Юра добыл где-то палку и принялся шуровать в серой массе

– Не поддается, – наконец растерянно сказал он. – Оно целое.

– Они могут объединяться и разъединяться, но одну особь нельзя поделить, – задумчиво проговорил Марат.

– Придется бросать целиком, – вздохнул Роман.

– Зачем бросать? Можно вывезти тачку наружу и посмотреть, что будет, – заявил Юрий.

– Я сам это сделаю.

Марат вывез тачку из ворот, удивляясь ее тяжести. А на вид это такое легкое, почти воздушное! Хотя... если представить, что *это* было человеком... Но ведь теперь *это* не человек! Стоп! А закон сохранения материи?

Оставив тачку за оградой, он поспешно вернулся назад.

Они стояли и наблюдали.

Реакция началась лишь через несколько минут. Сначала колебания студня усилились, потом в нем стало появляться все больше отверстий, и наконец студень, вздувшись огромными буграми, начал сползать вниз, на дорогу.

– Он убегает! – завизжала Света.

Но студень стал менять форму. Вскоре он принял очертания человеческого силуэта. Однако «человек» казался каким-то недоделанным: кривые бока, одна нога короче другой, одной руки нет вообще, а вместо головы неровный кусок плоти без волос. Вдобавок тело «человека» было без одежды, и по всему туловищу виднелись отверстия, похожие на «глаза». Настоящие глаза были на месте, там, где им и положено.

Силуэт, поднявшись из тачки, немного помаячил перед наблюдателями, а затем сполз на дорогу и вновь превратился в серый студень. Студень пополз прочь.

– Видели? – повернулся Логинов к остальным.

– Почему он не такой, как... другие? – тихо спросила Ольга.

– Неужели ты не понимаешь? – сжал ее руку муж. – Он потерял силу. Почти потерял. Стал инвалидом, если перевести на человеческий язык.

– Но это всего лишь небольшой сгусток, – попытался охладить их Марат. – Когда они вместе, с ними гораздо труднее совладать.

– Даже при помощи молитв? – спросила Лариса.

– Алексею наши молитвы не помогли. И, по-моему... они все время набирают силу. Это уже не только «призраки». Это что-то другое. Помните, вы рассказывали, что сначала могли видеть лишь своих близких и знакомых? А теперь им больше не требуются ваши память и воображение. Они научились сами формировать свой облик... Не исключено, что скоро даже здесь не будет так безопасно.

Они смотрели на него, и никто из них на этот раз не знал, что сказать.

– А если мы пойдем туда, на площадь? – не выдержал наконец Юра. – Все вместе. И будем молиться?

Марат покачал головой.

– Этим нам их не уничтожить. Потом, вы уверены, что они все еще будут находиться там?

– Интересно, а почему они растут? – спросила вдруг Алевтина Макаровна таким тоном, будто спрашивала ученика на уроке.

– Как почему? Растут, да и все! – пропищала Светлана.

– Они ведь превращаются в людей! Ну, пусть не в людей, но они выглядят как люди! У них две руки, две ноги, голова... Ничего лишнего! Куда же это лишнее девается? Если клетки, к примеру, растут...

– А может, *это* и не из клеток вовсе? – предположил Юра.

– Фантастики начитался? – строго буркнула завучиха.

– А то, что с нами сейчас происходит – разве не фантастика? – возразил ей Роман. – Я могу выдвинуть одну гипотезу.

– Ну, давайте послушаем, – разрядил обстановку Марат.

– Короче, – начал Роман, – предположим, что существуют разные тонкие материи...

– Ты что, эзотерикой увлекаешься? – насмешливо поинтересовался Юра.

– Ну, допустим, я просто продвинутый человек. Потом, я же только предположения строю, а не утверждаю, что так и есть!

– Ладно, молчим и слушаем! – приказал Марат.

Роман продолжил:

– Есть слой астральный, ментальный, эфирный, огненный...

Это я в одной книжке читал. Но вам это неинтересно. Суть в том, что, кроме физического, все они невидимы невооруженным глазом. Иногда их можно почувствовать. Есть люди, которые их видят, и даже вступают с ними в какой-то контакт, но таких людей мало. Это экстрасенсы.

– Ну вот, началось, уже про экстрасенсов... – пробурчал Юрий.

– Этот серый студень... Его количество может увеличиваться за счет ауры и прочих биополей. Они становятся для нас видимыми. А когда формируется «призрак», мы перестаем их видеть.

Наше биополе выглядит так непривлекательно?! – удивилась Лариса. – А я всегда считала, что аура – это что-то красивое, разноцветное... Правда, сама никогда не видела.

– В обычном виде, может, она и разноцветная. И даже красивая, – пояснил Роман. – Но здесь она трансформирована. Вернее, она сливается с физической материей, и получается... вот такое. Новая форма жизни. Сатанинская.

– А почему мы вообще так уверены, что это какая-то нечисть? – опять вступил в дискуссию Юрий. – Что, если на наших глазах действительно зарождается новая жизнь? Ведь обещал же Циолковский, что когда-нибудь мы все превратимся в лучистую энергию?

– Ну, во-первых, до этого человечеству еще жить, не дожить... – вмешался Марат. – А во-вторых, где вы тут видите лучистую энергию?

– Это я для примера, – сказал Юра. – Но, если может быть лучистая энергия, то могут быть и другие формы! Самые разные. И различного происхождения. Хотя бы серый студень. Собственно, чем он плох?

– Как? – едва не набросилась на него Света. – А то, что он уничтожил весь город...

– Во-первых, он почти никого не уничтожил. Да, некоторых он убил. Но вряд ли осознавал, что лишает их жизни. Я думаю, он просто использовал их жизненную энергию, чтобы питаться. Надо же ему чем-то питаться! Ведь мы тоже едим мясную и растительную пищу, но при этом не считаем себя убийцами животных и растений!

– Юра, Юра... – попытался урезонить его Логинов.

Но молодого художника уже понесло.

– Большинство горожан не умерли. Они просто перешли в иную фазу бытия. И кто сказал, что им в ней плохо?

– Но они перестали быть свободными личностями! Утратили право самостоятельно распоряжаться своей судьбой! – слова Алевтины Макаровны прозвучали несколько высокопарно, но вызвали одобрительные возгласы.

– А оно им нужно, это право? – горячился Юра. – Может, им на это начхать! Их поманили, и они пошли в это болото. А потом слились в эту массу. И им хорошо! Они вполне счастливы! Идеальное сообщество! Общество будущего!

– Ты забыл об одной вещи, – сказал Марат. – Никто из них не соглашался на это добровольно. Их просто принудили к этому. Их *сделали* такими. Думаю, если бы каждому из них предложили на выбор: прожить обычную человеческую жизнь, полную радостей и трудностей, или слиться в лужу студня, и не иметь никаких забот, никаких желаний, то большинство выбрало бы первый вариант. Нельзя осчастливить насильно. Вот ты бы сам что выбрал?

– Так я же просто пытаюсь представить себе их логику! То есть логику тех, кто все это придумал. Может, они как раз были убеждены, что ведут человечество к счастливому будущему!

– А то, что они боятся святынь? Ведь святыни несут людям благо, – напомнила Алевтина.

– Поклонники Сатаны тоже считают, что он несет людям благо, – Юра никак не хотел угомониться.

«А ведь мальчишка по-своему прав, – мелькнуло в голове у Марата. – Может быть и так».

Вслух он произнес:

– Может, мы проголосуем? Кто за то, чтобы пойти и добровольно сдать им? И влиться в новое счастливое общество?

Никто не поднял руки, включая художника.

– Значит, продолжаем бороться, – заключил Логинов.

Все облегченно вздохнули.

– И какова дальнейшая программа борьбы? – спросил Роман.

– Кажется, нам уже не оставили выбора.

Марат первым заметил, что за оградой по асфальту течет целая река серого студня.

6. В ОСАДЕ

«Ибо, чрез семь дней, Я буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей; и истреблю все существующее, что Я создал, с лица земли.»

(Бытие: Гл. 7)

Девять человек, включая одного ребенка, молча смотрели, как поток серого желе с отверстиями-глазами огибаёт ограду и скрывается за углом. Даже Светин Игорек не плакал и не задавал никаких вопросов – только до боли вцепился в мамину руку.

– Они нас окружают, – сказала Ольга почти без выражения.

Марат знал, что он должен подбодрить товарищей по несчастью, успокоить их, сказать, что все будет хорошо, что они обязательно победят... Но не мог найти слова утешения. Прежде всего, потому что сам сомневался в победе.

Если бы столкнуться пришлось с людьми, пусть даже очень могущественными, гораздо сильнее его, Логинов бы попытался как-то с ними договориться, выторговать спасение в обмен на какие-то льготы для себя... И он не сомневался, что это ему удалось бы. Марат Логинов умел договариваться с людьми. Но в Черном Котле бал правило нечто непонятное и непостижимое. *Сверхъестественное*. И Марат прекрасно понимал, что все их логические умозаключения и предположения по поводу происходящего могут оказаться абсолютно ложными.

Они воображали, будто им что-то известно о сером студне и его свойствах. Тогда как свойства его постоянно менялись. Сегодня он мог быть не таким, как вчера... А завтра не таким, как сегодня... Наконец, серый студень мог оказаться просто мороком, а они – жертвами некоего чудовищного психологического эксперимента... Во всяком случае, Марат не был уверен в том, что все окружающее ему не мерещится. Но пока он был вынужден жить по законам этой *кажущейся* реальности.

– Так! Женщины и Григорий Акимович, уходите быстро в церковь! – скомандовал он. – А мы тут пока посмотрим, как и что.

Никто не стал перечить. Дед Григорий, Ольга, Лариса и Света с Игорьком направились в храм. С Маратом остались только Роман и Юра. Они продолжали смотреть на студень.

– Какая мерзость все-таки! – резко мотнул подбородком Роман.

Как бы в ответ на его реплику, со студнем начались метаморфозы. Он вспучился, бугры его словно затвердели – и вот уже вместо безликой серой массы пространство за оградой заполнилось людьми. Марат знал, что их тут тысячи. Но все они каким-то образом умещались в небольшом пространстве.

В толпе мелькнуло лицо Славы, растерянное, несчастное. Губы его что-то беззвучно выговаривали. Захотелось хлопнуть парня по плечу, пообещать, что он обязательно вызволит его отсюда.

– Марат!

Юрий крепко держал его за руку.

– Мы с Ромкой, как началось, сразу молиться стали. А у вас глаза, гляжу, совсем...

– Теперь и здесь действует. Слабо, но действует, – пробормотал Логинов.

– Может, пойдем туда? – кивнул Роман в сторону здания церкви. На «людей» за оградой он старался не смотреть.

– Ворота заперты? – спросил Марат.

– Да, – ответил Юра. – Дед заперал. У него ключи есть.

Они, не оглядываясь, двинулись к церкви.

Рассказывать о том, что случилось с ним, Марату не хотелось. За него это сделал Юра. Женщины заохали, заахали, началась дискуссия о том, как же теперь выходить во двор.

Логинов решил внести свою лепту, втайне надеясь, что это заставит остальных забыть о постигшей его слабости.

– Ну, вот что! С сегодняшнего дня в одиночку по двору не ходим. Только как минимум по двое.

– И в сортир? – с усмешкой спросил дед Григорий.

– И до ветру, и покурить! Пока один занимается своими делами, другой читает молитву.

– А они так и будут там стоять? – спросила Лариса.

– Будут стоять – еще полбебды. Как бы они сюда не *вошли!*

Женщины снова заголосили. А Роман поинтересовался:

– Что ж, так и будем тут сидеть, пока не передохнем?

– Или пока нас *эти* не сожрут, – махнул рукой на дверь Юра.

– Они-то до нас могут добраться раньше, чем мы до них, – нехорошо засмеялся дед Григорий.

И Марат понял, что возразить ему нечего. Дело табак. Разве что им очень-очень повезет. Но в чудеса он не верил. В *хорошие* чудеса, которые могут происходить в Черном Котле.

Внезапно Марат ощутил непреодолимую потребность действовать. Все равно – будет результат или нет. Движение – это жизнь!

– Мы должны занавесить окна, – выпалил он.

– Зачем? – посмотрели на него товарищи.

– Не догадались? Чтобы не видеть *их!*

– Но у нас нет электрического света, – напомнила Алевтина Макаровна. – И свечей тут тоже нет, храм ведь только реставрируется!

– Поймите, Алевтина Макаровна, речь идет о жизни и смерти!

– А план по спасению? – усмехнулся Юра.
– Мне надо подумать.

Потом они занавешивали окна тем, что находилось под рукой, выгоняя из помещения последние лучи света.

– Ну вот, – грустно вздохнула Лариса, когда стало совсем темно.

– Ничего, привыкнем, – стараясь казаться бесстрастным, сказал Марат. Ему вдруг стали приходить в голову мысли о том, чем можно заняться в темноте. Но только мысли. Он прекрасно понимал, что сейчас не время и не место.

«А если бы все было по-другому?»

«Если бы все было по-другому, я бы здесь не оказался. И мы бы не встретились».

Остаток дня прошел в ленивых и панических разговорах, в воспоминаниях о прежнем житье-бытье. Во двор, согласно «приказу», выходили по двое. За ограду старались не смотреть: там по-прежнему мельтешили «призраки».

На улице жалобно поскуливала Мушка. Дед Григорий регулярно подкармливал ее чем придется, но в храм собака не заходила, предпочитала бегать во дворе. Наверное, и она ощущала нечто чужеродное, и от этого ей было не по себе...

Из-за царившей в помещении темноты они не сразу заметили, что наступили сумерки, а потом ночь.

Дремавшего Марата разбудил голос Романа, раздавшийся над самым ухом.

– Ольки нет!

– Что? – приподнялся Логинов.

– Моей жены нет, говорю! Мы рядом спали, слышу, она выходит, должно быть, по нужде. Мне бы проснуться и сообразить, что нельзя ей одной, а я в полудреме был. Сейчас очнулся – нету. А времени-то уже, наверное, немало прошло!

– А ну, пошли! – Марат рывком поднялся с пола.

Они вышли во двор, с порога начав читать молитву. За оградой мелькали тени, но толком ничего было не разглядеть.

– Рома! – послышался женский голос, когда они подошли к сортиру.

– Оля! Ты где?

Она стояла за оградой, держа за руку какую-то маленькую фигурку.

– Я здесь!

– Оля! Что ты там делаешь? Как туда попала?

– Рома, я нашла Машу! Иди сюда!

Марат схватил Романа за запястье, не прекращая произносить слова молитвы.

Роман рванулся к жене.

– Пусти! – бросил он Логинову. – Я ее оттуда вытащу! Ее еще можно спасти!

Марат молча принялся оттащить его в сторону. С Романом приключилась истерика, он катался по земле и вопил как одержимый. Потом постепенно затих. В сторону ограды Логинов старался не смотреть.

В полном молчании они вернулись в церковь. Там все уже проснулись от голосов и криков, и хотели знать, что произошло. Марат коротко обрисовал ситуацию.

Надо отдать им должное – никто не бросился утешать Романа, сочувствовать ему. Его просто не беспокоили. До утра он неподвижно сидел в углу, глядя прямо перед собой. А под утро вызвался проводить во двор Свету с Игорьком.

Света вернулась вдвоем с Игорьком, плачущая и жалкая.

Марат сразу же все понял.

– Ромка ушел?

Света, всхлипывая, рассказала:

– Мы с Игорьком в уборную первыми зашли. Пока свои дела делали, он молился. Я слышала. А потом говорит: «Прощай, Света, я ухожу. Там Оля, Машка, а здесь мне делать нечего. Лучше таким, как они, стану. Но вместе с ними!» Я и пикнуть не успела, а шаги уже удаляются. Выскочила из сортира – а его уже нет. Ушел.

– Вон оно, значит, как! – глубокомысленно заметил дед Григорий.

– Что ж тут сказать? – ответил Марат. – Не по-мужски он поступил. Он должен был охранять Свету с Игорьком. А он их бросил. А если бы их туда затащило?

– Он уже был по ту сторону. Не с нами, а с ними. С тех пор как Ольга ушла. Разве ты не понял? – спросил Юра.

«Вот так, Марат! Роман сделал свой выбор. С чего ты взял, что все выберут то же, что и ты? Тебе-то тут нечего терять. А у Романа была семья. Для него так называемая нормальная жизнь без жены и дочери хуже, чем *это!*»

Алексей, Ольга, Роман... Кто следующий?

... Сначала им пришлось успокаивать Свету, которая плакала и твердила, что боится выходить во двор, потому что там, за оградой, Роман и Ольга... И она боится их увидеть... «Хорошо еще, что об Алексее не вспомнила!» – поразился Марат. Утешать плачущих женщин он не умел. Лариса сидела рядом со Светой, гладила ее по плечу, а Алевтина Макаровна что-то монотонно приговаривала. «Эх, бабы!» – вздыхал, глядя на них, дед Григорий.

Игорек за компанию с мамой тоже заревел. Как ни странно, это мгновенно привело Светлану в чувство. Она перестала всхлипать, прижала сына к себе и взъерошила ему волосы, что-то ласково шепча.

«Неужели мы все погибнем? – размышлял Марат. – Неужели это просто отсрочка, и надеяться не на что? Может, правы были Ольга с Романом? И нам остается только принять новые правила игры? Ведь в сущности никто из нас не умрет. Мы просто станем частью целого. *Живого* целого».

«И не будет больше ни тебя, ни этого забавного старичка сторожа, ни строгой училки Алевтины, ни художника Юры, ни молодой мамы Светы с ее Игорьком... И Ларисы тоже не будет. И тебе не придется отвечать ни за свою жизнь, ни за жизни других. Да и кто ты, собственно такой, чтобы за кого-то что-то решать?»

Он мог сказать им, что все безнадежно. Что своим сидением тут они только отсрочивают то, что неизбежно должно произойти. И что это лишь вопрос времени. Студень набирается силы. Скоро его не остановят и церковные ворота. И даже стены храма. Серая масса вольется сюда и захватит их, увлечет с собой. И тогда все кончится. Насовсем. О том, что будет *после*, они уже никогда не узнают.

«А собственно, почему мы думаем, что у *них* нет индивидуальности? Что они не способны мыслить, как мы? Ведь они усваивают информацию о нас. Возможно, они делают какие-то выводы, умозаключения, вырабатывают собственное мировоззрение...»

И все же Логинов был склонен предполагать, что «призраки» – это не более чем иллюзия. Это то, что призвано воздействовать на мозги «неохваченных». А есть только серый студень, обладающий сознанием десятков тысяч людей.

«И это самое страшное – сохранить свое сознание. Быть все время с *ними* – и в то же время самому по себе. Или *они* просто пользуются нашим сознанием? С кем мы общаемся, когда они пытаются вступить с нами в контакт? С бывшими людьми, или с чем-то совершенно иным, ничего общего не имеющим с человеческой природой, но питающимся человеческой жизнью?»

Марату казалось, что, если он поймет, какова эта природа, то поймет, и зачем все это, и чего ждать от *них*. И тогда, быть может, у них появится шанс. Пусть мизерный, но шанс.

– Григорий Акимович, – обратился он к деду, – необходимо собрать все предметы, имеющие отношение к религии. Кресты, иконы... Будем строить заграждение!

– Предметы культа, значит, – деловито констатировал дед Григорий. – Да здесь, почитай, таких почти и не осталось. Разграбили после революции. Только то, что люди с собой принесли. Да кресты на могилах.

– Нужно выкопать их. И расставить вокруг церкви.

– Богохульство-то какое! – запретила Алевтина Макаровна. – Вы же к осквернению захоронений призываете!

– Сейчас не до этики, уважаемая Алевтина Макаровна! Спаситесь бы...

Копали вчетвером: сторож, Марат, Юра и Лариса. Алевтина со Светланой и Игорьком остались в церкви. Копатели истово молились, стараясь не смотреть за ограду. Там при приближе-

нии людей вспучивалась гластая серая пена, и выростали из нее человеческие головы, руки, туловища...

Кресты вытаскивали из черной жирной земли – и откуда такой чернозем на кладбище, за которым сто лет никто не ухаживал? – сносили к церкви и прислоняли к стенам. Потом вынесли из храма все иконы, пристроили кое-как рядом с крестами.

Марат отошел подальше, посмотрел на результаты работы. Затем поднял с земли кусок угля, нарисовал кресты на всех стенах и дверях церкви.

«Для верности», – пояснил он.

Казалось, эти действия успокоили людей. Разговоры какое-то время даже не вертелись вокруг происходящего. Обменивались воспоминаниями из своей прежней жизни, даже смеялись немного. Может, ненадолго поверили в безопасность?

Только Логинов никак не мог расслабиться и забыться. Его терзали дурные предчувствия. И он даже не мог предвидеть, насколько быстро они оправдаются.

Во время очередного похода во двор вместе с дедом Григорием они заметили, что серый студень уже подобрался вплотную к ограде и буквально бьется о прутья. Видимо, что-то все же останавливало его, не давало преодолеть препятствие. Но надолго ли хватит этого сопротивления? Марат не сомневался, что эта самоорганизующаяся система становится все сильнее, постепенно адаптируясь к окружающей среде, преодолевая неблагоприятные обстоятельства.

«Но ограда – это всего лишь ограда. А кресты, иконы? Может, это задержит их хоть на какое-то время? Пока они не адаптируются?»

Юра с Ларисой о чем-то шептались в углу, и Марат почувствовал легкую ревность. Он почти никогда не испытывал подобных чувств, потому что до этого обычно не доходило. Отношения прекращались прежде, чем очередная пассия давала повод ревновать. Да и какая Лариса ему пассия! У них ведь даже не было ничего! И Юра ей по возрасту больше подходит. Вон за Светкой можно приударить. Она проще. И старше – лет двадцать восемь, наверное. Только зачем ему Светка? Не нравится она ему. Не в его вкусе. Хотя хорошая баба по-своему. А как она на Юрку поглядывает! Он же на нее ноль внимания. Художник, тонкая личность, мать твою!

Господи, о чем это он думает? Разве время сейчас об этом думать?!

С дедом Григорием договорились не рассказывать остальным про надвигающийся студень, не поднимать паники. Остановить студень они все равно не могут, остается только ждать, как он себя поведет. И ориентироваться по ситуации.

Солнце клонилось к закату, когда студень хлынул в ограду. Лариса открыла дверь и замерла на пороге.

– Там такое! – почти прошептала она.

Все сразу поняли: началось!

– Так! – приказал Марат, – слушайте мою команду! С этой минуты никуда не выходить из здания!

– А в туалет? – пискнула Света.

– Туалет мы устроим прямо здесь. Тут есть небольшая каменка, где стоят несколько больших ведер...

– Грех это, – вздохнул дед Григорий. – Храм осквернять...

– Мы это делаем с соизволения Господа! – резко сказал Марат. – Это он нас поставил в такую ситуацию! И пусть не ждет, что мы станем с ним цацкаться!

– Молодой человек, вы богохульник! – припечатала его Алевтина Макаровна, но Логинов никак не прореагировал на слова завучихи. Голова была уже занята другим.

– Вода у нас пока есть? – поинтересовался он.

– Натаскали с утра. Где-то на сутки должно хватить, – ответил Юра.

– Через сутки, возможно, уже все решится. Так или иначе.

Никто не спросил его мнения о том, что их ожидает. Люди, светя фонариками, которые брали с подоконника (фонарики были у Ларисы и Юры), открывали холодильник, доставали бутылки с водой, пакеты с соком, открывали консервы, делили еду, ужинали. Возможно, в последний раз.

Марат не стал ужинать. Аппетита совершенно не было. К тому же, он не любил есть при посторонних. Разве что в ресто-

ране, но там все было по-другому, *правильно*: столик, вкусная еда, интересная женщина или деловой партнер напротив, услужливые официанты... А здесь люди ели прямо на полу, разложив пищу на газете, сидя на собственной одежде... Даже в детстве у Марата всегда была отдельная комната, и он страдал, будучи вынужденным постоянно находиться в обществе товарищей по несчастью. А теперь из-за невозможности выходить во двор он был лишен уединения. Еще счастье, что он не курит. А как, наверное, мучаются курильщики – Акимыч с Юрой... Справлять естественные надобности необходимо, но вот от курения в церкви приходится воздерживаться. Это только некурящие убеждены, что бросить курить несложно. Сам Марат курить бросил только после обращения к специалисту. До этого дымил как паровоз. Пачка сигарет в день как минимум. Опомился, когда стал мучить кашель, и лицо приобрело желтоватый оттенок. Сейчас все позади, слава Богу. Хотя... какое это имеет значение? Этой серой штуковине все равно, кто курит, а кто нет...

К нему подошла только что поужинавшая Лариса.

– Знаете, Юра считает, что эта штука как-то перерабатывает человеческие тела. И что ей все время нужны новые тела. Как пища. Если она их не получит, то сдохнет!

– Значит, она будет переть до тех пор, пока не доберется до нас, – спокойно констатировал Марат.

– А заграждение? Зачем тогда мы его строили?

– А ты что думала, девочка, что серый студень сдохнет из-за заграждения?

– Честно говоря, мы все на это надеемся, – тихо ответила Лариса.

«Так вон оно что! Вот почему они почти спокойны! Они рассчитывают, что студень не сможет пройти сквозь эту преграду!»

А вдруг и правда не сможет? Марату захотелось, чтобы произошло чудо. Чтобы, ударившись о кресты и иконы, студень понял, что они ему не по зубам, и повернул назад. Или вообще подох.

– А как мы проверим, что происходит снаружи? – подал голос Юра.

– Мы узнаем.

Вечер прошел в препирательствах. Юра доказывал, что необходимо хоть иногда приоткрывать дверь и разведывать обстановку снаружи. Алевтина Макаровна и Света встали на его сторону. Дед Григорий и Лариса поддерживали Марата, который считал, что открывать дверь не следует. В конце концов, пришли к компромиссному варианту – решили, что будут по очереди выглядывать в окна, отодвинув закрывающие их «шторы». Если кого-то даже загнипнотизируют через окно, то товарищи смогут его остановить, прежде чем он дойдет до двери.

Первым по праву лидера в окно выглянул Марат. В сгущавшихся сумерках он рассмотрел, что обозримая часть двора покрыта серым и шевелящимся. Призраков видно не было, к заграждению студень не подползал.

– Похоже, что «призраки» появляются только, когда оно видит людей, – повернулся он к остальным.

– Оно не знает, что мы здесь? – спросила Света.

– Может, и знает. Но что мы знаем о том, как оно нас воспринимает и как реагирует на нас? Я не исключаю, что «призраков» студень может создавать только при визуальном контакте.

– Иными словами, чтобы сотворить «призрак», ему нужна какая-то информация о нас, – поддержал Юра.

– Значит, мы можем спокойно смотреть в окна и чувствовать себя при этом в безопасности? – обрадовалась Лариса.

– До тех пор, пока не будет доказано обратное. Что это небезопасно.

– Постойте! Они ведь могут нас увидеть в окне! – заявила Алевтина Макаровна.

– Когда в помещении нет света, с улицы трудно что-либо разглядеть, – пояснил Марат. Пожалуй, слишком поспешно. Ему хотелось верить, что смотреть в окна действительно безопасно. Но кто сказал, что серый студень обладает человеческим

зрением? А если он видит совсем иначе? Если ему ничего не стоит рассмотреть человека в окне?

– Юра, иди глянь в окно, – позвал он.

Юрий послушно подошел к другому окну, выглянул... И долго не отходил от него.

– Юра, хватит! – крикнул Марат.

Парень повернулся к нему.

– Я видел Алексея, Ольгу и Романа, – сказал он. – Кажется, они держались за руки. И звали меня к себе. Но я не почувствовал... никакого гипноза!

– Они прогрессируют, – натянутым, как струна, голосом произнесла Лариса.

– Мы уже давно все это поняли, – сказал Марат. – Нам, конечно, хочется верить, что мы разгадали их устройство. Но это иллюзия. Мы не можем прогнозировать их поведение.

– Почему же? – удивилась завучиха. – Мы знаем, что они *адаптируются* к обстоятельствам. А это уже немало.

«А ведь училка права! Не так уж *это* непредсказуемо! Например, мы можем дать прогноз, что оно попытается проникнуть в церковь».

– Я думаю, у нас есть время до завтра, – сказал он вслух. Им понадобится по крайней мере несколько часов, чтобы добраться до заграждения. Затем какое-то время, чтобы преодолеть его и открыть двери. Если за это время мы ничего не придумаем...

– Но, если мы избранные, оно не может просто так нас заглотить! – заявила Лариса. – Иначе, какой вообще во всем этом смысл?

– Может, ему нужна наша энергия. А может, именно наши кости, мясо, кожа... – зловещим тоном ответил Юра.

– Выходит, мы – просто сырье для студня?

– Может, и так. А может, он ждет... жертву!

– Что? – закричали одновременно с разных концов, услышав слово «жертва».

– Наверное, Алексея, Романа и Ольги недостаточно, – пояснил свою мысль Юрий. – Он хочет получить кого-то еще. Когда получит, то перестанет нас преследовать.

– Интересная мысль, – пробурчал Марат. – И кого ты предлагаешь в жертвы? Себя?

– Он сам выберет.

Юра произнес эту торжественную фразу – и как бы замкнулся. Лицо его стало каменным, мыслями он, судя по всему, был где-то далеко.

«Примеривает на себя роль жертвы», – сообразил Марат.

«А ведь в его рассуждениях есть что-то здоровое».

– Допустим, все дело в жертве, – заговорила Лариса. – Но зачем нас здесь собрали? Почему нас не забрали... сразу? Или наше спасение все-таки простая случайность?

– Я могу предполагать, – ответил Марат, – что у каждого из нас имеются какие-то качества, которые нужны... не знаю, для чего. Но нас слишком много. *Они* выбирают.

– Кто они? – закричал Юра. – Студень?

– Бог. И Сатана.

– Игра на вылет? До финала доходит только один... – прокомментировал Юра.

– Не обязательно один. Может быть, двое. Или трое. Или даже четверо. Но нас должно быть ограниченное количество. Не десять и не семь. Меньше. Гораздо меньше.

– А что, если все это затеяно, чтобы как раз добраться до этих троих-четверых? Или одного? – спросила Лариса.

– О чем ты? – испуганно произнесла Света.

– К примеру, этим избранным уготована какая-то особая участь.

– Их коронуют! – усмехнулся Юра.

– Это может быть еще страшнее, чем то, что уже случилось с остальными, – продолжала фантазировать Лариса. – Во много раз страшнее!

– Минуту внимания! – Марат опять решил взять инициативу в свои руки. – Не исключено, что от нас в данной ситуации действительно мало что зависит. Студень возьмет свое, хотим мы того или нет. Но не факт, что у нас нет выбора.

– А если спросить? – предложила Лариса.

– Кого спросить, Лара?

– Спросить студень, что он хочет получить.

– Да ты и пикнуть не успеешь, как окажешься *там!* – взвился Юра.

– И все-таки, можно попробовать.

– Ну хорошо, Лара, – Марат все еще пытался держать ситуацию под контролем, – и как же ты собираешься у них об этом спрашивать?

– Мне кажется, что студень читает наши мысли, – она говорила очень тихо. – Если мы все одновременно подумаем об одном и том же, глядя на студень...

– Сумасшедшая! – констатировал Юра.

До утра никто из них не спал, и никто так и не решился выглянуть наружу. По звукам ничего нельзя было определить. Обычные ночные шорохи, голоса птиц... Выла Мушка, которую теперь, естественно, не кормили. Выла, как тысячи дворовых и бродячих собак... «Как будто нет ничего этого, – размышлял Марат. – Вот встанем – а за окном обычный день. И нет этой серой мерзости. И нет «призраков». Все это нам просто приснилось... Боже, сделай так, чтобы все это нам приснилось!»

Но у Господа Бога, видимо, были совсем другие планы относительно них. Едва, согласно показанию светящегося циферблата часов, наступил рассвет, Марат решительно приблизился к окну и выглянул за импровизированную штору. Вплотную к крестам колыхалось людское море. Оно напирало на заграждение, но не могло пока еще преодолеть его. Логинов увидел в толпе беззвучно шевелящего губами Славу и ощутил слабый гипнотический призыв. Он без труда отвел взгляд.

– Ну, как там? – на него смотрела Алевтина Макаровна.

– Плохо, – не скрыл от нее правды Марат.

– Где они?

– Готовятся к штурму.

Она помолчала. Потом тихонько сказала:

– Помните, что вчера говорила Лариса?

– Вы о чем?

– А ведь в этом есть рациональное зерно! Спросить у них, чего они добиваются!

– Ясно чего! Заполучить нас всех!

– Тогда зачем мы здесь? Почему мы спаслись? Вы же сами называли нас избранными!

– Алевтина Макаровна, – он попытался встретиться с ней взглядом, – это лишь мои предположения. Я не экстрасенс. Я ничего не знаю о сером студне. Но пока у нас есть хотя бы один шанс, мы будем сопротивляться.

– Вам не кажется, что сопротивление уже бесполезно. Они войдут сюда рано или поздно. И тогда мы окажемся в их власти.

– Но пока этого не случилось.

До него вдруг дошло: Алевтина же все понимает! Она не верит в то, что заграждение сможет остановить студень. Не тешит себя сказочкой о силе святых. Не такая уж она клуша, как кажется...

Они разговаривали очень тихо, и если кто-то из присутствующих прислушивался к разговору, то не подал виду. Мелькнула мысль – говорить ли остальным? Или – ждать, пока студень ворвется в церковь? А что это изменит: раньше он скажет всем, или позже?

Они откуда-то узнали сами, хотя никто больше не подхлудил к окнам.

– Ну что, они уже у самого заграждения? – спросил Юра.

Марат кивнул, хотя не был уверен, что его кивок виден в темноте. Юра молча прошлепал к холодильнику.

«И он в такую минуту может есть!»

Хотя – почему и нет? Еда часто отвлекает от проблем. Недаром люди много едят в состоянии стресса или депрессии.

«И мне не мешало бы подкрепиться», – подумал Марат. Юра возился у холодильника, рассматривая его внутренности при помощи фонарика.

– Припасов совсем мало осталось, – сообщил он.

– Это уже неважно, – ответил Марат.

Юра что-то вытащил из холодильника и пошел на свое место.

Марат, посветив фонариком, вынул наугад банку с какими-то рыбными консервами, попросил у Акимыча консервный нож и вскрыл ее.

- Хотите? – спросил он сторожа.
 - Колики у меня от них, – отказался тот. – Мне бы хлебушка...
 - Чего нет, того нет.
 - Сам знаю. Не маленький. Ты вон Лариске предложи, она еще молодая и желудок здоровый.
 - Лара, – позвал Марат. – Ты где?
 - Здесь, – ответил голос из дальнего угла.
 - Рыбки хочешь?
 - Из банки?
 - А откуда еще?
 - Ну давайте. Все равно больше нечего есть.
- Они ели сайру в масле, запивали простой водой – соки и минералка кончились – и молчали.
- Они ведь там стоят? – нарушила наконец молчание Лариса.
 - Где там? – притворился он дурачком.
 - У крестов. Я знаю.
 - Откуда?
 - Знаю, и все.
 - Ты что, телепатка? Мысли читаешь?
 - Наверное, у всех в экстремальной ситуации становится обостренное восприятие.
 - И где ты только таких умных слов набралась?
 - Просто читаю много.
 - Интеллектуалка, значит...

Эта словесная дуэль как-то отвлекала, даже веселила, если это понятие было применимо в подобной ситуации. Марату хотелось жить этим моментом и не думать о том, что произойдет через несколько минут или часов.

За стенами церкви по-прежнему было тихо. Если студень и штурмовал изгородь из крестов и икон, то совершенно бесшумно.

Напряжение нарастало. Люди молчали или говорили между собой о ничем не значащих вещах. Марата они почему-то избегали. Даже Алевтина Макаровна. Даже Лариса... После беседы за банкой консервов она ушла к Свете, о чем-то тихо с ней переговорила и забила куда-то в угол. Дед Григорий натужно кашлял в своем углу, и Марату почему-то подумалось, что старик это делает нарочно. Юра бодро насвистывал, но желания вступить в контакт не проявлял.

Логинову больше не хотелось командовать. Вообще ничего не хотелось, даже разговаривать с кем бы то ни было... На него нашло полное оцепенение. И он подозревал, что не на него одного... Это было самое страшное, что могло произойти с ними за эти дни. Потому что сначала они ничего не понимали. Потом думали только о том, чтобы спастись. Потом – надеялись, что все обойдется. А теперь надежды не осталось никакой. И у Марата тоже. Прежде он всегда презирал нытиков и пессимистов, был уверен, что из любой ситуации найдется выход. Но из этой ситуации выхода не было. Вернее, если и был, то они не могли его увидеть.

А что, если правы Лариса и Алевтина? Что если надо вступить в массовый контакт со студнем?

Логинов не привык так просто сдаваться. Еще вчера Ларисины рассуждения казались ему бессмысленными и наивными. А сегодня – может, от безысходности – они вдруг предстали в новом свете. В конце концов, расклад ясен: студень ворвется сюда. И тогда...

Во всяком случае, хуже не будет.

– Юр, – позвал он. – Поди сюда.

Ему почему-то казалось, что Юрий не подойдет. Не захочет с ним разговаривать. Но тот подошел.

– Слушаю, командир! – отрапортовал он. Марат понимал, что товарищу совсем не весело. Он ждет. Как и все они. Но у человеческой психики есть защитные механизмы, и вот Юра включил свой. Скрывает страх под натянутым весельем. Да какое, в конце концов, Логинову до этого дело! Он же не психолог!

И в то же время он понимал, что ему есть дело до них всех. И это нечто большее, чем просто ответственность. Они были словно повязаны между собой невидимой нитью. Они не могли уйти друг от друга. Ни в физическом смысле, ни в моральном. Пока все не закончится.

Откуда-то пришла мысль: они, собравшиеся здесь, в церкви, тоже – одно целое. «Мистика какая-то, – встряхнул головой Марат. – Не могут люди быть одним целым. Разве что в сексе. И то относительно».

– Юр, – сказал он, – я долго думал. И пришел к выводу...

– Покороче можешь? – раздраженно оборвал его художник.

«Ну вот, я уже не главный. Меня осаживают».

Он сделал вид, что не ощутил Юркиного раздражения. Спокойно продолжил:

– Возможно, Лара высказала не такую уж плохую идею. Мы можем попробовать поболтать с этой штукой. Хотя бы ради эксперимента.

– А у нас есть время на эксперименты? Ну-ну...

– Юра, ты же взрослый, разумный мужчина. Неужели ты не понимаешь, что это все? Конец!

– Значит, нам осталось натянуть на себя простыни и ползти к кладбищу? Кстати, вот оно, рядом. Только доползти-то нам не дадут. Тут же оприходуют!

– У нас есть только один шанс. Попробовать договориться.

– С этой серятиной? Не смей меня!

– А что мы теряем?

«Я его уговариваю. Он и слушать не хочет. Не получилось у меня быть лидером. Вот я какой, оказывается. Слабак!»

Но Юра неожиданно перестал ерничать и сказал, уже вполне спокойным тоном:

– Надо обсудить с остальными.

– Обсудим.

С остальными говорил Юра. И Марат был ему жутко благодарен за поддержку. Самому ему не хватало духу признаться в том, что он признал свою ошибку. Хотя в чем ошибка? Еще неизвестно, чем в итоге все закончится!

Решение вступить в контакт с «нечистой силой» поддержали единогласно. Впрочем, что им оставалось делать?

– Мне кажется, разговаривать с ними вслух не обязательно, – проговорила Лариса. – Достаточно просто думать. Я уверена, что оно слышит наши мысли.

– А как мы поймем, что оно нас услышало? – поинтересовалась Света.

– Мы поймем.

– Ну что? – спросил Юра. – Будем ждать, пока оно ввалится сюда?

– Мы должны попробовать *сейчас*, – ответил Марат. – Просто молчать и думать. Спрашивать их, чего они хотят.

– Давайте по счету три дружно думать! – хохотнула Светлана. В голосе у нее прозвучали истерические нотки.

Логинов поморщился. Он беспокоился за Светлану. Если у женщины начнется истерика, то вряд ли у них что-нибудь выйдет.

Но Света справилась. И даже Игорек ни разу не пикнул.

На счет три в церкви воцарилась тишина, прерываемая только нервным дыханием. Мысленно они обращались к незримой субстанции за стенами, как к разумному живому существу, моля ее дать ответ – не как им спастись, а что ей нужно от них.

И ответ пришел. Это было как морские волны, накатывающиеся на берег. Их нельзя было облечь в слова. Но каждый из присутствующих понял, что именно ему сказано.

– Одного из вас.

И они сразу зашумели, задвигались. Даже удивительно было, как компания из семи человек может создавать столько шума... Марат слушал их – и не понимал, о чем они говорят. Кажется, о каких-то пустяках. О ерунде. Они рады тому, что затея удалась. И пока еще не сообразили, что их ждет впереди.

Первой опомнилась Алевтина Макаровна.

– Что ж это мы? Вы же все слышали, что оно сказало? Оно хочет одного из нас!

Наступила тишина. И в этой тишине отчетливо был слышен частый стук их сердец. Почти в унисон.

– Ничего не поделаешь, – произнес Марат. – Мы должны бросить жребий.

– Спички тянуть – длинные и короткую? – зло спросил Юра.

– Это несправедливо, – возразила Света. – Мы все в разных весовых категориях. У меня, к примеру, ребенок. И что с ним будет, если меня не станет?

– Светлана права, – поддержала ее Алевтина Макаровна. – Я предлагаю желающим добровольно выдвинуть свои кандидатуры.

– А сами? – выкрикнул Юра.

Послышался вздох.

– Ну что ж, – срывающимся голосом ответила завучиха. – Вы правы. Кому я нужна? Мужа и дочери нет, коллег и учеников тоже, мне уже за пятьдесят, жизнь почти прожита... Я согласна.

– Постойте! – заявил Марат. – Я как командующий обязан принять ответственность на себя. Обязан вас спасти. Я разведен, мой сын от первого брака в случае чего унаследует все мои капиталы...

– Помолчите! – проскрипел прокуренным басом обычно молчаливый дед Григорий. – Я пойду к ним.

Он произнес это таким тоном, что все надолго замолчали. И поняли, что он все для себя уже решил.

– Я старше вас всех. Жена давно умерла, детей не нажил. Пора на покой.

– Разве никто из вас не понимает, что покоя там не будет? – взвилась Алевтина. – Это не смерть в обычном понимании. Вам придется жить, мыслить... Но вы уже не будете людьми!

И тут дед Григорий совершил то, чего от него никто не ожидал. Он просто встал, шагнул к двери и открыл ее.

Они не успели опомниться, как его фигура скрылась в светящемся прямоугольнике. Дверь захлопнулась, и вновь помещение окутала почти полная темнота.

Света с Ларисой разом заплакали. В их плаче Марату послышались нотки облегчения. Слава Богу, все решилось. Им больше не придется выбирать.

– Мы спасены! – завопил Юра.

– И что теперь? – спросила завучиха. – Что мы должны делать?

– Думаю, что надо подождать, пока они уйдут... – ответил Марат.

Обстановка в церкви заметно разрядилась. Они говорили о чем угодно, только не о студне и «призраках». Юра с Ларисой даже строили планы на будущее. К радости Марата, пока не совместные.

Марата вывел из забытья голос Светы.

– Вот, Акимыч ушел, а мы радуемся!

– Действительно, это не повод для веселья, – сказала Алевтина Макаровна. – Если бы он не ушел, то ушла бы я.

– Однако же вы не сделали этого? – заметил Юра.

– Я просто не успела...

Марат счел себя обязанным вступить за женщину.

– Ты что, Юрка, жалеешь, что она сейчас не там?

– Да я что – я ничего!

– Вот и молчи! Я бы сам туда пошел. Но Акимыч как-то больно уж неожиданно...

– Никто не ожидал от него такого! – подхватила Лариса.

– А жаль все-таки Акимыча! Хороший был дед. Толковый! Как мы теперь без него? – вздохнул Логинов.

– А мы останемся тут? – удивилась Света. – Я думала, все.

– Кто сказал, что все?

Алевтина Макаровна поднялась со своего места и внезапно дернула «штору» на ближайшем, забранном решеткой окне. Через секунду отдернула назад.

– Они у дверей, – упавшим голосом сообщила она.

– Они нас обманули! – зарыдала Света.

– Подождите! Кто сказал, что они нас отпустят после того, как мы принесем жертву? – угрюмо сказал Юра.

– Никто, – вымолвил Марат, с трудом разлепив губы.

– Вот то-то и оно! – петушился Юра. – Никто! С вопросом-ответом все вышло как надо, вы губу и раскатали! А они и не думают уходить. Будут нас теперь по одному выманывать!

– Ты прав, – сказал Марат. – Мы с ними ни о чем не договорились. Просто спросили, чего они хотят. Они ответили: «Одного из вас». А о том, что после этого они оставят нас в покое, никакого уговора не было.

– Может, еще раз у них спросить? – предложила Лариса. – Сформулировать яснее. Что, мол, мы должны сделать, чтобы вы нас отпустили восвояси?

– У меня другое предложение, – неожиданно для себя заговорил Марат. – Пусть каждый из нас мысленно обратится к своим близким. К людям, которые находятся там.

– Это же не люди! – раздраженно откликнулся Юра. – И у меня, например, никого там нет. Только квартирная хозяйка.

– Значит, к ней и обращайся, – приказал Логинов.

Однако мысленного контакта не получилось. В головах плескалась каша, но выудить из нее что-либо конкретное было абсолютно невозможно.

Через несколько минут, в течение которых они пытались установить телепатическую связь с «призраками», Марат понял, что попытка безуспешна, и прекратил «эксперимент».

– Мы делаем что-то не так, – предположила Алевтина Макаровна. – И поэтому у нас не получается.

– Я знаю, что! – почти закричала Лариса. – Нам нужно их видеть!

– Мы должны выйти отсюда? – растерянно спросила Света.

– Вообще нет! Достаточно посмотреть в окна. Гипнотический импульс слишком слабый. Скорее всего, это безопасно. Ведь с Алевтиной Макаровой ничего не случилось, когда она смотрела в окно!

– Я смотрела туда совсем недолго. Вряд ли за это время меня успели бы загипнотизировать, – пояснила завучиха.

– Слишком рассчитывать на то, что смотреть в окна безопасно, действительно, не стоит, – согласился с ней Марат. – Но попытаться можно. Если почувствуете, что поддаетесь гипнозу, читайте молитву и прекращайте контакт.

Они замерли у окон, всматриваясь в то, что происходило снаружи. Основная масса «призраков», кажется, стремилась к дверям. Они все прибывали и прибывали. Часть «призраков» стояла у самых окон, заслоняя собой «баррикаду». Марат углядел Славу.

– Привет, – сказал он мысленно, и сам удивился, насколько легко это у него получилось.

– Привет, – ответил Слава. На этот раз он даже не шевелил губами. Имитация речи больше не требовалась.

– Как тебе тут? – спросил Логинов.

– Ничего, нормально. А вы, Марат Константинович? Как вы?

«Надо же, все еще соблюдает субординацию, по отчеству называет!» – удивился Марат. И тут же отправил следующий мысленный импульс:

– Мне здесь плохо. Очень плохо.

– Идите к нам.

– А если я не хочу? Не мое это?

Молчание. Ему показалось, что лицо бывшего охранника как-то неестественно искривилось.

– Вы пожалеете, – завычал наконец в мозгу Славин голос. Вернее, не голос. Но все слова были понятны.

– Я хочу остаться человеком. Не хочу быть таким, как ты.

– Человек смертен. И поддержание физической оболочки отнимает слишком много сил.

– Кто тебя этому научил?

– Чему?

– Вот этим словам!

– Они пришли сами собой.

– Нет, ты за кем-то повторяешь. За кем?

– Мне больше нельзя с вами разговаривать. Вам лучше будет выйти отсюда.

– Что вы такое?

– Коллективный разум. Массовое сознание. То, к чему всегда стремилось человечество.

– А почему вы боитесь святынь и молитв?

Славино лицо пошло рябью, и вскоре за окном колыхалась серая масса. Наверное, Марат все-таки поддался гипнозу – он не уловил перехода.

Марат отвернулся от окна – и обнаружил, что и остальные сделали то же самое.

– Рассказывайте, – велел он.

По большому счету все пережили одно и то же – телепатическую беседу с кем-то из близких или знакомых. И всем было в конце сообщено, что они имеют дело с коллективным разумом. При упоминании же святынь или задавании вопросов о том, не является ли серый студень проявлением нечистой силы, «призраки» исчезали.

– Похоже, все дело в неудобных вопросах, – высказала предположение Алевтина.

– Может, достаточно упомянуть об этих вещах, как мы победим студень? – подхватил Юра.

– Мы уже думали, что его можно победить с помощью молитв и крестов. Помните? – спросил Марат. – Даже если мы заставим «призраков» превратиться в студень, он не менее опасен. К нему даже нельзя прикасаться. Ведь он не собирается уходить отсюда.

– Знаете, – сказала Алевтина Макаровна, – по-моему, в этом случае бесполезно торговаться. Если вы проходили историю, то наверняка помните, что частичные реформы, как правило, не приносили серьезных результатов. Крепостное право отменили в 1861 году, но это не слишком улучшило положение самых бедных крестьян. Радикальных перемен добивались те правители, которые меняли всю систему от начала до конца. Петр I, Ленин, Ельцин...

– К чему вы клоните, не пойму? – выразил готовность вступить в дискуссию вечный оппонент завучихи Юра.

– Мы надеемся, что какой-нибудь один наш шаг изменит ситуацию. А почему бы не подойти к проблеме системно?

– То есть? – в один голос переспросили Марат и Юра.

– Полностью изменить наше поведение. Ведь с самого начала мы были убеждены, что с этой штукой следует бороться, убежать от нее, заговаривать молитвами...

– Почему? Есть альтернатива – поддаться им. Влиться в коллективный разум, – усмехнулся Логинов.

– В том-то и дело! – воскликнула Алевтина. – Мы знаем только три способа общения со студнем. Либо мы прячемся от него и боимся, либо ведем с ним войну, либо позволяем себя зачаровывать... Но ведь может быть и четвертый!

– Какой? – прогремел под сводами храма нетерпеливый хор голосов.

– Понять его. Перестать относиться к нему с враждебностью.

– Тогда сами идите к ним. Станете «призраком» – поймете! – зашипел Юра.

– Вы знаете, я не верю, что там можно совсем... потерять свою личность. Ведь «призраки» – они же все помнят! И о себе, и о других. Это коллективное сознание состоит из множества отдельных сознаний. Иначе оно бы просто не могло бы существовать. Я – математик. Я привыкла рассуждать с точки зрения логики...

– Минус на минус дает плюс? – снова Юра.

– В философии существует закон единства и борьбы противоположностей. Так что минусы и плюсы – понятия относительные. Это знают даже математики. И очень часто плюс и минус не могут существовать друг без друга. К примеру, батарейка работает, только когда заряд подается одновременно на плюс и на минус. По отдельности они бессмысленны.

– Так мы должны им предложить дружбу навеки? – почти весело спросил Марат.

– Мы должны для начала посмотреть на ситуацию под другим углом.

– Что вы тут демагогию разводите? – неожиданно охрипшим голосом вмешалась Света. – Конкретно говорите!

– Перестать скрываться от них. Открыть дверь. Вступить в переговоры. Отнестись к ним как к партнерам, а не как к врагам.

– Ха! Пусти козла в огород! Так они и начали с нами партнерствовать! – засмеялся Юра.

– Но ведь другого выбора у нас нет, как я понимаю? – ответила Алевтина. И сделала шаг к двери.

И тут дверь отворилась. Люди замерли, глядя на светлеющий в темноте прямоугольник. Они ожидали, что оттуда в церковь хлынет лавина серого студня или толпа «призраков». Но никто не вошел. А секунду спустя дверь закрылась. Они не сразу заметили, что Алевтины возле нее больше нет.

– Они ее утащили! – крикнула Лариса. – Схватили за руку и утащили!

– По-моему, они каким-то образом услышали ее слова, – задумчиво произнес Марат. – И дали ей возможность, так сказать, осуществить теорию на практике.

– Какое там! Просто очередная жертва, оказавшаяся ближе всех к двери, вот и все, – мрачно констатировал Юра.

– А я думаю, это произошло не случайно, – возразил Логинов. – Совсем не случайно. У меня такое чувство, что это очень важно для всех нас.

7. ИСХОД

«...когда обезумевшие стихи, изготовившиеся преподать человечеству очередной урок апокалипсиса, вдруг смирились и отступили от задуманного».

(М. и С. Дяченко «Армагед-дом»)

Сначала они по инерции продолжали ждать. Не верилось, что студень вот так просто оставит их в покое и не решится на новый штурм. Особенно после того, как не оправдались надежды на «искупительную жертву» с дедом Григорием.

Никто из них не сомневался, что церковь вот-вот будет «захвачена». Но студень не торопился.

Все застыли в напряженных позах, глядя на дверь. Наверное, прошло не менее получаса прежде, чем они поняли, что ничего нового не происходит.

Первой заговорила Света:

– Мы должны сами открыть им дверь? Или захотеть, чтобы нас забрали? Или что?

– По-моему, они просто дали нам время. На решение, – сказал Юра.

– Какое решение? – усмехнулся Марат. – Они уже давно могли бы ворваться сюда, и... Не нужно им наше решение! Им другое нужно.

Остальные выжидающие посмотрели на него. Он видел их глаза, блестящие в темноте.

«Ну вот, опять все меня слушают...»

– Если бы я знал, что им требуется, то уже давно бы вам рассказал. В том-то и дело, что ничегошеньки мы не знаем!

– Можно спросить прямо у них, – робко предложила Лариса. – Мы ведь уже спрашивали раньше...

– Ну, и какой ответ получили? Что им нужны жертвы!

– Но ты ведь сам сказал – они могут просто войти и взять нас! – вмешался Юра. – Что им не нужно приглашение.

– Возможно, что-то другое...

– На что намекала Алевтина? – спросил Юра. – Какой-то бред насчет того, что мы должны понять это серое...

– А почему бы и нет? – Марат почти разозлился. – Почему ты считаешь это таким уж бредом?

– Потому что это мерзость. Нечистая сила. Зло. И хочет оно только нашей гибели. наших тел и душ.

– Ладно, а что такое добро и зло, когда-нибудь задумывался?

– Ну... – начал художник.

– Вот воровать плохо или хорошо?

– Плохо, конечно!

– А для вора это хорошо! Он украл – и для него это не что иное, как благо. А если ребенок умирает – хорошо?

– Какой ужас! – сказали в один голос Света с Ларисой.

– А если из ребенка получится новый Гитлер? Или садист какой-нибудь, маньяк, который станет убивать других людей?

– Папа говорил, что в любом тоталитарном режиме есть доля рационального. Тоталитарное общество возникает тогда, когда необходимо остановить хаос, – возвестила вдруг Лариса.

– А если маньяк убьет мать нового садиста? Или будущего террориста? – не унимался Марат.

– Кажется, я понимаю, что ты хочешь сказать, – вздохнул Юра. – Что все в жизни относительно, да?

– Правильно. В основе наших поступков всегда лежат позитивные намерения. Даже если мы делаем кому-то плохо, то нам самим от этого может быть хорошо. Никто не скажет: «Я это делаю, чтобы было плохо!» Геноцид, к примеру, тоже способ улучшения жизни человечества.

– Это страшно, – сказала Лариса. – Так не должно быть!

– Не должно. Но во Вселенной существуют некие силы равновесия. Предположим, на сто тысяч человек приходится один убийца, на сорок миллионов – один диктатор... Иначе общество неизбежно будет загнивать. Ни одна идеалистическая утопия еще не была реализована.

– Ну а нам-то что с этого? – буркнула Светлана. – Какое отношение это имеет к нам?

– Мы воспринимаем студень как зло. А ведь цели у него хорошие – он хочет объединить всех нас. Он считает, что так будет лучше для человечества.

– И как ему теперь объяснить, что это не так? – спросил Юра. – Что мы не хотим?

– Наверное, объяснить бесполезно, – задумчиво проговорил Марат. – Надо его в этом *убедить!*

– И как ты это собираешься сделать? – ухмыльнулся Юра. Все эту ухмылку почувствовали, хотя и не увидели.

– Мы должны подумать над этим. Сегодня. Сейчас. И помнить, что времени у нас мало.

Воцарилось молчание. Марат знал, что каждый из них самостоятельно пытается отыскать выход из положения. Придумать, как убедить эту штуку не трогать их... Какая глупость! Убеждать какой-то студень! Хотя... студень-то разумный! Серое вещество... Коллективный мозг... И что с этим «мозгом» прикажете делать?

Логинов при всем желании не мог себе вообразить, каково это – мыслить коллективно. Быть частью чего-то. То есть, условно говоря, все мы часть какого-то целого: класса, команды, рабочего коллектива, сообщества генеральных директоров... Кто сказал, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»? Карл Маркс?

При всем этом, так называемое «общество» Марат, как, наверное, и большинство людей, воспринимал с достаточной долей условности. Конечно, он в чем-то зависел и от властей, и от правоохранительных органов, и от налоговой, и от своих деловых партнеров и подчиненных, и от врачей, и от продавцов в магазинах... Ну, может быть, Логинов был чуть менее «человеком толпы», чем большинство. Он старался никогда не подда-

ваться панике, сильным эмоциям, в любой ситуации был склонен думать холодной головой – и чаще всего выигрывал, когда менее хладнокровные и более эмоциональные проигрывали. Необходимость быть членом общества он воспринимал как своего рода договор, предоставляющий определенные удобства для существования индивидуальностей. Как и многие сильные личности, Марат Логинов был достаточно эгоцентричным человеком, но при этом старался ладить с другими людьми – разумеется, если те не задевали его интересов. Он понимал, что уважение к другим в каком-то смысле гарантирует, что и его собственные нужды не будут проигнорированы.

Но имело ли смысл применять такой подход к студню? Он все еще про себя называл эту штуку студнем, хотя это было в корне неправильно. Если с ней и можно было договориться, то отнюдь не привычными способами, так как она не обладала обычным человеческим мышлением.

Обычно люди хотели денег или каких-то других благ для себя. Студень хотел *размножаться*. Втягивать в себя все большее и большее количество индивидов.

«Должна же в этом присутствовать какая-то логика!»

Очевидно, студень (или коллективный разум) полагал, что так будет лучше для всех. Что это идеальный вариант общества.

«А может, и правда идеальный? Может, мы просто не понимаем своего счастья?»

И Марату вдруг на миг захотелось испытать, каково – быть *частью* этого. Жить, мыслить, чувствовать – и при этом не отвечать за себя...

Хотя... ведь они все время забывают об одной вещи. Личности-то остались! Иначе откуда берутся «призраки»? Это иллюзия, суррогат личности? Или они существуют каждый по отдельности?

Наконец он понял, что готов заговорить.

– Мне кажется, что это только вариант.

– Вариант? – недоуменно повторили трое остальных.

– Бог... или что там у нас наверху... предусматривает различные варианты реальности. И такой... тоже. Но есть и другие. Мы должны доказать, что наш мир оптимален для нас. Что нам так лучше. Не просто заявить об этом, а совершить что-то, не оставляющее в этом сомнений!

– Что, например? – в тоне Юры звучало ехидство, и Марат понял, что его считают демагогом, впусую сотрясающим воздух.

– Каждый из нас должен сделать что-то, что не под силу коллективному разуму.

– Разве один человек может быть сильнее многих? – вступила в прения Лариса. – Ведь есть поговорка: один ум – хорошо, а два – лучше.

– Но... два человека это два человека, а не одно целое из двух, понимаешь? Всех нас когда-то учили жертвовать личными интересами ради общественных. Я еще пионеру застал и комсомол – линейки эти, смотры, субботники... Попробуй скажи, что не смог прийти, потому что бабушка заболела – тут же распекать начнут, родителей вызовут, выговор в личное дело... Чуть начнешь выпендриваться – по носу: будь как все, не выделяйся! Всех под одну гребенку! Но все равно выделялись. Кто-то в шахматы хорошо играл, кто-то был одарен в музыке, кто-то писал стихи... У каждого есть свои отличительные черты, свои таланты... Вот ты, Юра, рисуешь...

– Я еще ушами шевелить умею!

А ты, Лара?

Лариса смутилась. Потом еле слышно произнесла:

– Я стихи пишу.

– Может, считаешь?

– Хорошо. Только... Я ведь не поэт.

– Ну и что! Не всем же быть Пушкиными или Ахматовыми!

– Ладно, вот, – сдалась Лариса:

В стихах разлука – не беда,

А просто – чтобы грустили.

Ушли с вокзала поезда,

И двери наглухо закрыли.

**А на перроне – только я,
Да ветер гонит листья-слезы.
Где вы, далекие друзья?
Стихи в душе, а может, проза?**

**Я берегу прошедший день
В своей шкатулке сокровенной.
Там лето в шляпе набекрень
Лучи пускает через стены...**

**Вы приезжайте поскорей,
И лето выйдет к вам навстречу.
И будет много новых дней,
А в знак прощенья – теплый вечер...¹**

– Слышали? – спросил Марат. – Это Ларисино. Это только ее. Больше ничье. Ни у кого таких стихов нет!

Все посмотрели на Свету.

– Куда уж мне до вас, – вздохнула молодая женщина. – Поэты, художники... Я-то в институт провалилась, в продавщицы пошла. Стоять за прилавком – какой уж тут талант!

– Но что-то ты умеешь делать лучше других? Не так, как все? – настаивал Марат.

Света надолго задумалась.

– Вот разве что...

– Договаривай! – торопил он ее.

– Блюда всякие люблю придумывать, экстремальные. Салат из клубники и петрушки, например². Один раз мне даже приз из женского журнала прислали за лучший кулинарный рецепт!

– Ну вот видишь! – ободрил ее Марат. – А говоришь – ничего не умею...

– А Игорек? – неожиданно спросила Света. – С ним-то как?

Лоб Логинова прорезала глубокая морщина. Он физически это почувствовал. Правда, про мальчугана-то он и не подумал! Они изначально воспринимали его как придаток к Свете. Но он ведь тоже человек! А студень не делает различий между взрослыми и детьми. Что, если они спасутся, а Игорек – нет?

– Ну, и у этого молодого человека должны быть какие-нибудь таланты! – нарочито бодро произнес он. – Верно, Игоряша?

– Я паззлы быстрее всех в группе складываю! – выпалил Игорек.

– Вундеркинд ты наш! – умилилась Светлана.

– А сейчас пазл у тебя с собой? – поинтересовался Марат.

– Я всегда их с собой ношу, если не до конца собрал, – объяснил ребенок.

– А ты, Марат? – вдруг спросил Юра.

– Что я?

– Ну, а у тебя какой талант?

И Логинов понял, что ему нечего ответить. Стихов он не писал, рисовал плохо, заниматься музыкой бросил еще в детстве из-за полнейшего отсутствия голоса и слуха... Он был самым обыкновенным, рядовым бизнесменом. Да, он умел руководить людьми, зарабатывать деньги, но... Ничего выдающегося в этом не было. В России таких тысячи. Особенно с тех пор, как люди «перестроились» после реформ.

И тут вспомнилось, как в пионерлагере он изображал клоуна. Смешил товарищей. Пробовали многие, но только после его «схоxm» ребята катались по полу, надрывая животы от смеха. «Ну, быть тебе, Логинов, юмористом!» – говорил тогда вожатый. И он всерьез подумывал пойти по стопам Жванецкого – до той поры, пока не пришла пора сдавать вступительные экзамены в вуз. Родители жестоко высмеяли планы Марата пойти в театральное или в цирковое. «Во-первых, провалишься, там же все блатные, а если и поступишь, то будешь сидеть в нищете! Из них единицы куда-то пробиваются!»

Он послушался тогда – подал документы в Военную академию, где учился когда-то отчим. Потом ударился в бизнес... Стало не до показательных выступлений. Но анекдоты Марат

до сих пор умел рассказывать так, что даже самые серьезные и флегматичные слушатели надрывали животы.

– Я людей веселить умею, – заявил он, глядя в сторону Юры.

– Что ж ты до сих пор молчал? – спросил художник. – Повеселил бы нас!

– Настроения нет.

Все почему-то дружно рассмеялись.

– Ну вот, уже и развеселил! – констатировал Марат.

– А как мы им это... покажем? – послышался голос Ларисы.

– Ну, чтобы они нас поняли?

– А как они до сих пор нас понимали? – ответил вопросом на вопрос Юра. – Только интересно, как я буду рисовать в темноте?

– А бумага и карандаш у тебя с собой? – спросил Логинов.

– Обижаетесь! Какой же художник без карандаша и бумаги!

– Тогда рисуй! На ощупь. Ведь некоторые художники вообще были слепыми, ты об этом знаешь?

Юра молча зашуршал бумагой. Марат вспомнил, что у него была с собой какая-то папка. Наверное, оттуда и достает. Послышался характерный скрип мягкого карандаша.

– А как они увидят его рисунок? Ведь тут темно! – наивно спросила Света.

– Им не нужен свет, – уверенно ответил Марат.

– Не потому что без нее темно, а потому что с ней не надо света! – процитировал Юра.

– А собственно, почему мы не можем открыть окна? Ведь сами говорите, что терять уже нечего! – предложила Лариса.

– Не стоит, – сказал Марат. – Давайте не будем терять времени. Лара, читай стихи!

– Я уже читала.

– Читай еще. Для них.

Она помолчала. И начала:

**Ты помнишь погожий осенний денек,
Когда на вокзал мы пришли,
И кем-то затоптанный желтый листок,
Который ты поднял с земли?**

**Сказал ты: «Взгляни на кленовый листок –
Недавно ведь зелен он был
И сладкий древесный живительный сок
Весною и летом он пил!**

**Но осень пришла, этот лист пожелтел
И вскоре на землю упал...
Он к древу родному вернуться хотел,
А видел – лишь людный вокзал.**

**И так продолжалось до самого дня,
Когда он в момент роковой,
О лете печальную память храня,
Раздавлен был чьей-то ногой...»³**

– Как мило! Немного грустно и романтично, – похвалила Светлана.

– Света, теперь твой черед. Рассказывай рецепт своего салата с клубникой.

– Значит, так... Берете свежие ягоды клубники. Берете петрушку. Ягоды режете покрупнее, петрушку – помельче. Солите. Поливаете сметаной или майонезом – кому что нравится. Еще оливки можно добавить, или маслины...

Рецепт действительно оказался экстремальным. Придумать его мог только сумасшедший, и Марату подумалось, что Света не такая уж серая мышка, какой кажется. Пожалуй, у нее есть шанс с Юрой. Ему хотелось забыть о том, что Юре нравится Лариса.

«А как же Игорек? – внезапно кольнуло его. – Ладно, Юрка в темноте что-нибудь накаляет. А вот как паззлы складывать? Пацан, пожалуй, не сумеет!»

Но тут же он услышал голос Игоряша.

¹ Стихотворение И. Шлионской

² Если такое блюдо и существует, то автору об этом ничего не известно. Любые совпадения с реальностью случайны.

³ Стихотворение И. Шлионской.

– Дядя Марат, вы не волнуйтесь! Я в детском саду на спор эти паззлы складывал с закрытыми глазами!

– Как же это тебе удавалось?

– Не знаю... – растерянно ответил мальчик. – Но я все делал правильно!

– Света, это правда?

– Да, мне воспитательница что-то такое говорила... – голос Светланы звучал еще более растерянно.

– Так он у вас что, экстрасенс? Вроде Розы Кулешовой?

– Не знаю. Он иногда видит.

– Как видит?

– Ну, говорит, что случилось с кем-то из знакомых. Вот подружка моя в аварию попала, а он откуда-то знал, хотя нам еще никто не сообщил. Всегда знает, когда его отец должен позвонить. Да я как-то и внимания не обращаю... Не до того мне.

– Светик, понимаешь, это очень важно. Очень! Если Игорек может такое...

– А они нас слушают. И смотрят, – сказал вдруг Игорек.

– Кто они? – рванулся к нему Марат.

– Те. За дверью. Которые все время меняются. Ведь мы от них прячемся, да?

– Собирай свой паззл. Скорее!

Пацан послушно чем-то зашелестел.

Логинов знал, что теперь его черед. Но, как ни силился, не мог придумать ничего смешного. Старые, давно набившие оскомину анекдоты рассказывать не хотелось. Вдруг кто уже читал? Или слышал? Даже эти... «призраки» могли прежде их слышать. Нет, нужно что-то новое! Насмешить, удивить...

И тут легко, с ходу, придумалось:

– Чем отличается серый студень от обыкновенного? Серый студень ест людей, а обыкновенный люди сами едят!

В церкви грохнули. Марату показалось, что хохот слышится и за стенами. Нет, наверное, только показалось...

– Я нарисовал. Сказать, что? – спросил Юра. – Студень. И из него растут человеческие тела.

– У них нет тела, – заметила Лариса.

– Какая разница! Они ведь притворяются, как будто есть!

– А я паззл сложил, – громко объявил Игорек.

– Ну, проверь-то тебя мы не сможем, – вздохнула мама Света.

– Они проверят, – сказал мальчик.

Повисло молчание.

– Вы понимаете, что у ребенка постоянный контакт с ними? – спросил Марат, не обращая ни к кому лично.

– Игорь, а поговорить с ними ты можешь? – это Лариса.

– Они не говорят со мной вслух. Только в голове.

– Ну, хотя бы в голове. Что они говорят сейчас?

– Они... рассматривают.

– Что рассматривают?! – вскинулся Марат.

– Я не знаю, что это значит. Просто они сказали мне, что рассматривают...

«Опять тупик! А я так надеялся на Игорька! На то, что мы сможем общаться со студнем через него!»

И тут дверь открылась. На пороге кто-то стоял.

Они одновременно вздрогнули. Света прерывисто вздохнула. Юра нервно закашлялся.

– Это я, – раздался знакомый голос.

– Алевтина Макаровна!

На фоне открытой двери был виден только силуэт.

– Она с ними! – закричала Света. – Не пускайте ее сюда! Она пришла за нами!

– Я пришла, чтобы поговорить с вами, – сказала бывшая завучиха, и все осознали, что ее голос звучит не вслух, а у них в голове... – Думаю, нам больше не нужна устная речь, мы поймем друг друга и так. Впрочем, мы все общаемся только telepatically. Это людям кажется, что мы говорим с ними.

– А вы – не люди? – так же мысленно спросил Марат.

– У нас нет особых названий. Мы – следующий этап развития человечества. Или побочная ветвь, если хотите.

Марат услышал, как Света молится про себя. Он действительно мог отныне слышать чужие мысли! Как странно...

– Откуда вы взялись? – задала вопрос Лариса.

– Оттуда же, откуда взялось все живое.

– Как вы функционируете? – спросил Марат.

– В основном за счет информационного поля Земли. Мы стремимся стать разумом в чистом виде.

– Но вам нужны человеческие тела! – возразил Юра.

– Они дают нам энергию для подпитки.

– Вы убивали людей!

– Мы их не убивали. Просто забирали энергию, чтобы выжить. На том этапе мы могли выжить, только питаясь чистой энергией. Наши тела уже начали трансформироваться. Мы не могли использовать новые оболочки.

– А сейчас?

– Сейчас мы достаточно сильны, чтобы трансформировать их.

– Вы пришли сюда, чтобы заставить нас сдать? Почему вы просто не заберете нас к себе?

– Вы ошибаетесь. Я пришла потому, что решила вас защитить.

– Что? – обалдела переспросила Света. – Как это – защитить?

– Мы не просто коллективный разум. Каждый из нас еще обладает и собственным сознанием. У нас есть право голоса. И я заступилась за вас.

– Перед кем? – спросил Марат. – У вас существует какая-то иерархия?

– Это не иерархия в человеческом смысле. Нами управляет очень древняя сила. Я все равно не смогу вам объяснить. Вы не поймете. Для этого надо находиться среди них.

– Почему вы боитесь молитв? – выкрикнула Лариса. – Почему? Скажите? Вы – все-таки зло?

– Молитвы создают вибрации, разрушающие нашу структуру. Особенно на переходном этапе. Но сейчас уже легче.

– Как вы нас собираетесь защищать? – поинтересовался Логинов.

– Я... сумела доказать *им*, что каждому должен быть предоставлен свободный выбор. Я выбрала. Я хотела понять, что *они* такое. И поняла. Я вместе со своими близкими... Я не одинока. А здесь... Какая жизнь ждала меня здесь! Но вы... Вы – другое дело. У вас есть будущее.

Я хотела бы рассказать вам о том, что вас ожидает, если вы будете с нами. Бессмертие! Ваше сознание никогда не умрет. Вы будете мыслить – а значит, будете существовать – в этой форме или в более совершенной. Вы не будете ощущать боли или дискомфорта – в физическом понимании. Вам не придется заботиться о хлебе насущном...

– А тела? – возразил Юра. – Где мы возьмем энергию для пропитания?

– Поглощение отдельных индивидов – это естественный процесс, в нем нет ничего дурного или стыдного, – пояснила бывшая учительница. – Это как закон природы, как смена времен года... Ведь круговорот в природе происходит без нашего участия. И здесь так же...

– Тогда зачем вы нас уговариваете? – спросила Лариса. – Раз от нас все равно ничего не зависит?

– Потому что мы разумны. Я... знаю, что вы не хотите к нам. И уважаю ваш выбор. Каждый из вас считает себя индивидуальностью и не хочет терять ее. Хотя то, что вы тут изображали, несколько наивно. Неужели вы думаете, что мы не можем рисовать, или писать стихи, или складывать паззлы? Но... для того, чтобы нанести рисунок на бумагу, мы должны взять в руки бумагу и карандаш. А это невозможно в силу нашего молекулярного строения. Мы способны создавать картины лишь в своем воображении. И кулинарные рецепты для нас бесполезны, так как нам не нужно больше есть. Стихи и юмор – они большей частью посвящены тоже материальному миру. В них для нас нет смысла. Вы можете остаться с нами – и отказаться от этого...

– Нет! – крикнула Лариса.

– Тогда... Попробуйте уйти отсюда.

– Это ловушка! – заорал Юра. – Они ее просто подслали! Они пытаются выманить нас отсюда!

– Вы можете мне не верить, – отрезала Алевтина Макаровна. – Но вы свободны уйти, если хотите. Никто не станет вас задерживать.

Силуэт на фоне двери исчез. Дверь захлопнулась. И опять настала темнота.

– А если нам и правда... уйти? – сказал Марат.

– Ты что? – взбеленился Юра. – Ей поверил?

– Она сказала, что мы свободны. Свободны!

– Ну и что с того?

– А то, что мы все это время зависели от студня! Находясь здесь, мы ни на один миг не ощущали себя свободными! Мы боялись, мы пытались вымолить себе поблажки, но ни разу не заявили о своем праве на выбор. Алевтина была права!

– А если мы останемся? – спросила Света.

– Кто хочет, может остаться. А я пойду. Кто со мной?

– Я! – неожиданно откликнулась Лариса.

– И я, – не очень уверенно отозвался Юра.

– А нам что, тут одним куковать? – вскочила Света, дергая за руку Игорька.

– Мама, все будет хорошо, я знаю! – тихонько шепнул ей на ухо мальчик. Но все почему-то слышали. Или они и впрямь научились читать мысли друг друга?

Марат подошел к двери и открыл ее. Внутрь хлынул поток солнечного света.

Они вышли из церкви один за другим, взяв с собой только самое необходимое: в сумках лежали кошельки, ключи, молчащие мобильники, никто не подумал о питье и пище, хотя было непонятно, где и как им теперь придется жить и питаться.

Впереди шел Марат, за ним Лариса, потом Юра. Шестивие замыкала Света, державшая за руку Игорька...

Серая желеобразная масса в рытвинах-отверстиях расплзлась перед ними в разные стороны – как будто расступалась.

– Они дают нам дорогу! – закричала Лариса на весь двор.

Но сегодня студень неуместно было называть множественным числом: просто серая субстанция. Никаких «призраков». И никакого гипноза. Они спокойно добрались до ворот и вышли наружу. Все пространство вокруг покрывала шевелящаяся масса. При их приближении она отползала, обнажая асфальт в выбоинах...

– Это чудо... – прошептала Света.

– Если бы не Алевтина... – начал Юра.

– Это сделали мы. Мы все. И Алевтина тоже, – сказал Марат.

– Значит, мы можем просто так уйти отсюда? Совсем? И никто нас не остановит? – спросила Лариса.

– Если мы этого захотим, – Логинов подхватил ее под локоть и повел меж двух потоков серого желе. Девушка не сопротивлялась.

Юра подумал секунду и, решительно повернувшись к Свете, легонько подтянул Игорька к себе и посадил на плечо. Женщина молча улыбнулась и пошла рядом, примериваясь к шагу мужчины.

Пройдя немного вперед, они оглянулись.

– Странно, – пробормотал Юра.

Реки серого студня огибали пригорок, на котором стояла церковь, с другой стороны вливались в лес и катились дальше, к болоту. Четверо путников не могли этого видеть. Но они *знали* об этом.

– Оно их притягивает! – удивленно сказала Света.

– Так и должно быть, – уверенно ответил Марат. – Ведь все началось именно с болота!

– Значит, все-таки чертовщина, – хмыкнул художник.

– Все, что есть в мире, либо от Бога, либо от дьявола. Есть две противодействующие силы. Третьей не дано. Либо божественное, либо дьявольское. Но этот уход... Я все же больше склонен верить в божественное вмешательство.

– А как же твои теории об относительности добра и зла?

– Наверное, они просто идут рука об руку. Чтобы не переборщить.

– А может, этот коллективный разум умнел-умнел – и понял, что он творит что-то не то? Что лучше оставаться обычными людьми? Такими, как мы?

Логинов молча пожал плечами.

Больше никто из них не оглядывался. Потоки студня ползли мимо и иссякали на краю той самой площади, где когда-то они потеряли Алексея. Они стояли на пустой площади, между ко-

робками пустых домов. И только теперь до них дошло, что они не знают, куда идти и что делать. И как жить дальше.

– Я думаю, нам будет лучше уйти из города, – сказал Марат.

– Мы поедем в Москву. Там я сумею позаботиться о вас всех.

– Я бы хотел вернуться домой, – ответил Юра. – В свой город. – У меня там родители, сестра...

– Может, вы с Игорьком поедете со мной? – взглянул он на Свету. – Вообще-то у меня отдельная квартира. От бабушки с бабушкой досталась. Вы могли бы пока там пожить. А я могу с родителями.

– Не знаю... Неудобно... Спасибо... – застеснялась Светлана.

«Дело на мази!» – понял Марат. И усмехнулся про себя.

– А ты, Лара? – взглянул он на свою спутницу.

Девушка закусила губу. Почти до крови. Логинов понял, что в этот момент она вспомнила о своих родных. Обо всех, кого она потеряла в этом городе.

– Хорошо, – ответила она, наконец. – Я поеду с вами, Марат. Все равно мне тут больше делать нечего. Вы меня сможете устроить на работу? Хотя уборщицей?

– Посмотрим, – пообещал Марат. Он уже знал, что легкой победы не будет. И что с этой женщиной будет не так, как с прочими. И его это радовало.

Они миновали пост ДПС, затем указатель. Марат с Ларисой шагали чуть впереди, Юра со Светой шли, держа за руки Игорька. Время от времени Юра отпускал детскую ручонку и подсаживал пацана на плечо. Когда тот начинал вертеться и хныкать – опять спускал на землю. Со стороны казалось, что это самая настоящая семья: папа, мама и сын... И пусть Юра был немного моложе Светы, разница в возрасте не так уж бросалась в глаза. Логинов не сомневался, что у них все будет хорошо. Во всяком случае, первое время.

Чем дальше они уходили, тем больше напрягалась Лариса. Марат чувствовал это почти физически.

– Боишься, что будет, как тогда? – шепнул он.

– Она кивнула.

– А если нас опять... не пустит?

– На этот раз пустит! – отрезал он.

Уже на закате они подошли к повороту, за которым была действующая автобусная остановка. На остановке стояли пассажиры, и было так непривычно увидеть обычных, нормальных людей, поджидающих автобус. Те с подозрением косились на наших путников – растрепанных, в измятой, испачканной побелкой одежде... К счастью, с расспросами к их компании никто не полез. Народ здесь был тактичный.

Подошел автобус до областного центра. Двери захлопнулись, мотор взревел, машина понеслась по шоссе, подсакивая на выбоинах... Это было так просто и буднично, что им показалось, что не было позади ни вымершего города, ни серого студня, ни «призраков», ни этих дней, проведенных в осаде... Может, Черный Котел им просто приснился? И не жили там никогда Света, Игорек и Лариса, и не приезжали туда Марат с Юрой... Все это морок, обман воображения...

К тому времени, как старенький автобус, дребезжа, подкатил к конечной, все четверо взрослых почти в это поверили.

Они купили билеты на поезд. Ехали в одном направлении, но Юра со Светой и Игорьком сошли раньше, долго махали руками с платформы.

– А ведь в последний раз, наверное, видимся, – подумал Марат. Но сожаления почему-то не было.

Они остались в купе вдвоем. Он и Лариса. Девушка отвернулась к окну и следила, как мелькают за стеклом перелески, луга, маленькие провинциальные полустанки...

– Ты когда-нибудь бывала в Москве? – спросил ее Логинов.

– Два раза. Один раз в детстве с родителями ездила. И еще раз, уже студенткой. На курсе поездку организовали.

– Ну и как тебе?

– Шумно очень. Народу много. Но интересно. Я, наверное, еще не привыкла просто.

– Привыкнешь.

И ему вдруг захотелось поселить ее в доме за городом. Что-бы вокруг – лес, озеро, парк... И никаких толп. Воздух и тишина.

«Я что, собираюсь сделать ей предложение? У нас же даже еще ничего не было!»

ЭПИЛОГ

Серая, вздувающаяся пузырями студнеобразная масса с человеческими глазами колыхалась в чаше бывшего болота. Нечто, погребенное на самом дне, под слоями ряски и ила, заставляло серый студень бродить, перекачиваться, трансформироваться... Вот полезли из него плечи, руки, головы... Они обрели все большую плотность, и наконец колеблющаяся субстанция, подпирающая снизу, начала выталкивать на поверхность человеческие тела. Люди в беспамятстве убредали прочь от болота, и только отойдя на довольно приличное расстояние, вдруг обретали сознание. Сначала не могли вспомнить, кто они такие, потом постепенно прорезались в памяти собственное имя, возраст, общественный и семейный статус, важные и не очень важные детали жизни... Они машинально возвращались туда, где прежде жили или работали, пытаясь по пути восполнить необъяснимый провал в памяти. Но в памяти сохранялись лишь обрывки видений: сильный запах тины, вместо тела – что-то аморфное, колеблющееся, скользкое, меняющее форму... Чужие мысли, смешавшиеся со своими... Странные ощущения, никогда не испытанные ни прежде, ни потом...

Катя медленно брела в гору. Ее догнал запыхавшийся Максим.

– Что случилось? Я ничего не помню. А вроде не пил, не курил...

– Болото, наверное, – поморщилась Катя. – Говорят, оттуда могут подниматься ядовитые испарения. И на мозги действует.

– Как нас сюда занесло?

– Колесо спустило, – напонила жена.

– Черт, надо вызвать службу автосервиса.

Он полез за мобильником. Мобильник работал, и Макс стал набирать номер.

– Давай уедем отсюда, – сказала Катя.

– А клиент?

– Перебьется твой клиент! Пусть в другое агентство обращается!

– И верно, – пробормотал Максим. – Не захочет он сюда. Места гиблые, возле болота...

Он повторно набрал номер.

– Скоро приедут. Пошли к машине.

Майор Никифоров шел следом за бывшей супругой, и все прикидывал: окликнуть или нет? Дело в том, что он совершенно не помнил, как оказался в этом месте, и почему бывшая жена шла впереди. Никифоров попытался включить свою полицейскую логику, но та не помогала. А бывшая все уходила и уходила вперед. Внезапно женщина оглянулась.

– Ну, чего за мной плетешься? Догоняй!

Майор вспомнил, что у него уже давно не было женщины. И что бывшая варит изумительные борщи. На ужин попроситься, что ли? Но все-таки – что они тут делали? И почему у него чисто отшибло память?

– Послушай, ты... – начал он.

– Чего не заходишь? Забыл совсем... А я одна, без мужика трудно! – укоряюще сказала женщина.

Никифоров наконец решил, прибавил шагу, догнал ее и примирительно шлепнул по заднице, как в молодости... Бывшая игриво рассмеялась, прижалась к нему округлым бабьим боком, и Никифоров понял, что сегодня ему не придется ночевать в одиночестве.

– А ты не помнишь, как мы здесь очутились? – спросил он чуть позднее, обалдело поглядывая вокруг.

Он нагнулся к Ларисе и поцеловал ее. Она не отшатнулась, не отвела губ, напротив, чуть раскрыла их навстречу ему. И это был лучший поцелуй в его жизни.

– А я у тебя хотела спросить! – удивленно ответила бывшая. Он озадаченно поглядел на нее.

– Место-то дурное, – обеспокоенно сказала женщина. – Давно уже старики про него говорили. Может, леший сюда завел?

– В болотах водяной, наверное, – предположил Никифоров.

– Какой водяной! Болотный!

– А раньше тут озеро было... – с мечтательной ноткой в голосе вспомнил майор.

– Было, да сплыло! – отрезала бывшая. – Теперь болото. И все из-за нечистой силы. Ты ведь сам мне про свою бабушку рассказывал, про ее байки!

– А ты дура, раз в такое веришь! Нету никакой нечистой силы!

– Да, Тогда кто нас сюда завел?

– По пьянке, может.

– А ну, дыхни!

И между ними началась обычная супружеская ссора.

Павел Ахросимов очнулся, почувствовав, как нечто невозможное горячее втекает ему в рот, бежит по жилам и заставляет содрогаться внутренности. Жизнь возвращалась к нему, и он не понимал, куда она подевалась до этого, и почему в памяти почти ничего не сохранилось. Он смутно припоминал каких-то людей-монстров, стремящихся присосаться к его рту и высосать душу... Какой бред! Какие монстры? Какая душа? Он приехал сюда, чтобы посмотреть дом! Да... А Марат? Что, если Марат найдет его? Павел застонал – и обнаружил, что лежит под каким-то забором. Вернее, сидит на траве, втиснувшись в щель между оградками. Интересно, а где он оставил машину? Кажется, на улице под названием Сосновая. Надо пойти туда. Как он сюда попал? На него напал кто-то? Полный провал...

К тому времени, когда Павел нашел в себе силы подняться на ноги, к нему вернулась способность соображать. Нет, здесь отсидеться не удастся. Место какое-то... уж больно гнилое. Да и затега спрятаться – дурацкая. Уж лучше к Марату с повинной. Повиниться. Пусть заставит отработать. Он отработает. Ну не убьет же его Марат! Такие грехи за ним не водятся. Потом, если убьет – кто ему вернет деньги? Глупо... Значит, будем отработать. А сейчас нужно отыскать машину, сесть в нее и вернуться в Москву.

Охранник Слава поскреб затылок и огляделся по сторонам. Шефа нигде видно не было. Куда же он делся? Славе снился странный сон. Будто он втроем с шефом и какой-то девушкой шли по городу, где не было ни одной живой души. Последнее, что он помнил, это как зашел внутрь поста ДПС, и там ждало его что-то страшное... И приснится же такое!

Но где все-таки шеф? Слава стоял в лесу, в нескольких метрах от небольшого озера. Приглядевшись, он понял, что никакое это не озеро, а болото! Какая нелегкая его сюда занесла?

Он полез за мобильным, стал дрожащими пальцами набирать номер шефа.

Шеф ответил с тринадцатого гудка.

Услышав Славин голос, он долго молчал. Потом сдавленным тоном спросил:

– Ты где? Машину поищи. Стоит где-то возле площади. Найдешь – позвони мне. И давай в Москву. В Москву, говорю! На чем хочешь. На машине, на поезде...

Из трубки потекли частые гудки...

Алексей удивленно остановился посреди улицы. Такое с ним было впервые: он не помнил, откуда пришел и куда идет. Вроде бы он спал.

Во сне он побывал в местном храме, где шел ремонт, и там были какие-то люди, из которых он знал только соседку Алевтину Макаровну. Дальше снились какие-то полупрозрачные серые тени, и вроде бы как он сам превратился в одну из этих теней и превращался вместе с ними в вязкое, серое, с человеческими глазами...

Где он спал, почему оказался на улице, а не дома – на эти вопросы у Алексея ответа не находилось. Пить он накануне не пил, это точно. Был трезв как стеклышко.

«Наверное, нужно идти домой».

Эта мысль показалась здоровой, и Алексей пошел.

Подходя к дому, он встретил соседку, школьного завуча Алевтину Макаровну, которую во сне видел в церкви. Женщина странно посмотрела на него.

– Вы хорошо себя чувствуете, Алевтина Макаровна? – спросил он. – Что-то вы бледная.

– Давление, наверное, – ответила учительница. – Сны плохие снились.

И зашагала в сторону подъезда.

Муж и дочь были дома – из-за двери слышались их голоса. Алевтина полезла за связкой ключей, но ключей почему-то не нашлось. Она чуть помедлила, прежде чем позвонить.

Дочь стояла на пороге, веселая, разрумившаяся, а из-за ее плеча выглядывал муж в фартуке по пояс. По квартире витал запах свежеепожаренных котлет.

– Ну, мама, наконец-то, а то мы уже заждались! Наконец-то! Папа тут кухарничать взялся, мясо на фарш провернул и котлеты пожарил.

– Молодцы вы тут без меня! – похвалила Алевтина Макаровна. – Кстати, а где вы были?

– Что? – нахмурились оба.

– Где вы были до того, как пришли домой?

Они непонимающе переглянулись.

– Спали, кажется, – выдавил наконец муж.

– Да? – с подозрением переспросила Алевтина Макаровна.

– Да ты что, мама? – дочь посмотрела на нее с укором. – Ну, гуляли мы. По лесу.

– Возле болота?

– При чем тут болото?!

– Не ходите туда. Никогда!

– Аля, что на тебя нашло?

– Ладно, пошли ужинать.

Роман и Ольга вели за руки дочку Машу.

– А можно я еще погуляю? – канючила девочка.

– А уроки ты сделала? – строго спросила Ольга.

– Да ты что, мама! Ведь сейчас каникулы! Головку перетрудила на работе, да?

– Ты смотри, Рома, как современная молодежь разговаривает! – в голосе Ольги не было злости, скорее, веселье...

– Ладно, – примирительно сказал Роман. – Мария, беги к подружкам! Но чтобы в девять была дома!

– Конечно, папа!

Выдернув руки из родительских ладоней, девочка вприпрыжку понеслась через двор.

– Хорошо погуляли... – вздохнула Ольга.

На лице мужа появилось недоумевающее выражение.

– Погуляли?

– Ну да. А тебе не понравилось в лесу?

Роман неопределенно пожал плечами.

– Знаешь, Оля, эта прогулка почему-то начисто выветрилась из памяти. Что-то со мной не то...

– Наверное, это ты головку перетрудил, а не я! Ну, сколько можно гореть на работе?

– Оля, а ты помнишь, где и как мы провели последние несколько часов? Или дней?

Она посмотрела на него испуганно.

– Ведь не помнишь, так?

– Мне такой страшный сон снился! Как будто у нас забрали Машку. И мы ее искали. И нашли. Но...

Она осеклась.

– Не надо про сны.

Они зашли в подъезд.

Навстречу деду Григорию выскочила отощавшая Мушка.

– Ну, сейчас покормлю тебя! – старик погладил собаку по свалявшейся шерсти холки.

«А где это я был? Не помню ничего! Вот беда! Склероз замучил...»

Дед непонимающе обвел глазами частокол из икон и кладбищенских крестов, выстроившихся у стены, торопливо перекрестился и направился в свою сторожку.

Час спустя он, кряхтя, по винтовой лестнице поднялся на колокольню, осторожно ступая по загаженному голубями полу, подошел к пустому проему окна – и глянул в него. В закатных лучах город казался каким-то нереальным, будто из сказки: плоские, словно вырезанные из бумаги, фасады пряничных домиков, за которыми таилась сумеречная пустота... Сторож крякнул и потянул за длинную нитку, прикрепленную к язычку маленького, почти игрушечного колокольчика, висевшего на том месте, где обычно вешают церковный колокол. Колокол должны были повесить только после окончания реставрационных работ. А пока Акимыч ради, как он говорил, «баловства», подвесил на крюк под сводом колокольчик на нитке. Иногда его раскачивал ветер, и тот тоненько и приятно звенел над двором.

Он тянул за нитку, колокольчик раскачивался и звенел тонким медным звоном. Услышать его мог разве что тот, кто в эту минуту находился у самых стен храма. Но старику казалось, что это гремит большой колокол, с каждой секундой все громче и громче... Звон плыл и плыл над церковью, над городком, вырезанным из бумаги красными ножницами заката, над серо-зеленоватым пятном болота, возле которого копошились еле различимые человеческие фигурки... Выбиривал от звуков воздух, и на Черный Котел опускался очередной спокойный летний вечер...

СТИХИ Я СОЧИНЯЛА С ЧЕТЫРЕХ ЛЕТ.

(интервью)

Ирина Шлионская живет в Троицке с рождения. Окончила факультет журналистики МГУ по специальности литературный редактор, работала в издательствах и газетах. Пишет стихи и фантастическую прозу. Член Союза журналистов России, автор семи книг, опубликованных крупными издательствами.

– Ирина Александровна, как получилось, что Вы стали заниматься литературным творчеством?

– Стихи я сочиняла с четырех лет. В шесть лет начала писать еще и сказки. И тогда же решила, что стану писательницей. Мне нравилось, что писатели знамениты (в то время писателей было мало) и им не нужно каждый день ходить на работу.

Раннюю «писательскую славу» принес мне научно-фантастический рассказ «Девочка и динозавр». Он понравился известной писательнице Виктории Токаревой, которая пришла выступать в наш Дом Ученых, и Виктория Самойловна через своих знакомых поспособствовала тому, чтобы рассказ был напечатан в журнале «Пионер». Мне тогда было 11 лет. После публикации я получила множество писем от юных читателей журнала. Там указали, в какой школе я учусь, и письма приходили прямо туда. С некоторыми ребятами и девочками я потом долго переписывалась.

Затем были публикации других стихов и рассказов – в «Пионере», «Костре», «Пионерской правде». В 16 лет я стала внештатным корреспондентом районной газеты «Подольский рабочий», так как для творческого конкурса на факультете журналистики нужно было набрать несколько журналистских публикаций. Писала в основном на темы культуры, о кружках всяких... Даже гонорары копеечные получала!

– Вы ведь и сейчас пишете фантастические рассказы?

– Да. Одни в жанре философской фантастики, другие – мистической прозы, мистико-психологического триллера. Некоторые из них публиковались в альманахах и периодике.

– Как Вам удается публиковать книги? Ведь не у каждого это получается! А у вас уже целых семь!

– Я просто искала средства для достижения своей цели – стать профессиональным литератором. Поступила на журфак, получила

специальность редактора, чтобы войти в литературную тусовку. Сначала редактировала чужие книги, потом писала статьи в газеты и журналы. Первая книга вышла лишь три года назад. Я обращалась в несколько издательств, наконец, в одном из них ее приняли.

– **Названия Ваших книг – «Чертовщина – непостижимое или непознанное?», «Энциклопедия нечистой силы», «Контакты с параллельным миром», «Люди-феномены»... А почему именно эта тематика?**

– Мистические темы интересовали меня с детства. Любимым писателем был Гоголь. Обожала страшные истории. Говорят, все дети любят страшилки, но потом это проходит. У меня не прошло. Но напугать какой-нибудь историей меня сейчас трудно.

Когда стала старше, начала интересоваться сверхъестественными явлениями, экстрасенсорикой, парапсихологией... Попыталась понять, какое место они занимают в нашей жизни и как можно разгадать их природу. В середине 90-х появились издания, публиковавшие статьи на эту тематику, и я стала там сотрудничать. Потом устроилась на работу в газету «Мир зазеркалья». Все мои книги написаны на основе статей, подготовленных мною для различных изданий.

– **Какой аудитории адресованы эти книги?**

– Они рассчитаны прежде всего на массового читателя, интересующегося мистикой и непознанным.

– **Как бы Вы определили жанр, в котором они написаны?**

– Жанр мне трудно определить. Научно-популярным его не назовешь, поскольку я все-таки не ученый-исследователь, а всего лишь журналист. Скорее можно назвать его познавательной публицистикой. Вот, новый жанр придумала!

– **Темы Ваших книг достаточно спорные и неоднозначные. Не возникало ли у Вас как у автора проблем с религией и официальной наукой?**

– Православная религия, как известно, не признает ничего паранормального. Поэтому в общении с верующими людьми я стараюсь не затрагивать эти темы, и книг своих им не предлагаю. Хотя в них много написано и о ре-

лигиозных феноменах. Кстати, в церковь я хожу иногда.

С наукой сложнее. Часто приходится слышать: «Все, что вы пишете в своих книгах – неправда, не существует ни НЛЮ, ни привидений!» Но вспомните, что когда-то ученых сжигали на кострах за то, что они описывали объективную картину Вселенной! К тому же, материалисты, которые набрасываются на меня с упреками, сами нередко верят в приметы и сглаз, рассказывают различные мистические истории из своей жизни... Человеку просто свойственно отрицать все непонятное! Я глубоко убеждена, что явления, которые мы называем сверхъестественными и паранормальными, существуют, но пока мы еще не можем их объяснить с физической или психологической точки зрения.

– **С чего начинается работа над книгой?**

– С идеи. Она приходит в голову, а затем я прикидываю, как можно ее реализовать. Смотрю, какие у меня есть материалы, что нужно добавить. Для издательств иногда приходится сначала составлять план-проспект. Если его одобряют, то начинается работа.

– **Как Вы строите свой трудовой день?**

– Рабочий день у меня ненормированный. Пишу чаще всего после обеда до вечера с перерывами. Если делаю книжку по контракту, приходится работать больше, так как ее требуется сдать к определенному сроку. К тому же, мне необходимо еще регулярно готовить материалы в разные издания.

– **Стараетесь ли Вы правильно «подать» книгу?**

– Я стараюсь, чтобы книга прежде всего была интересной и грамотно написанной. Но, если вы хотите заинтересовать издателя, то вам придется приспособиться к его требованиям. Чтобы книга продавалась, она должна быть сделана в соответствии с текущим коммерческим спросом.

– **Говорят, название – это полкниги. Есть ли у Вас какой-то «рецепт», позволяющий придумать интересное название?**

– «Фирменных» рецептов нет. Обычно в голову приходит несколько вариантов названия, я выбираю один.

– **Что могут дать человеку Ваши книги?**

– Прежде всего, информацию к размышлению. Надеюсь, что для одних они станут неплохим способом проведения досуга, а других заставят задуматься о том, как непросто устроен наш мир...

– Как складываются Ваши отношения с издателями?

– Я публиковалась в трех московских издательствах – «Терра», «Гелеос» и «Вече» и в двух ростовских – «Наука-Пресс» и «Феникс». Для меня хороший издатель – тот, который платит деньги. Но, к сожалению, не все издатели уважают авторов. Типична ситуация, когда заставляют проделать большую работу над текстом, а гонорар выплачивают в размере одной месячной зарплаты – 10-20 тысяч рублей. Хотя в принципе должны платить проценты с каждого тиража.

– О чем будет Ваша следующая книга?

– Скоро выходит в свет моя очередная книга «Шифры судьбы». Ее выпускает московское издательство «Эксмо» совместно с ростовским «Наука-Спектр». Основная мысль – что мир это знаковая система, и любое слово, число, символ или звук могут служить кодом к какой-то области мироздания.

Сейчас работаю по контракту над книгой с условным названием «Будущее: апокалипсис или золотой век?» Она о феномене предвидения будущего, о футурологических прогнозах, астрологии, гаданиях...

– А дальнейшие творческие планы?

– Есть планы написать книги о сакральных местах мира и о мистических загадках мегаполисов. Большой город, мегаполис – это ведь особая энергоинформационная структура, порождающая свои самобытные феномены...

И, конечно, художественная мистика. Со временем мне хотелось бы заняться именно этим жанром.

– Насколько я понимаю, роман «Черный Котел», опубликованный в этом номере журнала, – Ваше первое крупное литературное произведение в жанре беллетристики?

– Да, это так. Написать художественную книгу гораздо сложнее, чем документальную. Ведь сюжет приходится придумывать из головы! Да еще все время возвращаться к началу, чтобы избежать несостыковок.

– Сюжет Вашего романа достаточно необычен даже для фантастики: начинается как банальная мистическая страшилка о монстрах, а к концу выясняется, что монстров-то никаких нет!

– Вначале я и задумывала это как страшилку. Но потом поняла, что это действительно банально и избито. И откуда-то выплыла идея противостояния индивидуальностей массовому сознанию. Эта тема мне очень близка по жизни...

– Ирина, что для Вас означает быть писателем? Профессия, увлечение, смысл жизни?

– И то, и другое, и третье...

– Вдохновение – это когда чешутся руки?

– Скорее чешется что-то в мозгу и хочется скорее сесть за работу. Наступает некое измененное состояние сознания. Это в моем понимании и есть вдохновение.

– У каждого в идеале должен быть свой стиль. Как бы Вы охарактеризовали свой? Подражаете ли Вы кому-то?

– Мне трудно судить о собственном стиле. Стараюсь, чтобы он у меня был, вот и все. Стремлюсь ни под кого не подделываться.

– Сейчас в обществе идет борьба между культурой и бескультурьем, знанием и незнанием. Какие тенденции победят, в конечном итоге? Является ли Ваше творчество вкладом в эту борьбу?

– Прогнозы давать не берусь, но надеюсь, что, прочитав мои книги, люди станут стремиться к культуре и знаниям.

– Что такое графомания, и имеет ли она право на существование?

– Графоман – это человек, который пишет литературные произведения, не имея таланта. Но графомания имеет право на существование. Если человек хочет, если этого просит его душа – пусть пишет, кому это мешает?

– Что, по-Вашему, будет происходить в нашей литературе в ближайшем будущем?

– Думаю, что появятся новые жанры. Скорее всего, будет издаваться больше книг мистического содержания, качественных семейных романов и триллеров. Детективы и боевики уйдут на второй план.

– Какой Вы видите судьбу человечества в XXI веке?

– Нас ждет новый взрыв технологий. Но существует очень много опасностей – климатических, экологических, военных, которые способны помешать дальнейшему развитию нашей цивилизации. Необходимо об этом задуматься.

– **Закончилась ли, на Ваш взгляд, эпоха великих открытий?**

– Думаю, что нет.

– **Если будет создан искусственный интеллект, как это отразится на существовании и развитии человечества?**

– Искусственный интеллект уже создан – это компьютерные матрицы, роботы... Другое дело, что его возможности пока ограничены, они контролируются человеком. Думаю, что со временем высокие технологии будут

все больше входить в нашу жизнь. Как это на нее повлияет – зависит только от нас самих.

– **Какова, на Ваш взгляд, главная опасность для человечества сейчас?**

– Разобщенность самих людей – национальная, социальная, духовная. В мире, где каждый за себя или держится за свою небольшую группку, трудно выжить.

– **Способна ли религия стать национальной идеей, объединяющей Россию?**

– Способна, если все примут этот менталитет. Но этого может и не случиться.

– **Что бы Вы пожелали начинающим писателям?**

– Держать! Пишите, стучитесь во все двери – и где-нибудь вас оценят по достоинству.

Беседу вел редактор журнала «Троицк литературный»
Алексей МИЛЬКОВ

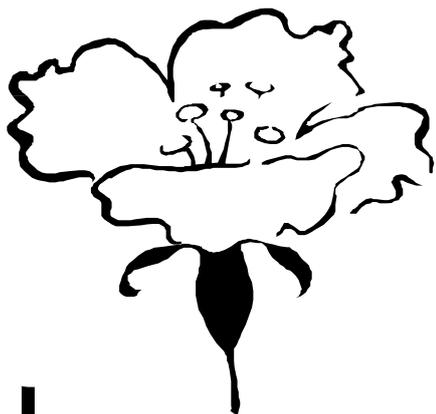

ПЕРСОНАЛИИ

ШЛИОНСКАЯ ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА родилась 7 мая 1971 года в пос. Троицкое Московской области. Окончила факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «литературный редактор». Работала в издательствах, газетах. Публиковалась в изданиях «Аргументы и факты», «Мир новостей», «Мир зазеркалья», «Оракул», «Тайная власть», «Незримая сила», «Эра Водолея», «Чудеса и приключения» и др. Всю жизнь живет в г.Троицке, работает в Москве, в издательском доме «Мир новостей Инфо» Член Союза журналистов России.

1985 г. Автор вместе с отцом, доктором физико-математических наук, академиком Международной Академии информатизации Александром Григорьевичем Шлионским.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей МИЛЬКОВ ПОРА КОМУ-ТО ПРИНИМАТЬ ЭСТАФЕТНУЮ ПАЛОЧКУ ОТ СТИВЕНА КИНГА	2стр.
Ирина ШЛИОНСКАЯ ЧЁРНЫЙ КОТЕЛ (мистический роман)	3 стр.
Ирина ШЛИОНСКАЯ СТИХИ Я СОЧИНЯЛА С ЧЕТЫРЕХ ЛЕТ (интервью взял Алексей Мильков)	40 стр.
ПЕРСОНАЛИИ	44 стр.

Литературно-критический журнал “Троицк литературный”

Сайты писателей г.Троицка:

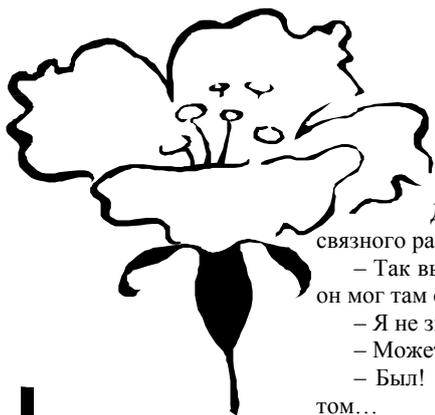
ЛИТО г.Троицка www.litera.itn.ru
Нина Соротокина top.izmiran.rssi.ru/~soro
Алексей Мильков alm.ntcstm.troitsk.ru
Ирина Шлионская users.podolsk.ru/mirzaz/Index
Юрий Супруненко www.suprunenko.ru
Майя Подсосонная justsite.itn.ru

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков leomilk@yandex.ru
Татьяна Вальчук val@izmiran.troitsk.ru
Ирина Шлионская IShlion@inetcomm.ru

Литературное объединение г. Троицка собирается каждую последнюю среду в 18.00 в редакции газеты "Городской ритм" по адресу: ул. Лесная, 4а. Председатель ЛИТО Вальчук Татьяна Евгеньевна.

Троицк: издательство “Трoвант”, 2007 г.
Печ. листов 6,4. Страниц 48. Тираж 100.

СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... стили... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ...

Дежурный следователь уже битый час не мог добиться от этой плачущей женщины связного рассказа о том, что же, собственно, произошло с ее мужем.

– Так вы говорите, его позвал мужчина, который стоял на болоте? – спрашивал он. – А как он мог там стоять? Его не засосало?

– Я не знаю, куда он делся! – рыдала Катя. – Пропал, и все. Его просто не стало!

– Может, гражданка, вы видели галлюцинацию? Может, никакого мужчины и не было?

– Был! Мой муж тоже его видел. Тот настоял, чтобы Максим спустился в болото. А потом...

– Вот скажите мне, если ваш муж видел, что там болото, зачем он туда пошел?

– Мы думали, что это просто овраг! И тот мужчина на дне стоял...

– Что ж он, как Христос, по воде ходит, что ли?

– Я не знаю! Я не могу этого объяснить!

– Так, давайте оставим эти бредни. В протоколе напишем следующее: вы с мужем заблудились в лесу, он на ваших глазах оступился, упал в болото и его засосало. Вы пытались помочь ему, но не смогли.

– Ему тот, в спортивном костюме, велел спускаться! – упрямо твердила Катя.

Следователь поскреб ногтями щеку, что у него выражало обычно крайнюю степень раздражения.

– С этим все ясно. Ответьте еще на пару вопросов. Жизнь вашего мужа была застрахована?

– Да. А при чем тут это?

– Сумма страховки?

– Пятьдесят тысяч долларов.

– Вы не собирались разводиться?

– Нет. А почему вы об этом спрашиваете?

– Потому, дамочка, что вас могут обвинить в гибели вашего мужа. Никто ведь не видел, как он упал в болото? Никто, кроме вас! И вообще неизвестно, упал ли он в болото, или причина смерти была совсем иной. Например, его убили. Или нарочно столкнули в это болото. Одним словом, свидетелей нет. Вся эта история очень подозрительна. Вы думаете, кто-нибудь поверит вашему рассказу о мужике, стоящем на болоте? Вы это сами придумали, чтобы запутать следствие!

Катя зарыдала еще сильнее.

– Нечего плакать крокодиловыми слезами! Вас сейчас под стражу возьмут и отведут в камеру, тогда наплачесь!

Она не отвечала, только всхлипывала.

– Впрочем, делу можно помочь, – голос следователя внезапно подобрел. – Мое условие – половина вашей страховки.

Был он и женат. С женой прожили шесть лет, прежде чем Логинов обнаружил, что рядом с ним – недалекая бабенка, озабоченная лишь тем, как одеться и как обставить дом, и не читавшая ничего, кроме женских журналов. Он развелся и регулярно выплачивал щедрые алименты на сына. Интересовался его школьными успехами, водил в кино и цирк, пару раз брал с собой за границу... Но с бывшей женой старался не общаться.

Жениться во второй раз Марат не торопился. То есть, в принципе, он был не против вступить в законный брак, но только с подходящей женщиной. Теперь Логинов хорошо знал себе цену. Он скептически относился к бракам своих приятелей, разволившихся с бывшими женами и избравших в новые подруги жизни пустоголовых длинноножек. «Для секса – одно, а для жизни – другое!» – это была любимая присказка Марата. Можно позволить себе ненадолго развлечься с симпатичной блондинкой. Но постоянно терпеть рядом с собой существо, которое за всю жизнь прочло две с половиной книжки, да и то с трудом – нет уж, увольте!

Он присматривался. Но ни в одной из своих новых знакомых не находил то, что хотел бы видеть в спутнице жизни. Интеллектуалки, как правило, не были готовы к роли жены и матери. Они хотели делать карьеру, и никак не смирялись с тем, что вершиной этой карьеры будет всего лишь замужество. Некоторые из его пассий презирали Логинова за то, что он занимался бизнесом. В их кругу было принято говорить о высоких материях, а не зарабатывать деньги. Они не могли привести Марата в дом к папе-профессору и маме – преподавательнице консерватории, в компанию друзей-филологов... В итоге рано или поздно наступал разрыв отношений, и Марат ни разу не пожалел об этом.

Логинов никогда не терял головы. На знакомства он смотрел легко, как на лотерею – неизвестно, какой билет вытянешь в этот раз. И Лариса была одним из таких лотерейных билетов. Может, пустышка, а может, главный приз...
